

Николай Михайлович ЛУКИН

МАКСИМИЛИАН РОБЕСПЬЕР

Приведено по:

Академик Н.М. Лукин. Избранные труды в 3-х томах. Т.1.

Издательство Академии наук СССР, Москва, 1960.

Впервые опубликовано в 1919 г. Приведено по 2-му, испр. и доп. изд. 1922 г.

Веб-публикация: Ктара (Екатерина Коробко) и редакторы сайты *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

ВВЕДЕНИЕ

Противоречия классовых интересов накануне Великой французской революции

В конце XVIII в. Франция была страной земледельческой по преимуществу. В 1787 г. на 23 млн. с небольшим ее населения на города приходилось всего около 2 млн., или 8,7%. Лишь два торгово-промышленных центра - Париж и Лион - насчитывали более 100 тыс. жителей¹.

Крупными земельными собственниками были король, дворянство и духовенство. В руках «привилегированных» сословий сосредоточивалось по разным провинциям от 13 до 50% всей находившейся под обработкой земли. Рядом с помещичьим землевладением видное место занимало крестьянское, на долю которого приходилось от 23 до 60% земельной площади. Но среди крестьян преобладали мелкие собственники. В некоторых областях около половины крестьян имели надел от одной до девяти десятин. В провинции Лаоннэ 45% населения имело лишь дом и клочок земли, меньше четверти десятины. Путешествовавший по Франции в конце 80-х годов XVIII в. англичанин Артур Юнг говорит, что мелкие крестьянские владения столь раздроблены, что одно фруктовое дерево с несколькими саженями земли образует усадьбу, приковывающую к земле целую семью. Накануне революции число земельных собственников во Франции было не менее 4 млн.

Вообще расслоение крестьянства сделало к концу XVIII в. крупные успехи. На одном полюсе деревни мы уже находим сельскую буржуазию, соединявшую сельское хозяйство с торговлей или промыслами; на другом - малоземельных и безземельных. Между кулаками и деревенской беднотой лежал плотный слой среднего, «трудового» крестьянства; средний размер надела такого «землероба» доходил до 13 десятин. Крупные землевладельцы обычно не вели своего хозяйства, предпочитая сдавать свои имения в мелкую аренду крестьянам.

При отсталости земледельческой техники и слабой развитии промышленности остро чувствовалась земельная теснота. За последние десятилетия перед революцией французский крестьянин жадно тянется к земле. Он сумел не только сохранить свою собственность, но и увеличить ее за счет дворянской и буржуазной.

Но прикупать землю могли лишь хозяйственные мужички; деревенская беднота была вынуждена арендовать помещичью и церковную землю, притом арендовать на самых тяжелых условиях, в огромном большинстве случаев «исполу».

Раз в деревне создавалось избыточное население и крестьянин готов был заплатить за аренду какую угодно высокую цену, крупным землевладельцам не было расчета заводить свое хозяйство или сдавать имение фермеру-капиталисту. За немногими исключениями, на дворянских и монастырских землях преобладала мелкая крестьянская аренда продовольственного типа².

Дворянин обычно и не жил в своем поместье, наезжая туда лишь на время, чтобы развлечься охотой или отдохнуть от городских удовольствий.

Накануне революции огромное большинство французских крестьян было лично свободными: они не принадлежали помещику и не были прикреплены к своим участкам, которыми могли распоряжаться по своему усмотрению.

Крестьянин считался собственником своей земли, но на ней лежали некоторые платежи и повинности, уцелевшие еще со времени крепостничества. Эти повинности, носившие название «феодальных», приходилось уплачивать местному сеньору-помещику, который считался верховным господином всей округи.

С каждого земельного участка в пользу сеньора приходилось ежегодно платить «чинш»; особый побор взимался при переходе крестьянской земли в другие руки, при продаже продуктов крестьянского хозяйства на рынке, на перевозах и т.д.

Крестьяне могли молоть хлеб только на помещичьей мельнице. Им запрещалось приступать к сбору винограда на своей земле, пока не будет закончен сбор в господской экономике. Нельзя было продавать молодое вино раньше чем через месяц после окончания работ. Последние привилегии обеспечивали помещику и дешевые рабочие руки в самое горячее время и высокие цены на вино.

Под страхом тяжелых наказаний крестьянин не имел права держать даже охотничье ружье. Кролики и голуби, во множестве разводившиеся помещиками, истребляли крестьянские посевы. А между тем благородный дворянин, наезжая в свой замок на время охоты, мог безнаказанно вытаптывать крестьянские поля своими лошадьми и собаками.

Все эти повинности, поборы, дворянские привилегии глубоко возмущали крестьян. За последние 50 лет перед революцией оскудевшие помещики особенно усердно принялись взыскивать феодальные платежи: специально приглашенные ученые юристы рылись в дворянских архивах, раскапывая давно уже позабытые повинности.

Сверх того, крестьянину приходилось уплачивать от 1/12 до 1/15 урожая в пользу церкви («десятина»). Наконец, на него же падала главная тяжесть государственных налогов и повинностей.

Итак, перед революцией крестьянин находился как бы под двойным прессом: в качестве арендатора чужой земли приходилось платить все более и более высокую ренту, в качестве собственника - платить в пользу сеньора, церкви и государства. По вычислениям современников, крестьянство уплачивало в виде налогов 2/3 своего чистого дохода.

При таких условиях крестьянин едва-едва сводил концы с концами. Нечего было и думать об улучшении хозяйства. Деревня нищала с каждым годом. Неурожаи и голодовки были обычным явлением.

Важным подспорьем в крестьянском хозяйстве служили разного рода угодья, находившиеся в общинном владении сельчан: леса, выгоны, пустоши, луга, торфяные болота и т.п. Но за последнее столетие перед революцией большая часть общинных земель была захвачена сеньорами. Наконец, местные помещики и сельская буржуазия, переходившие от трехполья к более интенсивным системам хозяйства, огораживали свои поля. Между тем среднее и мелкое крестьянство не могло, благодаря чересполосице, последовать примеру богачей. Но выдели хотя бы и немногих односельчан уничтожали право выпаса после уборки урожая, право сбора соломы после жатвы и тому подобные общинные обычаи, за которые крепко держалась деревенская беднота. В 80-х годах ко всему этому присоединились бедствия, вызванные рядом неурожаев.

Изнемогавшее под тяжестью всякого рода повинностей и поборов, оттесненное от пользования общинными землями, вынужденное терпеть всякого рода насилия и обиды со стороны привилегированных сословий и королевских чиновников, крестьянство глухо волновалось. Отмены феодальных повинностей, церковной десятины, уничтожения неравномерности в обложении, возвращения сельским мирам отнятых у него земель - вот чего хотел крестьянин, уставший ждать и надеяться на «доброе короля». Крестьянская революция была неизбежна.

От деревни перейдем к городу. В конце XVIII в. Крупные промышленные предприятия, соединявшие под одной крышей сотни рабочих, встречались лишь в виде исключения. Зато процветала домашняя система крупной промышленности, предприниматель-скупщик раздавал сырье разбросанным по своим «светелкам» кустарям и забирал потом готовый продукт для продажи.

Вся текстильная промышленность была рассеяна по деревням, где и служила подспорьем в хозяйстве крестьянина с карликовым наделом.

В городах сохранились остатки ремесла: хозяин мастерской работал еще вместе со своими немногочисленными подмастерьями, все еще мечтавшими открыть когда-нибудь собственное предприятие.

Настоящих индустриальных пролетариев было еще слишком мало. Рабочий класс едва лишь складывался, состоя в своем большинстве из элементов с мелкобуржуазной психологией.

Эта незрелость пролетариата наложила, как увидим, особый отпечаток на всю Великую революцию. Рабочие страдали от всякого рода косвенных налогов, удороживших предметы первой необходимости; застой в промышленности, наблюдавшийся в 1787-1788 гг., принес пролетариям нужду и голод. Рабочие не меньше крестьян ненавидели старый режим, но они еще не сознавали своих классовых интересов; в начале революционной бури пролетариат шел на поводу у буржуазии, позже сливался в своих выступлениях с городской беднотой вообще. [\[ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ во ФРАНЦИИ в отчетах Толозана, Неккера и Ролана \(при Старом порядке\), Юнг А. Путешествия по Франции. 1789\]](#)

Зато буржуазия, принадлежавшая вместе с крестьянством и рабочими к так называемому третьему сословию, еще до революции стала внушительной социальной силой. Ее золотую верхушку составляли банкиры, снабжавшие правительство деньгами, откупщики налогов, пайщики привилегированных торговых компаний. Этот слой буржуазии, теснейшим образом связанный со всей системой самодержавного режима, перешел в оппозицию старой власти лишь после того, как убедился, что дальнейшее хозяйничанье придворной клики неминуемо приведет к государственному банкротству; а ведь ни один кредитор не желает полного разорения своего должника! Но не радикальной ломки старого здания, а лишь частичной его починки хотели финансисты. Беспорядочное состояние государственных финансов революционизировало и многочисленную группу мелких рантье, всегда имевших основание опасаться какого-нибудь сюрприза со стороны правительства - в виде понижения процентов по займам, погашения части долга и т.д. Вся эта масса государственных кредиторов, чтобы быть в курсе всех перемен в политике, жила постоянно в Париже и была влиятельной силой, с которой правительство не могло не считаться.

Рядом с привилегированной частью буржуазии стояли крупные предприниматели и оптовые торговцы, организаторы домашней индустрии. Этот слой буржуазии являлся внушительной социальной силой преимущественно в крупных провинциальных центрах. К концу XVIII в. французская промышленность сделала крупные успехи. В Лангедоке и Шампани процветало суконное производство, в Нормандии - хлопчатобумажное; города Тур, Руан, Лион славились своими шелковыми изделиями. В Арденнах и Эльзасе уже имелись металлургические заводы. В Анзене усиленно разрабатывался каменный уголь. Несмотря на потерю большей части колоний, Франция вела оживленные торговые сношения с зарубежными рынками. В портовых городах - Бордо, Марселе, Нанте - выросла богатая и гордая торгово-промышленная буржуазия.

За последние годы перед революцией в Париже и других больших городах наблюдалась настоящая строительная горячка; целые кварталы с тесными кривыми улочками заменялись прямыми широкими проспектами с большими домами, принадлежавшими преимущественно буржуазии. В столице большая часть новых зданий строилась для сдачи в наем. Возник богатый слой домовладельческой буржуазии, почти отвоевавшей Париж у знати и духовенства.

Сознавая свою экономическую мощь, буржуазия тем острее чувствовала свое политическое бесправие.

Уничтожение сословных перегородок, равенство всех граждан перед законом, свобода устного и печатного слова, неприкосновенность личности и жилища, ограничение королевской власти народным представительством - такова была политическая программа буржуазии накануне революции. Уничтожение внутренних пошлин, привилегий цехов и монопольных компаний, отмена правительственной регламентации крупного производства, неограниченная свобода торгово-промышленной деятельности - таковы были требования буржуазии в области экономической.

В противоположность пролетариату буржуазия, как видим, превосходно сознавала свои классовые интересы и ждала лишь удобного момента, чтобы предъявить свой счет старой власти. Недовольство промышленников экономической политикой королевской власти особенно усилилось со времени заключения торгового договора с Англией 1786 г. Согласно договору, обе страны значительно понижали пошлины на ввозимые товары, но все выгоды этого понижения тарифов достались Англии, далеко опередившей Францию в своем экономическом развитии. Благодаря конкуренции английских дешевых товаров начался кризис во французской хлопчатобумажной, шерстяной и полотняной промышленности. В 1787-1788 гг. многие предприятия пришлось закрыть, в других хозяева понижали заработную плату. В наказах третьего сословия встречаем неоднократные требования отмены договора 1786 г. Вообще промышленная буржуазия все больше и больше проникалась сознанием, что дальнейшее развитие ее экономической мощи невозможно без коренной ломки старых производственных отношений и закреплявшей их юридической надстройки - государственной организации, приспособленной к нуждам торгового капитала и крупного землевладения. А так как старая власть не желала идти ни на какие уступки, то буржуазия должна была стать на чисто революционный путь.

Часть буржуазии еще до революции заполняла кадры среднего и низшего чиновничества и составляла как бы промежуточную группу между третьим сословием и привилегированными.

К последним принадлежало духовенство и дворянство.

Клирики считались первым сословием в государстве, но они не составляли однородной социальной группы: целая пропасть лежала между высшим и низшим духовенством. Архиепископы, епископы, настоятели богатых монастырей выходили из рядов высшего дворянства. Занимая разом несколько должностей, они получали сотни тысяч ливров³ с церковных имений, денежных капиталов; в их пользу шла львиная доля «десятин». Эти князья церкви были одной из самых надежных опор трона.

Приходское, особенно сельское, духовенство, вышедшее из рядов мелкой буржуазии, бесправное перед своим духовным начальством и получавшее нищенские доходы со своих бедняков-прихожан, естественно, тяготело к крестьянству и ждало от подъема его благосостояния улучшения и своего материального положения.

Не было однородным по своему социально-экономическому положению и дворянство. Рядом с придворной и служилой знатью, получавшей всевозможные пенсии, подарки и пособия из государственных средств и проедавшей эти «воспособления» вместе с доходами от своих имений, стояло среднее и мелкое провинциальное дворянство, главным источником существования которого было получение феодальных платежей с крестьян. Провинциальные дворяне с негодованием смотрели на праздную жизнь своих родовитых собратьев, плотно присосавшихся к государственному пирогу; но они не хотели и слышать об отмене сословных привилегий и феодального режима.

Третью группу составляло «дворянство мантии» - судейская знать. Это - разбогатевшие буржуа, получавшие свои должности в наследственную собственность вместе с дворянским достоинством. Заполняя парламенты, имевшие право приостанавливать королевские указы и подавать почтительные «представления» монарху в случае нарушения им исконных привилегий дворянства и духовенства, эта судейская знать отличалась независимым, оппозиционным духом, но ее политический идеал - сословная монархия - давно уже уступил свое место королевскому самодержавию.

Впрочем, это самодержавие далеко не было безграничным.

Король был не только «первым дворянином своего государства». Самое усиление его власти произошло благодаря тесному союзу с торговым капиталом, в операциях которого монарх не считал зазорным принимать самое деятельное участие. Обогащение верхушек буржуазии приносило новые доходы казне в виде налогов с движимости, торговых помещений и т.п. Финансисты ссужали правительству крупные суммы, без чего королевская власть не смогла бы построить своего военно-бюрократического аппарата. Интересы героев первоначального накопления определяли всю внешнюю и в значительной степени внутреннюю политику Людовика XVI, как и его ближайших предшественников на троне.

Меньшую, но все же весьма ощутительную зависимость приходилось чувствовать от привилегированных.

Уничтожив политические привилегии дворянства, французские монархи чрезвычайно бережно относились к его социальным привилегиям - свободе от налогов, праву на взимание феодальных поборов и т.п. Правда, незадолго до революции королевская власть пыталась было притянуть привилегированных к уплате налогов; но первые же робкие шаги в этом направлении, сделанные лишь ввиду полнейшей разрухи государственных финансов, тотчас же вызвали самый энергичный отпор со стороны дворянства с парламентами во главе, а потому потерпели неудачу.

Эту «революцию привилегированных» использовала в своих целях буржуазия: она присоединилась к выступлениям дворянства против произвола королевского самодержавия. Образовался внушительный блок всех трех сословий, и оказавшаяся изолированной королевская власть была вынуждена сделать первую важную уступку - согласиться на созыв Генеральных штатов. [[Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г., Агония французского абсолютизма \(глава из коллективной монографии «Французское Просвещение и Революция»\), Э.-Ж.Сийес. Что такое третье сословие?](#)]

Революция началась. Первые же ее успехи отбросили привилегированных в сторону двора, но этот раскол прежде единой оппозиции уже не мог остановить победоносного шествия буржуазии, опиравшейся теперь на поддержку рабочих, крестьян и ремесленников. На сторону буржуазии перешли и стоявшие в столице войска. Французская армия накануне революции точно отражала сословный строй старой Франции. Офицерский корпус состоял исключительно из дворян, притом родовитых. Выходцы из буржуазии или мелкого дворянства не могли рассчитывать пойти дальше унтер-офицерских чинов. К тому же офицерские должности покупались, а потому малосостоятельному человеку вообще не приходилось мечтать о военной карьере. Всеобщей воинской повинности не существовало: рядовые набирались из охотников. Главным образом это были отбросы третьего сословия - бродяги, нищие, отбывшие наказание преступники и т.п. Около 1/8 всей армии составляли полки, состоявшие из наемников-иностранцев. Солдаты получали нищенское жалование, весьма неаккуратно выплачивавшееся командирами, подвергались порке и всевозможным издевательствам со стороны офицеров-дворян, смотревших на нижние чины как на людей низшей расы. Неудивительно, что солдаты и унтер-офицеры чувствовали к благородному офицерству и всем порядкам, царившим в армии, самую острую ненависть. Как только началась революция, старая палочная дисциплина исчезла и королевская власть потеряла одну из надежнейших опор - вооруженную силу.

1 Париж - 600 тыс., Лион - 135 тыс.

2 Аренда, которая берется крестьянином не в целях получения предпринимательской прибыли, а ввиду недостаточности для личного потребления продуктов, получаемых им с собственной земли.

3 Ливр - 37 1/2 коп. по курсу до 1914 г.

I. РОБЕСПЬЕР ДО ИЗБРАНИЯ В ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ

Максимилиан Робеспьер родился 6 мая 1758 г. в городе Аррасе, в провинции Артуа, на севере Франции. Дед и отец будущего вождя Великой революции занимали должность адвоката при местном провинциальном совете¹. Мать Максимилиана была дочерью торговца пивом в местечке Рувилле. Семья Робеспьера жила в скромном достатке, исключительно на заработок своего главы, но пользовалась всеобщим уважением в городе.

Нежный, впечатлительный и в то же время веселый от природы, маленький Робеспьер рано узнал горе: семи лет он лишился любимой матери, а еще через два года сошел в могилу и отец. Неожиданная смерть родителей наложила неизгладимый отпечаток на характер Максимилиана: всегда задумчивый, не по летам серьезный, он чувствовал себя как бы ответственным за судьбу оставшихся у него на руках младшего брата и двух сестер. В голове мальчика прочно засела мысль - надо упорно работать, чтобы завоевать себе место в жизни.

К счастью для Робеспьера ближайшие родственники приняли участие в судьбе сирот: сестер взяла на воспитание тетка, братьев - дед по матери. Тогда же Максимилиана отдали в местную гимназию (колледж), где мальчик сразу же обнаружил незаурядные способности и необыкновенное прилежание и скоро стал одним из первых в классе.

Опекун считал, однако, недостаточными те познания, которые мог дать arrasский коллеж, и выхлопотал для Робеспьера стипендию в парижском коллеже Людовика Великого, откуда можно было перейти непосредственно на юридический факультет университета.

Пришлось расстаться со всем, что было дорого Робеспьеру в родном городе, и на долгие годы подчиниться суровому режиму закрытого учебного заведения.

И здесь Робеспьер зарекомендовал себя как образцовый ученик и хороший товарищ.

Школа была «классической»; знакомство с историей Афин, Спарты, Римской республики пробудило в мальчике интерес к общественным вопросам, воспитало в нем свободолюбивый дух.

Но еще больше увлекался наш юноша французскими просветителями - Вольтером и особенно великим народником - Руссо². Все старания профессора философии излечить Робеспьера от увлечения опасными «модными» идеями оказались безрезультатны: крамольная закваска держалась упорно; еще несколько лет - и скромный воспитанник коллежа Людовика станет «апостолом новых времен». [Пилон Э. Юность Робеспьера]

По окончании классической школы Робеспьер принялся за изучение права. Став студентом, он ни в чем не изменил своим прежним привычкам: все такой же строго нравственный, умеренный в удовольствиях, он неуклонно шел к намеченной цели, не прельщаясь никакими жизненными соблазнами, и за три года закончил свой курс науки. Про него, действительно, можно было сказать: «Он не знал юности». Чтобы ближе ознакомиться со сложнейшей процедурой тогдашнего суда, Робеспьер в течение еще трех лет после окончания университета работал у прокурора парижского парламента. Теперь, будучи во всеоружии теоретических и практических знаний, он возвращается в родной Arras, чтобы заняться наследственной профессией Робеспьеров.

Но увлечение юриспруденцией отнюдь не означало ослабления интереса молодого адвоката к социальному вопросу. Необходимость устранения общественных зол, смутно сознававшаяся им еще на школьной скамье, стала теперь руководящей идеей его жизни.

Начиная свою общественную карьеру, наш arrasский адвокат решил во что бы то ни стало встретиться лицом к лицу со своим великим учителем. Свидание состоялось в Эрменонвилле, где автор «Общественного договора» доживал свои последние дни. Мы не знаем, что сказал он неизвестному молодому человеку, которому суждено было участвовать в осуществлении социально-политических идей Руссо; но посещение, по-видимому, окончательно убедило Робеспьера в правильности намеченного им жизненного пути. В первый же год своей адвокатской практики Робеспьер привлек всеобщее внимание блестящими защитительными речами, в которых уже чувствовался будущий народный трибун.

В адвокатской профессии Робеспьер видел свое настоящее призвание: выступать на суде защитником всех слабых, угнетенных и обездоленных - не лучший ли это способ служить тому самому народу, горячую любовь к которому он впитал в себя вместе с драгоценными строками «Общественного договора»!

И Робеспьер, действительно, был идейным правозащитником: его нельзя было соблазнить защитой заведомо неправого дела ради высокого гонорара. Напротив, часто случалось, что Робеспьер помогал из своих средств клиенту, не имевшему денег для уплаты судебных издержек, вместо того чтобы получить с него следуемое вознаграждение. Выступая неумолимым защитником униженных и оскорбленных, Робеспьер никогда не боялся навлечь на себя гнев богатых и сильных.

То он берется вести дело крестьян, предъявивших иск против своего могущественного сеньора - местного епископа. То возбуждает процесс против одного монаха, оклеветавшего ни в чем неповинную девушку, которая осмелилась воспротивиться его ухаживаниям. Казалось, ничто не могло спасти несчастную, ложно обвиненную в краже, но Робеспьер употребил все свои усилия и добился не только оправдания своей клиентки, но и присуждения в ее пользу крупного штрафа со «святого отца». Этот процесс особенно способствовал популярности молодого адвоката, который рискнул навлечь на себя гнев всей монастырской братии. Наряду с адвокатурой Робеспьер пробовал свои силы и на литературном поприще. Он становится членом Arrасской академии наук и искусств, а потом и ее председателем. Его сочинение, представленное на конкурс в «Королевское общество наук и искусств» в Меце, получило премию. Уже в этой ранней работе можно найти зародыши тех идей, которые он развивал впоследствии с трибуны Учредительного собрания и Конвента. «Благополучие государств, - писал он здесь, - покоится на незыблемом фундаменте порядка, справедливости и мудрости. Всякий несправедливый закон, всякое жестокое учреждение, которое нарушает естественное право, очевидно, не соответствует своей цели, которая состоит в обеспечении прав человека, счастья и спокойствия граждан».

Весной 1786 г. Робеспьер прочел в одной из заседаний Arrасской академии доклад о ненормальном правовом положении незаконнорожденных.

Но скоро академические рассуждения должны были отступить на задний план перед властными требованиями текущей действительности.

Уже чувствовалась близость революционной бури. Вся Франция заговорила о необходимости созыва Генеральных штатов. Перед Робеспьером открывалось широкое поле деятельности, и он с головой ринулся в политическую борьбу.

Он выпускает брошюру, в которой доказывает необходимость коренной реформы Штатов провинции Артуа³, в которых совершенно не было представлено третье сословие городов и деревень. Находясь всецело в руках кучки «узурпаторов», Штаты отличались своим угодничеством перед местной администрацией. Ни разу не осмелились они воспротивиться взиманию с населения незаконных поборов. Все товары обложены громадным акцизом, населению приходится уплачивать совершенно непосильные судебные пошлины; в результате - правосудие фактически является недоступным для бедняков; зато поощряются: всякого рода несправедливости и тирания богатых классов. Нет таких притеснений, которым не подвергалось бы третье сословие, обязанное доставлять продовольствие и фураж войскам представлять им помещение для постоя, нести издержки по оплате квартир губернатора, интенданта, всякого рода офицеров и чиновников.

«Нашим штатам, - писал Робеспьер, - нет дела до нужды и нищеты задавленного всякого рода поборами народа; у них не находится денег, чтобы дать народу хлеб и просвещение, но они необычайно щедры, когда требуется отпустить огромную сумму денег губернатору, которому понадобилось выдать замуж дочь». Особенно тяжело положение крестьян. «Наши деревни, - читаем в брошюре Робеспьера, - полны обездоленных, которые в отчаянии поливают слезами ту самую землю, которую они понапрасну возделывали в поте лица. Благодаря нищете большая часть сельчан опустилась до такой степени, когда человек, всецело поглощенный заботами о поддержании своего жалкого существования, становится уже неспособным сознать свои права и устранить причины своих несчастий».

Вопиющая несправедливость царит и при раскладке налогов: какое-нибудь карликовое хозяйство облагается в три-четыре раза сильнее, чем крупное поместье. Под угрозой штрафа или тюрьмы крестьян противозаконно заставляют чинить дороги, которыми пользуются крупные землевладельцы - помещики и игумены.

Указав на ряд бесконечных злоупотреблений и насилий, Робеспьер приходит к заключению, что Штаты Артуа, возбуждающие лишь страх и ненависть к населению, не могут существовать далее в своем прежнем виде. Особенно недопустима их претензия представлять жителей провинции в Генеральных штатах.

Брошюра имела огромный успех и за короткое время выдержала два издания. В Артуа стали усиленно поговаривать о кандидатуре Робеспьера в Генеральные штаты.

Но вот подошли ожидавшиеся с таким нетерпением выборы. Робеспьер оказался в числе 24 выборщиков от третьего сословия города Арраса. А когда последние сошлись на общее собрание с уполномоченными от сельских сходов, Робеспьеру было поручено составить сводный наказ от жителей городов, местечек и деревень данного округа. В этом наказе Робеспьер изложил вкратце те требования, которые он выдвигал за последнее время и которые развил потом в Национальном собрании: ежегодное и свободное вотиrowание налогов, допущение всех граждан к занятию любой общественной должности, установление гарантий личной неприкосновенности, полная свобода печати, веротерпимость, пропорциональная разверстка налогов, устранение всех привилегий и злоупотреблений, ответственность агентов правительства, ограничение прав исполнительной власти.

Общее собрание выборщиков третьего сословия провинции Артуа избрало Робеспьера в числе восьми других лиц депутатом в Генеральные штаты.

Избрание в депутаты было поворотным пунктом в жизни Робеспьера: из провинциальной глуши и круга чисто местных интересов нашему арраскому адвокату предстояло теперь выйти на широкую дорогу политической борьбы в национальном масштабе. Проникнутый важностью предстоящей работы, он уже без сожаления покидал теперь Аррас, оставляя на время даже мысль о женитьбе на одной своей родственнице, местной уроженке⁴.

Робеспьер, которому исполнился 31 год, уезжал полный сил и надежд, не подозревая, что пять ближайших лет революции будут последними годами его жизни. Но какие пять лет! Полные жестокой политической борьбы с ее радостями побед и тяжестью поражений, они сделали из скромного провинциального адвоката одного из величайших вождей революции и демократии. [[Шарлотта Робеспьер. Воспоминания](#)]

1 Совет провинции Артуа - высшее судебное учреждение.

2 Подобно огромному большинству философов и публицистов XVIII в. Жан-Жак Руссо (1712-1778 гг.) исходил из теории естественного права, заимствованной у политических писателей XVII в. (преимущественно английских). В основе этой теории лежало представление об «естественном» человеке, свободном от всего того, что он приобрел в результате многовекового культурного развития. Уже от природы такой «естественный» человек наделен некоторыми неотъемлемыми правами, совокупность которых и составляет «естественное право». Несмотря на всю свою отвлеченность, теория «естественного права», или «естественного порядка», была весьма удобным оружием в борьбе со старым порядком, так как позволяла беспощадно критиковать существующий строй с точки зрения «естественных» прав человека. Вот почему ею охотно пользовались как идеологи поднимающейся буржуазии, так и те писатели, которые отражали в литературе настроения классов, оттесненных экономическим развитием, - крестьянства и мелкой городской буржуазии, которой уже угрожала конкуренция крупного капитала. К числу последних принадлежал и Руссо, близко знавший несладкую жизнь французского крестьянина.

В своем «Рассуждении о происхождении общественного неравенства» (1750) Руссо утверждает, что в эпоху «естественного» состояния частной собственности на землю не существовало: она возникает лишь с переходом дикарей к земледелию, причем вначале право на продукты возделанной земли и на самую землю дается только личным трудом. Но раз возникнув, собственность повела к неравенству, которое усилилось благодаря узурпации, притеснению слабых сильными и с возникновением общества было закреплено законами. Этот переход от естественного состояния к общественному произошел в результате общественного договора, на который бедняки пошли, надеясь на наступление социального мира. Но выиграли от него только богатые. «Истинным основателем гражданского общества был тот, кто первый, огородив участки земли, решился сказать: «Это мое» и нашел достаточно простаков, чтобы ему поверить».

Вместе с частной собственностью пришли в мир социальное неравенство и все человеческие пороки и несчастья. Руссо полагал, что так называемый прогресс лишь извратил человеческую природу, пропитал жизнь людей борьбой интересов и взаимной ненавистью. Он ненавидит большие города, порожденные современной культурой, громит весь уклад городской жизни. В своем стремлении к опрощению Руссо ополчается против утонченности капиталистической культуры. В «Проекте Корсиканской конституции» он мечтает о государстве, в котором исчезнут бесполезные профессии. «Нам не нужно, - писал Руссо, - ни скульпторов, ни ювелиров, ни изготовителей кружев; нам нужны плотники, кузнецы, ткачи». Его социальный идеал - общество, состоящее из мелких, ни в чем не нуждающихся и ни от кого не зависящих собственников, соединяющих земледелие с занятием всевозможными ремеслами. Такие мелкие самодовлеющие хозяйства, еще не втянутые в меновой оборот, Руссо наблюдал среди жителей некоторых швейцарских кантонов.

Но он хорошо понимал, что это - лишь счастливые уголки, оставшиеся от эпохи золотого века. Человечество в целом слишком старо и испорчено, чтобы отрешиться от ложной цивилизации и вернуться к первобытной простоте. Самое большее, на что можно надеяться, это - замедлить происходящий в обществе разрушительный процесс.

Предлагаемые для этого средства весьма скромны. Начав с отрицания частной собственности, Руссо не идет в своих практических выводах дальше требования установить высокий налог на богатых, ограничить право наследования, ввести максимум земельного владения, которое может принадлежать одному лицу. Частная собственность остается: ее Руссо считает «священной» основой общественного порядка.

Итак, Руссо не был социалистом. В противоречии между отрицанием частной собственности в теории и сохранением ее на практике сказалась непоследовательная, противоречивая психология мелких собственников, идеологом которых был Руссо. Мелкий буржуа, которому угрожает конкуренция крупного капитала, готов отрицать собственность, как основу богатства и резкого социального неравенства, но в то же время он тысячами крепких нитей привязан к своей мелкой собственности, без которой немислимо самое его существование. Вот почему мысль мелкого собственника, как и его идеолога, бессильна выйти за пределы буржуазного общества.

Свой политический идеал Руссо изложил в «Общественном договоре», вышедшем в 1762 г. По мнению Руссо, государство не могло возникнуть ни из насилия, ни в результате добровольного подчинения одних людей другим: ни то ни другое не совместимо с природной свободой человека. Государство (или общество, которое он отождествляет с первым) могло возникнуть лишь из добровольного (хотя бы молчаливого) согласия всех. Целью такого общественного договора было найти такую форму союза, которая бы всей полнотой общей силы защищала и охраняла личность и имущество каждого члена союза и при помощи которой каждый, соединяясь со всеми остальными, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы таким же свободным, как и раньше.

Но такой идеал достижим лишь в том случае, если при вступлении в общественный союз каждый индивид целиком откажется от всех своих прав в пользу общества. Это означало бы полное равенство граждан и в то же время наилучшую гарантию свободы: подчиняясь общей воле, гражданин подчиняется только самому себе; а так как при этом все находятся в одинаковых условиях, то никому нет выгоды делать условия договора тягостными для других. Общая воля граждан и есть верховная власть (суверенитет) во всяком государстве. Она абсолютна, но отдельным лицам нечего бояться ее тирании и добиваться каких-либо гарантий личной свободы: «Невозможно, чтобы тело захотело нанести вред, своим членам». В то же время общая воля неотчуждаема и непредставяема; поэтому «народ самодержец» может быть представлен только самим собою: его депутаты - не более как приказчики, а не «представители». Исходя из положения, что верховная власть неделима (а ведь общая воля может исходить только от всего народа), Руссо отрицал учение о разделении властей. Правительство существует только для приведения законов в исполнение. Форма правления определяется тем, из кого состоит правительство: Руссо различает монархию, аристократию и демократию. Наилучшей из них является «аристократия выборная», когда народ-самодержец, сохраняя за собой законодательную власть, поручает исполнение законов наиболее способным из своей среды.

Политический идеал Руссо носит на себе мелкобуржуазный отпечаток, как и его общественный идеал. Говоря о суверенном народе, Руссо, по-видимому, не включает в него пролетариев. Очень характерно его восхищение Женевской республикой, где наибольшим влиянием пользовался «средний разряд людей, стоящий между богатыми и бедняками».

Не менее характерна для Руссо как идеолога мелкой буржуазии его позиция в отношении к религии. По его мнению, государство не должно навязывать гражданам той или иной традиционной религии, но может требовать от них исповедания некоторых догматов, необходимых для целостности самого общества: таковыми Руссо считал веру в бога, бессмертие души, загробное воздаяние и святость общественного договора и законов. Неверующий должен быть изгнан из государства не как нечестивец, а как «противообщественный элемент».

До 70-80-х годов теория народовластия Руссо едва ли имела вообще последователей. Лишь в ходе революции, когда демократия стала принимать активное участие в политической борьбе и государственном строительстве, учение Руссо о народном верховенстве приобрело особую популярность, и из него были сделаны необходимые выводы - требование республики и всеобщего избирательного права. «Общественный договор» стал тогда настоящим евангелием демократической партии. Все выдающиеся деятели революции прошли школу Руссо, но немногие сделались страстными сторонниками его учения уже так рано, как Робеспьер.

3 Помимо Генеральных штатов, представлявших свою страну, в ряде провинций существовали свои «штаты».

4 Вскоре после отъезда Робеспьера в Париж она вышла замуж за другого.

II. ЭПОХА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Глава I. Париж в эпоху Великой революции

В противоположность промышленным центрам Пикардии, Нормандии, Артуа, Лаоннэ, работавшим не только на широкий рынок внутри страны, но и на вывоз, парижская промышленность обслуживала почти исключительно самую столицу с ее полумиллионным населением. Расположенный вдали от моря, Париж не мог стать и крупным складочным местом, центром оптовой торговли с границей - вроде Марселя, Бордо или Нанта.

Работая преимущественно на двор, крупных финансистов, богатых дворян, государственных и придворных чиновников, на князей церкви, столичная индустрия изготовляла главным образом предметы роскоши: газ, кружева, ленты, шелковые материи и чулки, ювелирные изделия, часы, позументы и т.п. Одной пудры ежегодно производилось не менее чем на 24 млн. ливров. В Париже же находились знаменитые королевские мануфактуры гобеленов и ковровых тканей (так называемой мануфактуры De la Savonnerie). Но особенно славилось производство дорогой художественной мебели, которое сосредоточивалось в Сен-Антуанском предместье и поставляло свой товар для особняков знати и разбогатевших буржуа.

В том же предместье находились свечные заводы, фарфоровые, фаянсовые и обойные фабрики, чулочновязальные мастерские.

В кварталах Сен-Марсельского предместья насчитывалось немало кожевенных, красильных и сукнодельных заведений, основанных здесь некогда выходцами из Фландрии. По пропитанным заразой берегам р. Бьевры лепились скученные на небольшом пространстве домишки мелких мастеров и рабочих, кожевников, сыромятников, красильщиков, сукноделов.

Кроме того, в Париже имелись пивоварни, бумагопрядильни и много столярных и каретных заведений. В кварталах Тампля и Св.Дениса [Сен-Дени] процветало производство стекол, извести, цемента, гипса и тому подобных материалов, необходимых для строительного дела.

Преобладающим типом предприятия было мелкое производство: огромное большинство мастеров держали по 2, 6, 12, редко по 20 и более рабочих. Предприятия с двумя-тремя сотнями рабочих встречались лишь в виде исключения, но и это отнюдь не были настоящие мануфактуры, сосредоточивавшие массы рабочих под одной кровлей. В Сен-Антуанском предместье типичной фигурой был мелкий мастер, сам закупавший нужные ему материалы, но уже не имевший дела непосредственно с покупателями: каждую неделю он сдавал изготовленный товар крупному предпринимателю, имевшему обычно собственный магазин-мастерскую. В других производствах (прядельном, суконном и т.д.) рабочий-кустарь находился в еще большей зависимости от скупщика, который не только брал готовый товар, но и снабжал мелкого производителя сырьем. [[Р.Монье. Сент-Антуанское предместье \(1789-1815\)](#)]

В чулочновязальном производстве, сосредоточенном в секции¹ Гравильеров², существовала система посредников: крупный коммерсант, закупая нитки где-нибудь в Ниме, снабжал ими мелких мастеров-чулочников, которые уже от себя раздавали материал на дом рабочим-кустарям, получавшим до смешного ничтожную плату поштучно. Здесь процветала, таким образом, уже настоящая «система выжимания пота».

Еще хуже было положение кустарей ленточного производства, одного из тех немногих, куда уже успела проникнуть машина. В секции Гравильеров таких рабочих-ленточников насчитывалось около 20 тыс., большинство из них или пребывало в состоянии хронической безработицы, или получало гроши за свою ручную работу в течение бесконечно долгого рабочего дня, лишь немногим счастливым удалось устроиться на предприятиях, где уже были введены механические станки. Это были уже настоящие пролетарии, работавшие в хозяйском помещении и под непосредственным надзором предпринимателя. [[К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора](#)]

В этом квартале с его чрезвычайно скученным населением, ютившимся в домах, принадлежавших монастырю св. Мартина, что в Поле (Saint-Martin des Champs), царила не меньшая нищета, чем в рабочих предместьях. Именно здесь создавалась потом популярность знаменитого священника-социалиста от церкви Николы Полевого - Жака Ру, громившего в своих речах аристократию капитала. [[Жак РУ. Речь о причинах несчастий французской республики](#)]

Но число чисто капиталистических предприятий с ручным или уже машинным производством была в Париже ничтожно: кроме королевских мануфактур, к ним можно отнести лишь завод паровых насосов «Братьев Перье» и фабрику листового железа в новом предместье - Ghaillet, несколько бумагопрядилен и обойных фабрик вроде заведения Ревельона в Сен-Антуанском предместье, на котором было занято до 200 рабочих, да еще свечные, крахмальные и селитряные заводы в том же квартале. Голод и нищета были постоянными посетителями убогих жилищ пролетариев, занятых в этой индустрии нового типа. За 14-15 часов напряженной работы занятый на мануфактуре рабочий получал всего каких-нибудь 25-30 су 3 в день, а между тем летом 1789 г. семейному человеку на один хлеб и муку приходилось тратить целых 18 су 4, а это значит, что на все остальные потребности семьи, включая и плату за квартиру, оставалось всего 7 су (около 13 коп.) в день.

При таких условиях нет ничего удивительного, что доведенные до отчаяния дороговизной и безработицей, свирепствовавшей в Париже зимой и весной 1789 г., рабочие Сен-Антуанского предместья бросаются (в конце апреля) громить дома и фабрику Ревельона и селитроварню другого предпринимателя - Анрио. Это стихийное выступление изголодавшейся массы было подавлено с обычной жестокостью: в толпу стреляли вызванные на место погрома войска; из случайно задержанных трое были признаны судом «зачинщиками» и без дальних разговоров повешены, остальные отделались каторгой и тюрьмой.

Помимо весьма немногочисленного фабричного пролетариата, в столице имелась довольно значительная группа строительных рабочих - землекопов, каменщиков, плотников, маляров и т.п., снимавших комнаты и углы в секции св. Женевьевы и Бань Жюльена. Но огромное большинство строительных рабочих составлял пришлый, деревенский элемент (землекопы, штукатуры и т. д.), массами скопленный в Париже с весны и снова уходивший с наступлением зимних холодов.

Эти сезонные рабочие, объединяемые уже самим характером производства, были гораздо более способны к массовым, коллективным выступлениям, чем разбросанные по своим жалким жилищам кустари или рабочие мелких ремесленных мастерских.

Между такими рабочими-ремесленниками и их хозяевами, работавшими бок о бок со своими подмастерьями и учениками, еще сохранялись чисто патриархальные отношения и значительная общность интересов.

В черте города до самой революции сохранились еще остатки цехового ремесла⁵, например, в шорном, слесарном, бондарном, портновском, ювелирном и других производствах. Но капитализм уже проник и сюда.

Рядом с мелким мастером, у которого работали один-два подмастерья, давно уже появился богатый «преприниматель» или «мастер-купец», имевший десятка два подмастерьев и учеников и в то же время скупавший готовый товар у мелких мастеров, работавших «на магазин» такого капиталиста средней руки.

Что касается цеховых подмастерьев, то они отнюдь не были пролетариями в нашем смысле слова. Несмотря на всю трудность стать самостоятельным мастером (экзамен, высокий взнос при вступлении в цех, угощение мастерам), такой подмастерье лелеял в душе надежду рано или поздно стать «хозяином».

Наконец, как и во всяком большом городе, в Париже было немало так называемого люмпен-пролетариата - босняков; в рабочих кварталах, особенно в Сен-Марсельском предместье, ютилась масса нищих, фокусников, стригунов собак, шарманщиков, базарных торговков, прачек-поденщиц и т.п.

Решительное преобладание мелких ремесленных и кустарных предприятий, мелких лавочек и магазинов делало Париж типичным мелкобуржуазным городом. Крупная торгово-промышленная буржуазия была здесь крайне малочисленна и невлиятельна, тон задавал средний и мелкий самостоятельный или полусамостоятельный мастер, мелкий лавочник. Такому мелкому буржуа еще не был знаком тот антагонизм между капиталом и трудом, который уже чувствовался в крупных капиталистических предприятиях. Вот почему мелкая парижская буржуазия была не менее революционно настроена, чем столичный пролетариат: пивовар Сантерр и мясник Лежандр были влиятельными вожакими предместий, руководившими революционными выступлениями парижской демократии.

У одного из таких зажиточных мастеров, за 40 лет сколотившего солидный капитал и получавшего с него 15 тыс. ливров ренты, - столяра Мориса Дюпле, - поселился потом (летом 1791 г.) Максимилиан Робеспьер. Дюпле проживал недалеко от места заседаний Национального собрания, в монастырском доме по улице Оноре, в квартале «Вандомской площади» (получившем потом название секции «Пик»), сплошь населенном мелкими самостоятельными предпринимателями: столярами, ящичниками, каретниками, виноторговцами и т.п. Здесь больше, чем где бы то ни было, чувствовался мелкобуржуазный дух Парижа, наложивший свой отпечаток на все мировоззрение молодого аррасского адвоката.

Семья столяра Дюпле, с которой Робеспьер прожил годы революции, не чаяла потом души в своем жильце, который стал скоро как бы ее членом. Каждое его слово считалось законом, непреложной истиной. Сам глава семьи сделался одним из ревностных членов Якобинского клуба, где самым популярным человеком был Робеспьер. Здесь, в тиши мелкобуржуазного уюта, он отдыхал от шума политической борьбы⁶.

Глава II. Выборы в Генеральные штаты. Первые выступления Робеспьера в Национальном собрании. Демократизм Робеспьера. Рост его популярности

Выборы в Генеральные штаты были обставлены так, что ни сельская, ни городская демократия не могли провести своих представителей в это высокое собрание. Правда, право на участие в выборах получил каждый француз, достигший 25-летнего возраста и занесенный в какие-нибудь податные списки, так что в деревне почти все мужское население старше 25 лет приняло участие в выборах, разве за исключением батраков и нищих. Но вся избирательная процедура была неблагоприятна для крестьян. Депутатов приходилось избирать по сословиям, но крестьянство вместе с городской буржуазией и рабочими было отнесено к третьему сословию, для которого выборы были двухстепенные, а иногда даже трехстепенные, между тем как для дворян - всегда прямые, а для духовенства - частью прямые, частью двухстепенные. Просеянные часто через два сита крестьянские выборщики встречались на общем собрании округа с выборщиками от горожан, всегда политически более развитыми, теснее сплоченными, а потому имевшими все шансы провести своих людей в Генеральные штаты. Низкий уровень крестьянских выборщиков объясняется не только темнотой и невежеством сплошь безграмотной французской деревни, но и самой обстановкой выборов. Крестьяне были застигнуты выборами врасплох: им не дали времени ни на какую предвыборную агитацию, и мужичок узнавал о королевском желании осведомиться о нуждах «своего» народа лишь в тот самый день, когда приходилось идти на избирательное собрание.

Приходскими выборами руководил низший агент судебной власти, обычно зависимый от соседнего помещика: крестьянам либо подсовывали готовый наказ, где и не пахло их кровными требованиями, либо наскоро редактировали крестьянские пожелания, по возможности вычеркивая как «неважное» все, что могло не понравиться барину: просьбы об уничтожении помещичьих судов, об отмене феодальных оброков и повинностей, о возврате крестьянам угодий, отнятых у них помещиком, и т.п. В городе, где происходило собрание выборщиков уже от всего третьего сословия, обстановка выборов была не лучше. Они находились всецело в руках судьи (лейтенанта), одного из самых сильных и влиятельных людей в округе, одного присутствия которого было достаточно, чтобы нагнать страху на крестьянского выборщика. Местами ретивые интенданты совершенно терроризировали выборщиков: приехавшим в город крестьянам не давали предварительно сговариваться, «разъясняли» наиболее популярных из их выборщиков, вводили на избирательные собрания жандармов, не допускали никаких обсуждений наказов и кандидатур. При таких условиях если и выискивались смельчаки, которые рисковали отстаивать свои права, им приходилось покидать собрания, а в результате в депутаты проходил кто-нибудь из клики лейтенанта и местных влиятельных лиц из буржуазии.

В качестве представителей третьего сословия в Генеральные штаты прошли главным образом адвокаты, чиновники, купцы и т.п. Не было избрано ни одного крестьянина.

Что касается городских рабочих, то частью благодаря своей политической несознательности и неорганизованности, частью благодаря довольно высокому цензу (в Париже, например, надо было платить не менее 6 ливров прямых налогов), огромное большинство их не участвовало в выборах, а те, что подавали свои голоса, не сумели добиться включения своих требований в общие наказания третьего сословия.

Почти не было представлена и мелкая городская буржуазия: мелкие ремесленники, кустари, мелкие торговцы, интеллигенция.

Представителям буржуазии, а тем более депутатам дворян и духовенства, было весьма мало дела до интересов и нужд городской и сельской демократии. Лишь на крайней левой Генеральных штатов, объявивших себя «Национальным собранием», заседала ничтожная горсточка депутатов (Бюзо, Петион, Дюбуа-Крансе), робко поднимавших свой голос в защиту тех слоев, которые составляли огромное большинство в стране, но не были представлены в Национальном собрании. Среди этих левых депутатов и занял место Максимилиан Робеспьер. В то же время он делается деятельным членом «Бретонского клуба», ставшего потом называться «Обществом друзей конституции» или «Якобинским клубом».

В первое время речи скромного аррасского депутата в Национальном собрании едва выслушивались, порой встречались дружным смехом буржуазно-либерального большинства; в газетах выступления Робеспьера либо замалчивались вовсе, либо им уделялось лишь несколько малозначащих строк.

Но вскоре Робеспьер заставил говорить о себе, и это произошло потому, что к его речам стали жадно прислушиваться широкие народные массы. Крестьяне, мелкие ремесленники и их подмастерья, мелкие торговцы, разорявшиеся кустари и рабочие, еще распыленные, еще неорганизованные, политически несознательные и пока еще покорно шедшие на поводу у крупной буржуазии, нашли в Робеспьере горячего защитника своих интересов.

Робеспьер был демократом по натуре. В те дни, когда в либеральных кругах говорили о народе с снисходительным презрением, обзывая его не иначе как «канальями», «черню», Робеспьер говорил с трибуны Учредительного собрания: «Я призываю в свидетели всех, кого инстинкт благородной и чуткой души приблизил к народу и сделал достойным полюбить равенство и познать, что вообще говоря, нет ничего столь справедливого и доброго, как народ, когда только он не раздражен чрезмерным угнетением... что именно среди него встречаются, под грубой внешностью, честные и прямые души, здравый смысл и

энергию которых тщетно было бы искать у класса, презирающего его... Богатые заявляют права на все, они хотят всем завладеть, над всем господствовать. Злоупотребление - дело рук и специальность богатых, они - бич народа. Интерес народа - общий интерес; интерес богатых - частный интерес».

Конечно, употребляемое Робеспьером понятие «народ» включало в себя весьма различные классы общества, с весьма раз личными интересами; этого еще не сознавал наш аррасский депутат. Но он один из первых понял неоднородность третьего сословия и противопоставил демократию буржуазии в тот момент, когда эта последняя говорила от имени всей нации и выдавала свои классовые интересы за интересы широких народных масс. Народ для Робеспьера - совокупность граждан, не заинтересованных в ограничении державной власти нации и прав отдельных ее членов. Богатые это - те, кто хотят приспособить общественные порядки к выгоде лишь меньшинства.

Появившаяся в печати в апреле 1791 г. эта речь Робеспьера наделала большого шума: ее читали с трибуны в клубе Кордельеров, постановившем издать ее еще раз в виде брошюры. С этого времени, по-видимому, популярность Робеспьера особенно возросла.

Взятие Бастилии (14 июля 1789 г.), означавшее первую серьезную победу революции над привилегированными и королевской властью, было делом рук парижской демократии, которая оказалась, однако, еще слишком политически невоспитанной, слишком слабой и неорганизованной по сравнению с буржуазией, чтобы использовать свою победу для расширения политических прав масс и удовлетворения их нужд в экономической области. [\[Слово очевидцам с обеих сторон крепостных стен Бастилии, свидетелям, парижанам, иностранцам и даже не-современникам\]](#)

При таком соотношении общественных сил господином положения становится буржуазия, которая, с одной стороны, смело ломает устои старого порядка и закладывает основы нового, буржуазного, с другой - спешит воздвигнуть прочные плотины против всякой попытки демократии двинуть революцию дальше.

Располагая большинством в Национальном собрании, буржуазия уничтожила все сословные перегородки и преимущества: изъятие дворян и духовенства от налога, все титулы и привилегии рождения, парламенты; создала новые суды, основанные на принципе гласности, бесплатности и участия присяжных; отменила все стеснения, связанные с национальными и религиозными различиями, уничтожила цензуру и т.п. [\[«НОЧЬ ЧУДЕС»: PRO et CONTRA\]](#)

Но едва покончив с привилегиями дворян и духовенства, либеральная буржуазия спешит сама организовать в привилегированный класс.

Глава III. Вопрос о правах короля. Борьба за всеобщее избирательное право. Вооружение народа или вооружение буржуазии? Закон о «военном положении». Защитник солдат и матросов. Свобода печати и петиций

С августа по октябрь 1789 г. Национальное собрание было занято выработкой конституции, которая получила потом название конституции 1791 г.

Прения по конституционным вопросам дали повод Робеспьеру выступить по вопросу о правах короля. Большинство Собрания считало полезным оставить за короной весьма существенные права. Ограничив королевскую власть народным представительством, буржуазия хотела все же сделать из нее один из оплотов против требований демократии на тот случай, если бы последней удалось приобрести прямое или косвенное влияние на законодателей. За королем было оставлено право назначать министров и других чиновников, вести дипломатические сношения и заключать мирные и торговые договоры, которые лишь задним числом представлялись бы на утверждение Законодательного собрания. Король остался «верховным главой армии и флота» с правом назначения высшего командования и увеличения военных сил сообразно с ростом вооружений в соседних государствах. Конституция признавала особу короля «священной» и «неприкосновенной»; наконец, она давала ему чрезвычайно важное право приостанавливать издаваемые Собранием законы, пока три следующих одна за другой палаты не выскажутся за тот же самый закон⁷.

Депутаты «правой» и «умеренно-правой» (конституционно-аристократической партии) шли еще дальше: они требовали для короля неограниченного права объявлять войну и заключать мир.

Робеспьер дал должный отпор этим домогательствам французских черносотенцев. Народ, говорил он, может доверить право войны и мира лишь своим представителям, вышедшим из того самого народа, на плечи которого ложится вся тяжесть войны; хорошо учитывая, что вооружения и войны всегда являются угрозой свободе и конституции, народные избранники скорее остерегутся легкомысленно использовать это право, чем король, для которого война - либо средство удовлетворения личного честолюбия или каприза, либо средство усиления своего могущества, а иногда и благоприятный случай для уничтожения свободы. Наконец, среди невероятного шума, поднятого «правой» частью Собрания, Робеспьер заявил, что предоставлять королю право объявления войны и заключения мира тем более недопустимо, что король - вовсе не «представитель нации», а ее уполномоченный, приказчик, обязанный лишь исполнять волю нации.

Не менее энергично Робеспьер выступил против тех депутатов, которые настаивали на предоставлении королю права абсолютного вето. Он говорил: «Тот, кто полагает, что один человек может противиться закону (который есть выражение общей воли), тем самым утверждает, что воля одного - выше воли всех. Тогда выходит, что народ - ничто, а один человек - все».

Вручая право останавливать законы носителю исполнительной власти, предоставляют возможность связывать волю нации тому, кто обязан ее выполнять; бояться злоупотреблений со стороны законодательной власти, но что значит Собрание законодателей, избранных лишь на известный срок и подотчетных народу, рядом с наследственным монархом, в руках которого огромная власть, который распоряжается и финансами, и всеми средствами принуждения?

Робеспьер не видит, далее, никакой существенной разницы между правом вето абсолютным и лишь приостанавливающим (суппенсивным), а потому отвергает и это последнее.

Но ни в чем буржуазная природа Национального собрания не сказалась так ярко, как в вопросе об избирательном праве. Либеральные депутаты партии «центра» с циничной откровенностью заявляли: «Кто не имеет никакой собственности, тот не принадлежит к обществу... Управление и законодательство - это дело собственности, а потому только собственники действительно заинтересованы в них» (Дюпон де Немур). Тот, кто не заинтересован «в великом общественном предприятии», не может претендовать и на активное участие в политической жизни страны; он лишь «пассивный гражданин» (Сиейс). По проекту, предложенному Туре, избирателями могли быть лишь лица, уплачивающие прямой налог в размере не менее трехдневной рабочей платы; еще больше ценз - налог в размере десятидневной рабочей платы - требовался от выборщиков; наконец, чтобы пройти в депутаты, нужно было платить прямой налог в размере серебряной марки⁸ и, сверх того, иметь недвижимость.

Цензовая система лишила избирательных прав не только наемных рабочих и многих мелких ремесленников, но и часть крестьянства, мелких чиновников, служащих, неимущую интеллигенцию. Буржуазия же становилась привилегированным классом, монополизировала в своих руках государственную власть.

В числе других демократов⁹ против системы ценза горячо выступил и Робеспьер. В создании цензовой конституции он совершенно правильно видел попытку буржуазии свести революцию «к замене власти привилегированных по рождению властью привилегированных по богатству».

В своей брошюре, вышедшей в апреле 1791 г.¹⁰, Робеспьер возражал сторонникам ценза: «Как можно, говорите вы, предоставить все права гражданина тому, кто ничего не имеет и кому нечего, следовательно, терять? Нечего терять! Как лжив этот безумно надменный язык! Как несправедлив он перед взором истины! По-видимому, люди, о которых вы говорите, живут и существуют среди нас безо всяких средств к существованию и жизни; иначе, если эти средства у них есть, у них есть, мне кажется, и что терять и за что держаться. Да, эта грубая одежда покрывающая меня, это убогое наемное жилище, в котором протекает моя мирная и уединенная жизнь, скромный заработок, на который я кормлю жену и детей, - да, я признаю, что это - не земли, не замки, не экипажи; что с точки зрения роскоши и богатства это может считаться «ничем», но с точки зрения человечества это - не ничто, а священная собственность, столь же священная, без сомнения, как и блестящие имения богачей. А моя свобода, моя жизнь, мое право чувствовать себя в безопасности, право на защиту против насильников моей личности и личности близких мне людей, право свободно развивать способности моего ума и сердца - все эти драгоценнейшие блага, которыми природа прежде всего наделила человека, - разве они так же, как и ваши права, не вручены охране законов? А вы говорите, что для меня законы безразличны и хотите лишить меня даже участия в управлении государством на том только основании, что вы богаче меня!»

«Вы ссылаетесь, - говорил Робеспьер в Учредительном собрании¹¹, - на возможность подкупа неимущих на выборах и на этом основании лишаете их избирательных прав, но почему, спрашивается, вы думаете, что суровая трудовая жизнь порождает больше пороков, чем изнеженность, любовь к роскоши и честолюбие? Или вы менее доверяете честности наших земледельцев и ремесленников, которые вследствие ценза почти никогда не могут сделаться гражданами с правом голосования, чем финансистам-откупщикам, придворным и тем, кого вы называете большими господами?»

Наиболее обстоятельную критику системы ценза Робеспьер дал в своей речи от 11 августа 1791 г. Здесь он указал, между прочим, на чудовищное противоречие между высокими принципами и пышными фразами Декларации прав человека и гражданина, которую Учредительное собрание намеревалось предпослать конституции, и самой конституцией, составленной в узкоклассовых интересах буржуазии. «Закон есть выражение общей воли», - говорится в Декларации; но как это возможно, если огромное большинство тех, для кого он создается, никаким способом не могут повлиять на его издание? - Все люди равны в правах, всем открыт доступ ко всяким должностям, - провозглашаете вы, - а по вашей антиобщественной конституции выходит, что в зависимости от размера платимого налога одни граждане имеют право быть избранными в Законодательное собрание и иные учреждения, другие имеют лишь право избирать, а третьи лишены и того и другого. Самодержавие народа, о котором говорит Декларация прав, - пустая формула, когда большинство этого народа оказывается лишенным политических прав, которые как раз неразрывно связаны с народным самодержавием.

А если лишь одна часть нации самодержавна, а другая - просто подданные, то такой политической порядок есть не что иное, как настоящая аристократия. И какая аристократия! Самая невыносимая из всех: аристократия богатых, под ярмо которой вы хотите поставить народ, только что избавившийся от гнета аристократии феодальной. Права народа, этого огромного большинства людей, дело которых я защищаю, имеют то же происхождение, как и ваши права. Так что же дал вам право лишать народ, его прав?!»

«Лишив права голоса, - говорил дальше Робеспьер, - тех самых граждан, которые больше всего заинтересованы в защите свободы, и отдав судьбу государства в руки кучки богачей и честолюбцев, вы тем самым оказали превосходную услугу деспотизму и аристократам».

Наконец, система ценза внутренне несостоятельна и нелепа: «Если тот, кто платит налог в размере лишь однодневной рабочей платы, имеет меньше прав, чем тот, кто платит в размере трехдневной, то тогда надо уж признать, что тот, кто уплачивает налог, равный десятидневному заработку рабочего, должен иметь еще больше прав, чем второй. Тогда выходит, что гражданин, получающий сто тысяч ренты, должен иметь в сто раз больше прав, чем тот, у кого всего тысяча ливров дохода».

Резко нападая на систему ценза, Робеспьер один из первых выставил требование всеобщего избирательного права. «Из всех наших декретов вытекает, - говорил он, - что всякий гражданин имеет право участвовать в законодательной деятельности, а следовательно, и право быть избирателем и избранным, каково бы ни было его состояние».

Таким образом, уже в Учредительном собрании Робеспьер заявил себя определенным демократом и здесь он шел дальше своего учителя - Руссо, который считал демократию политической формой, пригодной лишь в небольших государствах.

Конечно, выступления Робеспьера против цензовой конституции были бессильны повлиять на буржуазное большинство Собрания, которое порой устраивало смелому депутату шумную обструкцию¹². Но тем большее значение имели они за стенами Собрания. Его речи против «марки серебра» перепечатывались филиальными отделениями Якобинского клуба и распространялись в виде листовок по всей стране. Его разоблачения антинародной политики Национального собрания, страстная защита прав неимущих, ограбленных буржуазией, будили в пролетариях и городской бедноте сознание их классовых интересов, вызывали дух протеста и подготавливали будущие активные выступления демократии.

Именно эта кампания против цензового характера конституции больше всего способствовала популярности Робеспьера среди самых широких слоев населения. Когда в апреле 1791 г. вышла его брошюра, в которой он предлагал декрет, устанавливающий всеобщее избирательное право, «Общество неимущих друзей конституции» приветствовало Робеспьера восторженным адресом.

Но буржуазия лишила демократию не только права голоса, но и права носить оружие и в то же время вооружила всех состоятельных граждан. Национальная гвардия только из «активных» граждан, притом обязанных вооружиться и экипироваться на свой счет, т.е. вооруженная сила из тех же зажиточных должна была стать одним из оплотов нового буржуазного порядка на ряду с «народным» представительством и местным самоуправлением, построенными по цензовой системе.

И в этом вопросе Робеспьер оказался на своем боевом посту - защитника народных прав. В декабре 1790 г. он выступил по этому вопросу в Якобинском клубе, вызвав настоящий энтузиазм среди собравшихся. В конце апреля 1791 г. на ту же тему он говорил в Национальном собрании. Указав, что назначение национальной гвардии - охранять завоеванную свободу и быть противовесом постоянной армии, которая является слепым орудием в руках монархии; подчеркнув необходимость проведения демократического принципа при ее организации (выборность командного состава, никаких привилегированных частей, никакой формы вне строя, никаких орденов и других знаков отличия, даваемых королем и т.д.), Робеспьер переходит к самому существенному пункту: «Лишить права на оружие одну часть граждан и в то же время вооружить другую - это значит одновременно нарушить принцип равенства, эту базу нового общественного договора, нарушить священнейшие законы природы... На каком основании разделять нацию на два класса, из которых один, по-видимому, должен быть армией для подавления другого как какого-то сброда рабов, всегда готовых на мятеж? А между тем кто сделал нашу славную революцию? Не богатые и могущественные люди, нет, только один народ мог ее желать и сделать, и только он способен отстоять ее результаты. И вот большинство тех, кто с оружием в руках шел брать приступом Бастилию, поставлено теперь собранием в положение каких-то париев. В основу организации национальной гвардии должен быть положен тот основной принцип, что всякий, имеющий постоянное жилище, гражданин должен быть по праву ее членом».

Обсуждение Декларации прав и проекта конституции к Национальному собранию оживило политическую жизнь Парижа. В парке Пале-Рояля, в прилегающих кофейнях и кабачках происходили шумные митинги, на которых выступали представители радикально настроенной беднейшей интеллигенции. В то же время под влиянием недостатка хлеба глухо волновались народные массы. 5-6 октября революционная парижская демократия наводнила Версаль и заставила короля переселиться в Париж. [Свидетельства женщин относительно их участия в октябрьских днях 1789 г., «Восстание менад» - с свидетельствами К.Демулена, Ретифа де Ла Бретона, Готье де Боза] Это самочинное выступление вызвало сильнейшую тревогу в буржуазных кругах; поддержание спокойствия и порядка, охрана собственности - вот что становится теперь главной заботой Национального собрания и реакционного парижского муниципалитета. Беспорядки перед пекарнями, имевшие место во второй половине октября, и убийство женщинами одного булочника, спрятавшего часть хлеба для своих знакомых, дали Собранию повод издать 21 октября специальный декрет о военном положении на случай незаконных сборищ. В случае возникновения опасности «для общественного спокойствия» городским властям предоставлялось право объявлять военное положение и разгонять сборища с применением вооруженной силы, вплоть до расстрела отказывающейся разойтись толпы. Зачинщикам и подстрекателям закон грозил тяжелыми карами, от нескольких лет тюрьмы до смертной казни включительно. Солдаты же и национальные гвардейцы, уличенные в присутствии на незаконных собраниях, подлежали смертной казни во всяком случае.

Этот реакционнейший закон, сводивший на нет право собраний и предоставлявший огромные полномочия умеренно-либеральной городской думе, вызвал резкую критику со стороны «крайней левой» Национального собрания, и прежде всего со стороны Робеспьера.

Декрет о военном положении, по его мнению, только оттолкнет массы от революции и, несомненно, бросит их в объятия аристократии. Обращаясь к представителям третьего сословия, Робеспьер говорил: «Все, наблюдавшие ход революции, давно предвидели наступление момента, к которому мы теперь подошли. Они предвидели, что подойдут к концу продовольственные средства, что тогда народу укажут на вас как на единственный якорь спасения, что дождутся ужасных обстоятельств, чтобы потребовать насильственных мер и таким образом раздавить свободу. Париж требует хлеба и солдат - это значит, что народ вопиет о хлебе, у нас нет хлеба, поэтому дайте нам: солдат, чтобы учинить над народом расправу!.. Вам говорят, что солдаты отказываются выступать. Да неужели же они могут броситься на несчастный народ, все невзгоды которого они разделяют?» Во всяком случае, «чтобы найти источник наших бед, нужны разумные декреты, а не свирепые мероприятия».

Закон о военном положении облегчал буржуазным муниципалитетам возможность пускать в ход штыки против всяких народных собраний и демонстраций, неугодных буржуазии. Но уже из слов Робеспьера, протестовавшего против военного закона, видно, что при таких усмирениях не всегда можно было рассчитывать на готовность солдат стрелять по толпе. Это приводит нас к вопросу о том, как отразилась революция на армии.

При старом порядке войско состояло из охотников, вербовавшихся частью в самой Франции, частью за границей; целые полки состояли, например, из швейцарцев. Национальное собрание в общем оставило этот порядок в силе, если не считать некоторых изменений в порядке назначения командного состава да грошовой прибавки к ничтожному солдатскому жалованью. В полном согласии с королевским военным министром Национальное собрание полагало, что солдаты по-прежнему обязаны слепым повиновением офицерам, что никакая политика не может быть допущена в армию.

Более того, либеральная буржуазия постаралась увековечить бесправное положение «нижних чинов», подчинить их еще более суровой, чисто палочной дисциплине. С этой целью было составлено весьма суровое уложение о наказаниях за проступки, совершенные в армии. Особенной жестокостью отличались статьи нового морского устава, причем оказалось, что у депутатов Учредительного собрания две разные мерки, смотря по тому, идет ли дело о преступлении матроса или офицера: за одни и те же проступки первому грозила порка, заключение в тюрьме, ссылка в каторжные работы, наконец, смертная казнь, тогда как второму - в худшем случае - разжалование.

При обсуждении проекта нового морского устава Робеспьер выступил с негодующим протестом против этой вопиющей несправедливости; он требовал, чтобы за одно и то же преступление и матросы и их офицеры несли равное наказание, а если таковое находят слишком жестоким для командного состава, то пусть его отменяют и для нижних чинов. Собрание осталось, однако, глухо к доводам защитника матросских интересов.

Не удалось Робеспьеру оградить интересы солдат и при обсуждении вопроса о составе военных судов. Тщетно он требовал, чтобы на будущее время такие суды («военные советы») состояли не из одних офицеров, как прежде, а частью из офицеров, частью из солдат: Национальное собрание оставило судьбу «нижних чинов» в руках офицерства.

Под предлогом поддержания дисциплины контрреволюционное офицерство могло теперь беспощадно расправляться с солдатами-революционерами.

Но в армии уже начиналось глухое брожение, росло недовольство солдат командирами, систематически задерживавшими солдатское жалованье. Осенью 1790 г. в г. Нанси, где стояли три полка, дело дошло до устранения офицеров от заведования полковой кассой. Местный комендант и городские власти донесли Национальному собранию о «солдатском бунте», якобы происходящем в Нанси. По распоряжению центрального правительства против мятежных солдат была послана карательная экспедиция под начальством генерала Буйе, которому удалось с помощью провокаторских приемов вызвать столкновение между гарнизоном Нанси, уже изъявившим о своем подчинении, и прибывшими на усмирение войсками. В результате было перебито до 3 тыс. «мятежников», 23 «зачинщика» повешены затем без суда.

Эта дикая расправа вызвала сильнейшее возбуждение среди парижской демократии, толпа едва не разнесла дворец военного министра; требовали казни генерала Буйе. Либеральное же большинство Собрания, несмотря на энергичные протесты Робеспьера, втирало усмирителю «благодарность от имени нации».

Чем дальше разворачивалась революция, тем реакционнее становилась крупная буржуазия, с тревогой смотревшая на пробуждение широких масс к политической жизни. Казалось уже недостаточным лишить рабочих и бедноту вообще права голоса и права на оружие. Учредительное собрание пытается отнять у демократии даже мирные средства политической борьбы: оно покушается на свободу печати и петиций. В конце августа 1791 г. издается специальный закон, делавший, в сущности, невозможной какую бы то ни было критику действий чиновников. В мае того же года в виду все усиливавшегося движения против созданной Собранием цензовой системы, деятельное участие в котором принимали народные общества и клубы, в Национальном собрании ставится вопрос о необходимости воспретить всякого рода коллективные петиции, особенно исходящие от политических клубов; оставить право петиций лишь за «активными» гражданами и лишить политические сообщества права расклеивать на улицах плакаты и воззвания, последнее право должно быть привилегией лишь правительственных учреждений.

Само собой разумеется, что Робеспьер не мог молчать. С трибуны Собрания, в Якобинском клубе, в специальных брошюрах он отстаивал неограниченную свободу печати и петиций. «Право петиций, - говорил он, - неотъемлемое право всех граждан; даже самодержавная власть выслушивала челобитные своих подданных, а теперь народные представители не хотят выслушивать справедливых требований народа!.. Я защищаю, - продолжал он, - прежде всего интересы беднейших, ибо чем слабее и несчастнее человек, тем больше он нуждается в праве петиций». Уничтожая право петиций, Национальное собрание хочет избавиться от всякой критики своих решений со стороны народных обществ.

Глава IV. Робеспьер и аграрный вопрос. Защита всех угнетенных и обездоленных. Речь Робеспьера против смертной казни. Робеспьер в Якобинском клубе

Поглощенное с самого начала своих занятий политической реформой Учредительное собрание едва ли вспомнило бы о требованиях и нуждах самого многочисленного класса тогдашней Франции - крестьянства, если бы не вспыхнула (с конца июля 1789 г.) настоящая крестьянская революция. Крестьяне перестали платить в пользу помещиков разного рода поборы и нести повинности; собирались целыми деревнями и, вооружившись чем попало, двигались от одной господской усадьбы к другой, требуя от помещиков немедленного отказа от всяких феодальных прав и выдачи всех записей и грамот, в которых перечислялись крестьянские повинности. Тут же, во дворе замка, эти феодальные грамоты торжественно сжигались. В случае отказа в выдаче документов со стороны сеньоров-помещиков крестьяне громили и жгли и самые замки.

Чтобы как-нибудь успокоить крестьян, Учредительное собрание должно было поставить вопрос об отмене феодальных повинностей на очередь, но дело не пошло дальше уничтожения маловажных или давно позабытых повинностей: самые же ценные крестьянам предложили выкупать, и притом на чрезвычайно невыгодных для них условиях. В общем и целом за те два года, что заседало Учредительное собрание, вопрос о феодальных повинностях практически не подвинулся ни на шаг.

Так же обстояло дело и с другим наболевшим у крестьянства вопросом - о возврате сельским общинам угодий, незаконно отнятых у них сеньорами-помещиками.

Многие сельские общества уже начали самовольно захватывать леса, луга и пастбища, которые они считали своими.

И здесь Учредительное собрание стало на сторону дворянства: оно издало специальные декреты, воспрещавшие крестьянам «самовольно вступать во владение спорными угодьями» и закреплявшие за сеньорами все захваты «пустующих» земель, совершенные до 4 августа 1789 г. Правда, законом 15 марта 1790 г. были воспрещены так называемые троения (триажи), или выделы (право помещика выгораживать себе одну треть общинных угодий, установленное еще в 1669 г.), но все раньше произведенные на законном основании «выделы» Собрание оставило в силе. Что касается незаконно захваченных помещиками общинных земель, то крестьяне должны были в течение пяти лет представить в суд письменные доказательства своих прав на такие земли. Добыть подобные документы крестьяне в большинстве случаев не могли, а потому на практике декрет Учредительного собрания означал не что иное, как закрепление за помещиками награбленных ими земель.

Робеспьер выступил в Собрании с большой обстоятельной речью в защиту крестьянских прав на общинные земли. «С отменой феодального режима, - говорил он, - должны быть уничтожены и все злоупотребления, грабежи и узурпации».

С незапамятных времен сельские общины владели пастбищами, болотами, кустарниками и т. п., пользуясь ими для выгона скота и добывания торфа. Но интенданты и провинциальные штаты сделали все от них зависящее, чтобы оттянуть у крестьян эти угодья путем хищений, осушки болот, распашки пустошей и т.п. С другой стороны, сеньоры широко пользовались законом 1669 г.: пользуясь правом сильного, они захватывали под предлогом «выдела» огромное количество общинных земель, не считаясь даже с существующими законами.

Все протесты крестьян против такого бесцеремонного грабежа, все их попытки добиться управы на грабителей не привели ни к чему и вызывали со стороны властей жестокие репрессии, вплоть до наказания солдатским постоем.

Учредительное собрание должно вернуть общинам не только те земли, которые были у них отняты в нарушение указа 1669 г.¹³, но и те, что перешли к сеньорам на «законном» основании. Говорят, что за помещиками право давности, но право давности у народа - еще древнее; бояться затронуть помещичью собственность, но самое право «выдела» по закону 1669 г. не что иное, как право на узаконенный грабеж, а ограбление никогда не может создать права собственности на похищенное. Недостаточно поэтому воспретить выделы на будущее время: надо, чтобы закон имел обратное действие. Поступить иначе - значит оставить узурпаторов спокойно владеть захваченным! Но не только феодальные права и захваты общинных земель возмущали Робеспьера: с тревогой наблюдал он, как все большую и большую силу приобретал крупный капитал, как разорялись под влиянием конкуренции мелкие самостоятельные мастера, превращаясь в кустарей, бездомных пролетариев, как росли крупные состояния на одной стороне и нищета с другой, как все углублялась пропасть между богатыми и бедными.

И Робеспьер хочет помочь горю, задержать этот процесс изменением законов о праве завещания: надо воспретить завещание всего или большей части имущества в пользу старших сыновей: все наследство должно делиться поровну между детьми умершего. «Вы ничего не сделаете в интересах свободы, - говорил Робеспьер в Собрании, - если ваши законы не будут иметь целью смягчить (путем осторожных, но действительных средств) крайнее неравенство состояний».

Это пожелание Робеспьера шло вразрез со всем духом зарождавшегося капиталистического общества, ибо как раз в интересах накопления буржуа требовал неограниченного права распоряжения своей «священной» собственностью; и в этом смысле оно было экономически реакционным.

Но для нас важно отметить, что уже во время Учредительного собрания в речах Робеспьера имелись идеи, которые получили свой законченный вид в эпоху Конвента.

Уже в первые годы революции Робеспьер зарекомендовал себя присяжным адвокатом всех угнетенных и обездоленных, и здесь его точка зрения всегда прямолинейна и выдержана до конца. Мы уже видели его в роли защитника интересов солдат, матросов, крестьян, рабочих и ремесленников.

Ту же принципиальность мы видим и в выступлении Робеспьера по колониальному вопросу.

Революция отразилась и на французских колониях в Америке (Сен-Доминго, Гвиана и др.): белые колонисты, владевшие плантациями, на которых применялся труд рабов-негров, не хотели предоставлять политических прав цветнокожим или мулатам. Национальное собрание, многие члены которого были заинтересованы в колониальных предприятиях, склонялось к тому, чтобы предоставить решение вопроса о правах мулатов и негров-вольнотпущенников исключительно белым. О неграх-рабах даже и не упоминалось: то самое Собрание, которое так торжественно провозгласило свободу и равенство прирожденными и неотъемлемыми правами человека, считало в порядке вещей оставить в полной неприкосновенности рабство в колониях, это позорнейшее пятно на европейской цивилизации.

Колониальная политика Национального собрания не могла не вызвать протеста со стороны Робеспьера, столь чуткого ко всякой социальной несправедливости. Он указал Собранию, что раз конституция предоставляет политические права всем гражданам, платящим налог в определенном размере, безотносительно к цвету их кожи, то мулаты должны пользоваться теми же правами, как и белые. Предоставлять же решение этого вопроса колониальному Собранию из одних белых - это просто издевательство. Что сказали бы гг. депутаты Учредительного собрания, если бы во Франции судьбы третьего сословия предоставили вершить одним привилегированным?!

А когда один из депутатов предложил поправку к декрету, в которой упоминалось слово «раб», Робеспьер снова спешит на трибуну, прерываемый гиканьем и протестами одних и аплодисментами других, он с негодованием восклицает: «Да, с того момента, когда вы введете слово «раб» в свои декреты, вы сами покроете себя позором... Вы беспрестанно твердите о правах человека... и в то же время освящаете своей конституцией рабство. Пусть лучше погибнут колонии, если их дальнейшее существование может быть куплено лишь ценою потери вашей чести, славы и свободы!..»

Наш обзор выступлений Робеспьера, в Учредительном собрании был бы не полон, если бы мы не упомянули о его замечательной речи против смертной казни¹⁴, которая полагалась по старому французскому праву за некоторые не только политические, но и уголовные преступления.

«Я прошу, - говорил Робеспьер, - чтобы законодатели... вычеркнули из книг французских законов кровавые постановления, приказывающие законное убийство и противоречащие... нашей новой конституции. Я докажу вам, во-первых, что она не только не является целесообразным наказанием, но что она скорее увеличивает число преступлений, чем предупреждает их.

Если можно оправдать человека за убийство в состоянии необходимой самозащиты, то что сказать об обществе, в котором силы всех вооружены против одного лица и которое тем не менее убивает преступника, уже пойманного и обезвреженного, уже бессильного пленника? Что это, как не «трусливое убийство», совершенное... целой нацией, с соблюдением законных форм! Напрасно говорят, что без смертной казни не будет «достаточной узды для преступников»: в руках государства есть тысячи других средств поразить гражданина, да и вообще наказания существуют вовсе не для того, чтобы мучить виновного. Применение жестоких наказаний ведет лишь к огрублению нравов и притуплению человеческой восприимчивости, так что скоро и смертная казнь перестает устрашать преступные элементы. Устанавливая смертную казнь, законодатель лишает преступника возможности исправиться в будущем. Наконец, всегда ведь возможны роковые судебные ошибки, но, казнив невинного, бесполезно потом восстанавливать его доброе имя!» [М.Робеспьер. О смертной казни]

И реакционные и либеральные историки с торжеством указывают на противоречие между взглядами, проводимыми Робеспьером в этой речи, и системой террора, главным вдохновителем которой якобы был Робеспьер.

Но, во-первых, в дальнейшем мы увидим, что террор начался гораздо раньше господства якобинцев в Конвенте, что в 1793-1794 гг. он стал для революционной Франции политической необходимостью. Во-вторых, в 1791 г., когда Робеспьер произносил свою речь против смертной казни, в стране еще не было той ожесточенной гражданской войны, которая имела место в эпоху Конвента. Но Робеспьер оказался бы оторванным от жизни, упрямым доктринером, если бы остался тогда на своей прежней точке зрения.

Как бы то ни было, его энергичное выступление против применения смертной казни в эпоху сравнительно мирного течения общественной жизни свидетельствует о гуманности этого человека, которого так часто изображали каким-то кровожадным чудовищем.

В ультрабуржуазном по своему составу Национальном собрании смелые речи депутата от Артуа производили мало впечатления, а его предложения, как правило, отклонялись.

Другой трибуной, с которой Робеспьер мог развивать свои взгляды, был Якобинский клуб.

Этот клуб возник из так называемого Бретонского, в котором собирались депутаты Национального собрания от Бретани для предварительного обсуждения текущих вопросов. К этому первоначальному ядру примкнули и другие депутаты; в числе членов Бретонского клуба были Шапелье, Сиейс, Барнав, Дюпор, братья Ламеты и Робеспьер. С переездом Национального собрания из Версаля в Париж клуб водворился в помещении Якобинского монастыря св. Гонория, по улице Сен-Онорэ, недалеко от места, где заседало Национальное собрание. Теперь клуб стал называться «Общество друзей конституции». Странники старого порядка в насмешку прозвали членов клуба «якобинцами»; это название скоро стало общепризнанным.

Вначале состав клуба отнюдь не был демократическим: наряду с депутатами в него входили почти исключительно адвокаты, литераторы, врачи, купцы и зажиточные парижские мастера вроде квартирохозяина Робеспьера - Дюпле. Был установлен высокий членский взнос.

Заседания клуба происходили обычно четыре раза в неделю. Первое время на них обсуждались исключительно вопросы, которые стояли на очереди в Учредительном собрании. Но постепенно деятельность Якобинского клуба расширяется. По всей Франции возникают его филиальные отделения, с которыми центральное общество поддерживает постоянную связь путем переписки, посылки адресов и обращений, делегатов и т.п. Провинциальные отделения Якобинского общества сыграли очень важную роль в период обновления местной администрации: это они дали для нее главные кадры.

По мере развития революции изменялся и состав членов Якобинского общества: более умеренные элементы были вынуждены уступить свое влияние более крайним. Уже в марте 1790 г. из клуба уходят во главе с Малюзэ 89 членов, принадлежавших к умеренно-правой группе - конституционалистов-аристократов; после бойни, которую буржуазия устроила республиканцам 17 июля (1791 г.), ушла новая группа - «умеренных», организовавшая свой клуб в монастыре Фейянов. [[А.Тырсенко. Фейяны](#)]

Вместе с тем Общество друзей конституции приобретает все большие симпатии в широких демократических кругах: потерпевшие от произвола администрации просят расследовать ее действия, солдаты жалуются на всяческие притеснения со стороны офицеров и т.д.

Этой популярности Якобинского клуба немало способствовали выступления в нем Робеспьера, влияние которого среди членов Общества быстро возрастало. Мирабо, Барнав и Ламеты, когда-то признанные руководители клуба, вынуждены ступать перед малоизвестным аррасским адвокатом. Скоро он становится влиятельнейшим членом клуба; в апреле 1790 г. Общество избирает Робеспьера своим председателем.

С трибуны Якобинского клуба Робеспьер произнес лучшие из своих речей, относящихся к эпохе Учредительного собрания: отсюда он вел кампанию в пользу неограниченной свободы печати, против включения в национальную гвардию одних «активных» граждан, против Мирабо и т.д. Ему же поручали составление важнейших воззваний к филиальным отделениям Общества.

Глава V. Бегство в Варенн. Робеспьер и начало республиканского движения

Соглашаясь на реформы, проводимые Учредительным собранием, король считал их вынужденными и мечтал освободиться при удобном случае от опеки Собрания и уничтожить конституцию, на верность которой он только что присягнул.

У королевской семьи сложился план побега из Парижа под защиту армии Буйе, стоявшей в Лотарингии, отсюда Людовик думал двинуться на столицу уже во главе преданных трону войск. В ночь с 20 на 21 июня король бежал, но был узнан по дороге в Варенне, арестован и водворен в Париж. [[ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС \(ПОДБОРКА ДОКУМЕНТОВ\)](#), [Хроника вареннского бегства](#), [Н.Владимирова. Якобинский клуб в дни вареннского кризиса лета 1791 г.](#), [Куркина Ю. Вареннский кризис и французское общественное мнение](#)]

Неудачное бегство короля раскрыло многим глаза на истинную сущность этого лицемерного «главы нации». Республиканская пропаганда и агитация, которая не выходила доселе за пределы небольших интеллигентских кружков, стала пользоваться значительным успехом; в клубах, в печати, на митингах открыто говорили о республике.

Душой антимонархической агитации становится клуб Кордельеров. С другой стороны, энергичную кампанию в пользу республиканской формы правления развернула группа журналистов, будущих вожakov жирондистской партии: Бриссо, Петион, Карра.

Республиканское движение сильно беспокоило буржуазию, которая совершенно правильно видела в подрыве монархии начало конца ее собственных политических привилегий; ведь королевская власть была краеугольным камнем только что установленного буржуазного режима; параллельно с республиканской агитацией усиливалась и демократическая, враждебная цензу и самому Собранию. В связи с вопросом о дальнейшей судьбе короля демократические клубы и общества требовали, чтобы все законы и постановления Национального собрания отныне шли на предварительное утверждение самого народа.

Не удивительно, что сейчас же по водворении короля в Париже Собрание постаралось замять инцидент с побегом: в особом [воззвании к французам](#) оно обеляет короля, взваливая всю вину за происшедшее на «дурных советчиков», которые якобы «похитили» короля из Парижа. Чтобы положить конец всякой республиканской пропаганде, Собрание сняло с короля всякую ответственность за бегство особым декретом ([15 июля 1791 г.](#)).

Что касается Якобинского клуба, то после некоторых колебаний он также стал на защиту монархии и конституции. И в этом нет ничего удивительного, если принять во внимание тогдашний буржуазный по преимуществу состав Общества друзей конституции.

Гораздо труднее объяснить тот факт, что и такие признанные вожди демократической партии, как Дантон, Марат и Робеспьер, правда, требовали низложения Людовика XVI и суда над ним, но отнюдь не предлагали тогда отменить монархию.

В «Адресе к французам», составленном Робеспьером уже после июльских событий 1791 г. говорилось: «Что касается монарха, то я не разделяю того ужаса, который внушал титул короля почти всем свободным народам. Лишь бы только нации было предоставлено ее место, а патриотизму, вызванному характером нашей революции, был дан соответствующий простор, и тогда я не боюсь не только королевской власти, но и наследственности королевских функций в одной и той же семье...» Необходимо только сдерживать королевскую власть. Объясняя, далее, свое поведение после вареннского бегства, Робеспьер продолжает: «Всякое свободное государство, в котором нация что-нибудь да значит, есть республика; нация может быть свободна и с монархом; таким образом, республика и монархия не суть несовместимые между собой вещи, и поставленный теперь вопрос касается только личности Людовика XVI».

Все это рассуждение представляет собою малоубедительную попытку доказать, что принцип народного самодержавия не противоречит наследственной монархии. Но нам важно было установить, что в эпоху Учредительного собрания Робеспьер был убежденным демократом, но еще не был республиканцем.

Его оппортунистическая политика в вопросе о республике объясняется тем, что в 1791 г. вожди демократии опасались, что при неорганизованности масс отмена монархии будет означать захват власти буржуазией. Позже, в мае 1792 г., Робеспьер изложил причины своего отрицательного отношения к жирондистскому республиканизму в таких словах: «Я республиканец. Да, принципы равенства и священные права, предоставленные народу конституцией, я буду защищать против опасных систем тех интриганов, которые видят в конституции лишь орудие своего честолюбия. Народное представительное собрание свободных... граждан под властью короля я предпочитаю поработанному... народу, который находится под бичом аристократического сената...»

Возможность возникновения такой «аристократической республики», где власть целиком принадлежит лишь богатой буржуазии, пугала тогда тех самых людей, которые в эпоху Конвента выступили пламенными республиканцами. Республиканский же пыл жирондистов, как увидим, быстро остывал как раз по мере развития революции.

Возвратимся, однако, к июльским дням 1791 г. Декрет Собрания о невиновности короля вызвал взрыв негодования среди республиканцев, которые в ряде петиций, обращенных к народным представителям, требуют низложения Людовика или, по крайней мере, отсрочки решения вопроса до народного голосования.

17 июля несколько тысяч собралось на Марсовом поле, чтобы подписаться под петицией, настаивавшей на отмене декрета о невиновности короля и созыве нового Учредительного собрания для суда над преступником и для организации новой исполнительной власти. Тогда против собравшихся были выдвинуты национальные гвардейцы и артиллерия; толпа встретила их камнями. В ответ раздались залпы солдат, Марсово поле было усеяно трупами мужчин, женщин и детей.

События 17 июля обнаружили всю слабость и неорганизованность демократии; буржуазия торжествовала. Начались аресты причастных и не причастных к движению лиц. Марат, Демулен, Дантон и другие должны были временно перейти на нелегальное положение.

Но с точки зрения политического воспитания масс июльская бойня имела и положительное значение: она воочию показала, что прежде единое третье сословие раскололось на два лагеря, резко враждебные друг другу - на буржуазию и демократию, между которыми теперь не могло уже быть примирения. Этот разрыв был закреплен расколом в Якобинском клубе, все депутаты Собрания, за исключением шести человек, вышли из Общества и основали новый клуб в помещении Фейянтинского монастыря; отсюда самое название отколовшихся - «фейянтинцы» или «фейяны».

Между тем контрреволюция праздновала свою победу. После того как король вторично присягнул конституции, Собрание восстановило его во всех правах. По этому поводу в Париже произошли монархические манифестации: депутаты и буржуазная публика устроили Людовику восторженные овации; в театрах ставились пьесы в заведомо монархическом вкусе. В день роспуска Учредительного собрания король издал прокламацию, в которой говорилось: «Наступил конец революции, пусть к нации вернется ее счастливое настроение».

Республиканско-демократическая партия была почти раздавлена, но парижский народ сумел подчеркнуть, на чьей стороне все его симпатии. При выходе депутатов с последнего заседания собралась огромная толпа, чтобы приветствовать Робеспьера и Петиона; их встретили восторженными криками: «Да здравствует свобода! Да здравствует нация!» и увенчали дубовыми венками. Желая уклониться от дальнейших оваций, оба депутата пытались скрыться на первом попавшемся извозчике, но народ мигом выпряг лошадей, чтобы везти на себе экипаж.

Лишь с трудом Робеспьеру удалось убедить толпу отказаться от этого намерения. Манифестанты провожали любимых депутатов до самого дома. «Вот истинные друзья народа, неподкупные законодатели!» - то и дело слышалось в толпе.

1 С лета 1790 г. Париж был разделен в административной отношении на 48 участков, или секций.

2 Т.е. граверов, резчиков.

3 Су - 5 сантимов.

4 Считаю 3 фунта хлеба (по 5 су за фунт) и 1/2 Фунта муки в день на семью из отца, матери и двоих детей.

5 Ремесленники предместий не входили в цеховую организацию и не могли продавать свои изделия в самом городе.

6 С семьей Дюпле связано и новое сердечное увлечение Робеспьера, предметом которого была одна из дочерей Мориса - Элеонора. Девушка отвечала ему взаимностью, но брак был отложен до более спокойных времен, когда торжество революции позволило бы Робеспьеру отдавать больше времени личной жизни. [\[Если бы Элеонора вела дневник\]](#)

7 Так как срок полномочий Собрания был установлен в два года, то король мог, таким образом, задержать любой закон, по крайней мере, на шесть лет.

8 Марка серебра - 54 франка.

9 В Учредительном собрании их нашлось всего пять человек; вне Собрания против системы ценза особенно протестовали Марат, Лустало, Камилл Демулен.

10 Брошюра называлась: «Рассуждение о необходимости отмены декретов, связывающих право гражданства с уплатой налога в марку серебра или в размере стоимости определенного количества рабочих дней».

11 Речь 25 декабря 1790 г.

12 Перед своим роспуском (осень 1791 г.). Учредительное собрание, правда, отменило марку серебра, но зато установило высокий имущественный ценз для выборщиков и тем обеспечило желательный для буржуазии состав будущих депутатов.

13 Указ 1669 г. разрешал «триажи», но обставлял их известными ограничениями.

14 30 мая 1791 г.

III. ЭПОХА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Глава I. Партии в Законодательном собрании. Законодательное собрание и крестьяне. Дело Симоно

Новое Законодательное собрание открылось 1 октября 1791 г. Благодаря цензовому закону безусловный перевес в нем (около 2/3 мест) получила буржуазия, пославшая в качестве своих представителей судейских, адвокатов, чиновников только что созданного городского и земского самоуправления, купцов и фабрикантов, а также лиц либеральных профессий.

Депутатов-дворян и лиц духовного звания оказалась лишь ничтожная группа. Но еще слабее была представлена демократия, на 766 депутатов было избрано всего три крестьянина и четыре ремесленника.

Но в общем Законодательное собрание оказалось несколько «левее» Учредительного: в нем не находим уже партии «крайних правых», сторонников неограниченного самодержавия: их место заняли «умеренные», или «фейяны», отстаивавшие сохранение за королем всей полноты власти, представленной ему конституцией 1791 г. Эту партию поддерживала умеренно-либеральная финансовая буржуазия и фабриканты, производившие предметы роскоши, а потому пострадавшие от эмиграции. Вместе с партией «центра», большей частью голосовавшей заодно с «правой», «фейяны» располагали большинством Собрания.

«Левую» составляла небольшая группа¹ депутатов, которых причисляли к «якобинцам», руководящую роль в ней играли будущие «жирондисты», или бриссотисты, представлявшие наиболее прогрессивную крупную торгово-промышленную буржуазию провинциальных городов.

Наконец, на крайней левой сидело три маловлиятельных депутата, отстаивавших в Собрании демократические идеи клуба Кордельеров.

Ни Марат, ни Дантон не попали в Законодательное собрание. Робеспьер не мог быть избран: Учредительное собрание постановило, что никто из его членов не может быть депутатом Законодательного собрания. Тем больше внимания мог он уделять публицистике и Якобинскому клубу². Теперь его считают признанным главой этой крупнейшей политической организации. Когда после шестинедельной отлучки из Парижа (он уезжал в свой родной Аррас) Робеспьер впервые появился у якобинцев, присутствовавшие на заседании устроили ему восторженную овацию, очередной председатель уступил ему свое место.

Между тем среди народных масс постепенно намечался перелом в сторону решительной борьбы за расширение революционных завоеваний. Предметные уроки классовой борьбы изо дня в день подрывали прежнюю наивную веру в короля и Собрание, где буржуазия говорила от имени народа, но действовала исключительно в своих узкоклассовых интересах.

Крестьянство было обмануто в своих надеждах на скорую отмену феодальных повинностей: условия выкупа были так тяжелы, что огромное большинство крестьян не могло к нему и приступить; приходилось по-прежнему платить чинши и другие поборы в пользу сеньоров-помещиков, которые неукоснительно требовали теперь платежей, ссылаясь на декреты самого Учредительного собрания.

Многочисленные жалобы на притеснения со стороны помещиков, посылавшиеся крестьянами Собранию, оставались без всяких последствий.

И вот в крестьянских головах укрепляется вполне правильная мысль, что депутаты держат руку дворян. Не довольствуясь энергичными выражениями протеста против «злодейских» декретов Собрания, крестьяне возобновляют революционную борьбу. Во многих местах они отказываются вносить платежи, пока помещик не представит подлинного документа, подтверждающего его права на получение тех или иных поборов, и в то же время строят по деревням виселицы для устрашения тех из своих односельчан, которые вздумают являться к барину с чиншами; там и сям снова пылают помещичьи замки.

Движение разрастается, несмотря на грозные декреты Собрания, приравнивавшие отказы от платежей невыкупленных повинностей к мятежу против законов и собственности, несмотря на посылку карательных экспедиций в помощь местным национальным гвардейцам.

Раздражение крестьян направлено теперь не только против дворян, но и против буржуа, купивших феодальные ренты.

Растет и недоверие мужика к городской буржуазии вообще, которая присвоила себе все плоды революции, тогда как деревня не получила еще ничего осязательного.

Крестьянские волнения не прекращались и в 1791-1792 г., Законодательное собрание не спешило, однако, с пересмотром аграрного вопроса; лишь летом 1792 г., почти накануне революции 10 августа, оно решилось изменить декреты Учредительного собрания в благоприятном для крестьян смысле, облегчив условия выкупа и обязав помещика представлять доказательства, что те или иные «нерегулярные» повинности возникли из первоначальной уступки земли крестьянам³. [[Аграрное законодательство Учредительного Собрания](#), [Аграрное законодательство Законодательного Собрания](#), [Аграрное законодательство монтаньяров](#)]

Рядом с борьбой крестьян против помещиков среди городской и деревенской бедноты начиналось движение на почве дороговизны колониальных товаров. Цены на сахар и кофе, значительно поднявшиеся в результате восстания негров во французских колониях, неудержимо росли изо дня в день благодаря махинациям спекулянтов и крупных торговцев; а между тем в Париже их склады, устроенные в конфискованных у церкви помещениях, ломились от запаса колониальных товаров.

В Париже движение среди ремесленников и рабочих сразу охватило не только предместья, но и некоторые центральные кварталы Парижа; оно шло против богатой коммерческой буржуазии.

В течение двух дней несколько магазинов и лавок были, разграблены толпой. В начале 1792 г. в Законодательное собрание была подана петиция от граждан секции «Гобеленов»; петиционеры протестовали против торговой «фейянтинской» буржуазии, против скупщиков, стремившихся использовать революцию в своих целях, и требовали установления надзора за торговлей со стороны муниципалитета, чтобы положить конец сокрытию товаров в спекулятивных целях.

Петиционеры, как видим, еще не требовали установления максимальных цен, но народная мысль, по-видимому, уже начинала работать в этом направлении.

Если Париж пока еще снабжался хлебом в достаточном количестве, то во многих провинциальных городках и местечках уже сказывался его недостаток (урожай 1791 г. на юге оказался плохим). На этой почве возникли волнения и беспорядки, охватившие в общем 50 дистриктов (уездов). Местами толпы не давали грузить хлеб для колоний или отправлять его в южные департаменты. В Пуатье рабочие мануфактур требовали установить таксу на хлеб. Этот лозунг выставлялся в ряде провинций поденщиками и дровосеками наряду с требованием повышения заработной платы, подкреплявшимся забастовками.

В департаментах, смежных с Парижем, среди деревенской бедноты движение на почве недостатка в продовольствии имело место осенью 1792 г.; оно носило организованный характер и соединялось с движением против крупных фермеров и деревенских кулаков.

Таким образом, к той розни в рядах третьего сословия, которая наметилась в результате разделения граждан на «активных» и «пассивных» и углубилась потом июльскими событиями на Марсовом поле, прибавился теперь новый конфликт - на экономической почве. И богатая буржуазия, особенно заинтересованная в торговле колониальными товарами, все с большей подозрительностью и почти уже с ненавистью смотрела теперь на пролетариев.

В одной брошюре, вышедшей в начале 1792 г., все собственники призывались к защите своих интересов против притязаний «черни». «Собственники! - говорилось там, - кто бы вы ни были, остерегайтесь поддерживать ложную теорию; люди, которые ничего не имеют, не могут быть нам равными».

Не только «фейяны», но и будущие «жирондисты» не хотели и слышать о таксации хлеба или воспреещении вывоза сахара из Франции и вообще о принятии мер против спекулянтов: «Без свободы нет коммерции!» - таков был лозунг большинства Собрания.

Представитель бордоской торговой буржуазии, жирондист Дюко, доказывал, что в интересах отечественной торговли потребитель должен примириться с дороговизной и утешать себя тем, что, сокращая свое потребление, он тем самым ослабит в конце концов аппетиты скупщиков и цены сами собой понизятся. Между тем местами положение становилось прямо угрожающим.

3 марта 1792 г. во время мятежа в Этампе был убит местный мэ́р Симоно за то, что не хотел допустить установления таксы на зерно. Законодательное собрание, стоявшее горой за неограниченную свободу торговли и видевшее в продовольственных волнениях не более, как результат интриги врагов революции, решило поставить памятник убитому Симоно, «павшему жертвой своей преданности долгу и закону».

Робеспьер видел в этом прославлении Симоно лишь торжество имущей буржуазии и поражение санкюлотов. Разойдясь на этот раз даже с большинством Якобинского клуба, он смело выступил в своем «Защитнике конституции»⁴ против превознесения «подвигов» гражданина Симоно, этого алчного и грубого негоцианта, заведомого скупщика, возбудившего справедливый народный гнев и павшего жертвой своего корыстолюбия. В подтверждение своих заключений Робеспьер опубликовал весьма обстоятельную петицию, составленную священником Доливье и подписанную жителями сорока селений, расположенных вокруг Этампа; петиционеры ходатайствовали за граждан, арестованных по делу об убийстве мэра.

Глава II. Робеспьер против войны

Несмотря на всю умеренность Собрания, конфликт между ним и королем, упорно продолжавшем мечтать о возвращении к старым порядкам, был неизбежен. Еще Учредительное собрание конфисковало все церковные имущества, обратив их в национальное достояние для погашения огромного государственного долга⁵. Содержание клира⁶ было взято на счет казны. В то же время было введено так называемое гражданское положение о клире, в силу которого католические священники и епископы должны были избираться «активными» гражданами, как и все прочие должностные лица. [ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО (ПОДБОРКА ДОКУМЕНТОВ), С.Блуменау. Французская революция и гражданское устройство духовенства]

Как и все чиновники, духовные лица должны были приносить гражданскую присягу на верность конституции.

Эта церковная реформа Учредительного собрания расколола духовенство: почти все высшее духовенство, лишившееся своих огромных богатств и доходов, и значительная часть низшего отказались принять новое «положение» и принести требуемую законом присягу. Подстреканное главой католической церкви - римским папой, лишившимся теперь всякого влияния при назначении на церковные должности во Франции⁷, «неприсяжное» духовенство подняло контрреволюционную агитацию среди своей паствы. Черносотенные попы грозили отлучением от церкви и муками ада всем, кто будет покупать бывшие церковные имущества или исповедоваться у присягнувшего священника.

В Вандее и других отсталых провинциях Запада «неприсяжники» прямо подстрекали невежественное и суеверное крестьянство к борьбе против революции.

Оба Собрания были вынуждены принять против «неприсяжного» духовенства ряд репрессивных мер, которые не получили, однако, королевского утверждения.

Людовик XVI не дал своего согласия и на декреты Законодательного собрания, объявлявшие государственными преступниками эмигрантов и налагавшие секвестр на их доходы и имущество.

Скопление эмигрантов у границы, их происки при европейских дворах, их заносчивые манифесты, наконец, слухи о тайных сношениях короля с теми же дворами - все это дало повод буржуазным кругам в самой Франции начать агитацию за немедленное объявление войны Австрии.

Душой этой агитации были «жирондисты». Виднейшие представители этой партии - Бриссо, Верньо, Инар - стали доказывать, что война с Австрией неминуема. Чтобы предупредить нападение королей, Франция сама должна объявить им войну: этим она не только спасет завоевания революции, но и поможет другим народам сбросить с себя цепи рабства; во всех государствах друзья свободы ждут лишь сигнала со стороны революционной Франции, чтобы опрокинуть троны своих государей.

Между тем осенью 1791 г. не было еще никакой реальной опасности со стороны монархической Европы: занятые разделом Польши прусский король, австрийский император и Екатерина II не решаются на вооруженное вмешательство во французские дела, не имеют успеха домогательства эмигрантов и при лондонском дворе. Словом, коалиция не налаживалась. Даже такой ярый сторонник войны, как жирондист Бриссо, признавал, что демонстрации иностранных правительств против революционной Франции - пустой парад (речь Бриссо от 20 октября 1791 г.). [МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА В ДОКУМЕНТАХ]

Но если никто не угрожает Франции, то почему война неизбежна?

Чтобы объяснить это противоречие, надо припомнить, что жирондисты представляли интересы крупной торгово-промышленной буржуазии, особенно заинтересованной во внешней торговле Франции.

Среди французских купцов и фабрикантов, давно уже добивавшихся уничтожения злосчастного договора с Австрией 1756 г., мысль о войне была популярна еще до начала революции. Кроме того, буржуазия втайне лелеяла и чисто захватнические планы: раздвинуть границы Франции по Рейну за счет немецких князей и присоединить промышленные области Бельгии, принадлежавшие тогда Австрии.

И как ни старались жирондисты замаскировать истинные цели войны и представить ее исключительно «освободительной», - в речах и статьях Бриссо и его друзей уже тогда слышались завоевательные ноты. «Эта искупительная война изменит лицо Европы», - пишет Бриссо в своем «Французском патриоте». - «Ошибаются, если думают, что легко подчинить народ, охваченный революцией во имя свободы, наоборот - скорее он сам покорит других», - цитирует Инар слова Монтескье.

«Нас ждет слава!» - восклицает Верньо. Известно, наконец, что один из членов будущего жирондистского министерства - Дюмурье - уже тогда носился с проектом образования из Нидерландов федеральной республики под скрытым французским протекторатом.

Но помимо экономических мотивов, толкавших в войну крупную буржуазию и ее идеологов, жирондистов, были и мотивы политические. Не имея за собою большинства в Законодательном собрании, жирондисты надеялись, что с началом военных действий королю придется либо открыто признать свой союз с врагами Франции, либо дать отставку «фейянтинскому» министерству⁹ и опереться на партию, больше всего агитировавшую за разрыв с Австрией; и в том и в другом случае Бриссо и его политические друзья рассчитывали стать у власти, не прибегая к столь опасному, в глазах буржуазии, средству, как обращение к массам и новая революция.

Были, наконец, «политические» соображения и другого свойства: жирондисты надеялись, что война отвлечет внимание масс от политической борьбы и разрядит в городах кадры беспокойных элементов, оттянув безработных в армию. Тем самым будет ослаблена та часть якобинцев, с Маратом и Робеспьером во главе, которая приобретала все большее и большее влияние среди городской и сельской демократии.

Эти «левые» якобинцы были против военной авантюры. В Якобинском клубе, в печати они повели энергичную кампанию против воинственных призывов Бриссо и его партии.

Наряду с Маратом, Бильо-Варенном и Прюдомом с разоблачением жирондистской политики выступил и Робеспьер. Жирондисты старались оправдать войну тем, что она будет «освободительной», что сбросившая иго самодержавия Франция понесет революционные лозунги в другие страны.

Робеспьер едко высмеял подобные рассуждения. «Никто не любит вооруженных миссионеров, и сама природа и благоразумие посоветуют признать таковых как врагов, - говорил он в Якобинском клубе. - Декларация прав - это не солнце, которое разом освещает всех людей, и не молния, которая поражает одновременно всех тиранов; гораздо легче написать ее на бумаге... чем утвердить в сердцах людей священные черты, изгладившиеся благодаря невежеству... и деспотизму».

И чтобы рассеять вредные иллюзии, созданные жирондистской агитацией, Робеспьер дает глубокий социальный анализ революции: «Почти во всех странах, - говорил он дальше, - имеются три силы: монарх, аристократия и народ; впрочем, последний пока - ничто. Если и начнется там революция, она разовьется постепенно: она будет начата знатью, клиром, богачами, а народ будет их поддерживать против монархии, пока не разойдутся их интересы. Отсюда ясно, насколько легкомысленно мечтать о быстром распространении революции по Европе.

Но это еще не все: прежде чем нести свободу другим, надо прочно завоевать ее у себя дома, а между тем - что мы пока имеем? Оживающий королевский деспотизм и новую аристократию богатых; мы сами часто попираем великие принципы Декларации прав, и разве наша конституция, эта дочь Декларации, напоминает хоть чем-нибудь свою мать? При таких условиях войну, несомненно, используют либо двор, либо умеренные, либо гг. Бриссо и Кондорсе, которые станут у власти.

Вы хотите воевать с королями и аристократами, - обращается Робеспьер к жирондистам, - а между тем во главе армии у вас стоят заведомые контрреволюционеры вроде Лафайета или Нарбонна¹⁰; и выходит, что, готовясь ниспровергать троны, мы должны выжидать, когда-то прикажет нам военное министерство, когда-то двор подаст нам знак!

Нас все запугивают скопившимися в Кобленце эмигрантами - продолжал Робеспьер. - Но настоящий Кобленц - в Париже, и нам надо сосредоточить сейчас все свои силы па борьбе с врагом внутренним, а не внешним. Указать на это народу - значит не обескуражить его, а просветить, значит вернуть ему веру в свои силы!..»

Война, наконец, опасна и потому, что под предлогом защиты свободы и конституции может быть уничтожена всякая свобода, И это произойдет тем легче, что внимание масс будет отвлечено от стоящих на очереди вопросов внутренней политики; в случае успеха на первый план выдвинется военщина, победоносные генералы, а отсюда недалеко до Цезаря или Кромвеля, которым опьяненные военным угаром солдаты и нация так легко вручают власть. [Декрет об эмигрантах от 9 ноября 1791 г., Речь Бриссо в Якобинском клубе 16 декабря 1791 г., Из речи Робеспьера в Якобинском клубе 2 января 1792 г.]

Глава III. Революция 10 августа. Сентябрьские события

Однако глубоко верные, оказавшиеся пророческими, слова Робеспьера не могли предотвратить готовившегося выступления: за войну были не только жирондисты, но и придворная партия; последняя была заранее уверена в неизбежном поражении французских войск, которое, как они думали, поможет сломить революцию австро-прусскими штыками.

Французский ультиматум Австрии, предъявленный по настоянию Собрания (январь 1792 г.), заставил императора и прусского короля поспешить с заключением формального союза. 12 марта 1792 г. Людовик XVI дал отставку старым министрам и призвал к власти жирондистов. 20 апреля была объявлена война Австрии. Франция вступила в полосу революционных войн, которым суждено было впоследствии превратиться из оборонительных в завоевательные, что облегчило захват власти Бонапартом.

Но на первых порах французскому оружию пришлось потерпеть ряд поражений, в Вене и Берлине уже были уверены, что поход на Париж будет просто военной прогулкой, а эмигранты с торжеством оповещали Европу о поражении «якобинцев». В то же время придворная партия ведет тайные переговоры с врагами Франции, убеждает их торопиться с наступлением, сообщает Австрии военные тайны, в покоях королевы изготавливается проект манифеста, который должен быть выпущен союзными правительствами против французских «бунтовщиков».

Во Франции многие уже догадывались об истине: почти открыто говорили об измене короля и об «австрийском комитете» в Париже.

Так создалась политическая обстановка, чрезвычайно благоприятная для нового подъема республиканского движения, которое идет параллельно с движением против всего буржуазно-цензового строя, созданного Учредительным собранием.

Встревоженное военными неудачами Законодательное собрание издает новый декрет против неприсяжных священников и постановляет создать под Парижем 20-тысячный лагерь из добровольцев от всех департаментов для защиты столицы от неприятельского нашествия. Король отказывается утвердить оба декрета и дает отставку жирондистскому кабинету¹¹. Умеренное большинство Собрания торжествует. Контрреволюция становится все смелее, она находит поддержку в высшем командном составе: главнокомандующий центральной армией, стоявшей под Мобежем, Лафайет, обращается к Собранию с наглым письмом, в котором требует покончить с «якобинской шайкой».

На все эти вызовы парижский народ ответил демонстрацией 20 июня. Инициатива этого выступления исходила от вожаков парижских предместий, но жирондисты сумели придать ему чисто мирный характер. Они взяли демонстрацию под свое покровительство, надеясь запугать ею короля и снова вернуться к власти. Это обстоятельство заставило Робеспьера и других демократов отказаться от всякого участия в готовившемся выступлении, которое они считали к тому же преждевременным, а потому осужденным на неудачу.

Действительно, толпе удалось проникнуть в Тюильри, но, несмотря на ее угрожающие возгласы, король так и не дал обещания утвердить декреты и вернуть министров-«патриотов». Неудачная демонстрация только усилила контрреволюционное движение в стране: монархисты вопили о «страданиях царственного Христа», который подвергся неслыханному унижению со стороны своих же подданных, и требовали примерного наказания всех виновников событий 20 июня.

Но революционная волна нарастала неуклонно. Из провинциальных городов (главным образом Юга и Востока Франции), от народных клубов и просто от групп граждан получались многочисленные резолюции и петиции, требовавшие низложения короля-изменника или уничтожения наследственной монархии вообще. [Декрет Законодательного собрания об образовании лагеря под Парижем от 8 июня, Из письма Ролана, министра внутренних дел, королю 10 июня, Из газеты Марата «Друг народа», Из газеты Робеспьера «Защитник Конституции», Письмо Лафайета Законодательному Собранию, Из газеты Бриссо «Патриот франсэ», Постановление Генерального совета Коммуны, Адрес Марсельских патриотов Законодательному собранию, Петиция Национальному собранию 20 июня, Прокламация короля в связи с событиями 20 июня, Из речи Верньо 3 июля, Декрет об объявлении Отечества в опасности, воззвание Законодательного собрания к французской армии и народу 11 июля, Из писем Людовика XVI графу Прованскому в июле-августе]

Вопреки королевскому вето отряды добровольцев самочинно прибывали в Париж. Часть их упорно отказывалась идти на границу, пока Людовик XVI остается у власти. Собрание всеми силами стремится выпроводить поскорее этот «беспокойный элемент» из столицы и лишает «федератов» содержания, но часть парижских секций оказывает им энергичную поддержку, производя в пользу прибывших денежные сборы, снабжая их пищей и жилищем. Якобинский клуб предоставляет для собраний федератов свое помещение. Уже 17 июля федераты послали в Собрание весьма революционную петицию, автором которой был Робеспьер. «Представители! - говорилось в ней, - народу изменили. Эту истину сознают теперь все... Вы сами объявили отечество в состоянии опасности... Но где же искать корней этой опасности, как не в вероломстве двора, его агентов и всех тех чиновников, которых ему удалось подкупить?.. Представители! сказать нам, что нация в опасности, это значит сказать, что она должна быть спасена, это значит призвать нас к ней на помощь. Но если народ не может быть спасен своими представителями, он должен спасти себя сам». Провинциалы-добровольцы организуются и становятся одной из тех активных революционных сил, которые подготовили и провели [революцию 10 августа 1792 г.](#)

Своим революционным настроением федераты заразили и своих земляков и, что особенно важно, парижскую национальную гвардию, между батальонами которой их распределили. Непрерывно нарастало движение и в секциях, преимущественно населенных рабочими, кустарями и ремесленными мастерами. Оно шло одновременно и против монархии и против цензовой конституции 1791 г. Некоторые секции самочинно допускают на свои собрания «пассивных» граждан, самочинно ломая таким образом цензовую конституцию 1791 г., объявляют свои заседания непрерывными, энергично вооружают рабочих, обмениваются постановлениями, наконец, создают из своих комиссаров центральную организацию, из которой потом, в день восстания, возникнет «Революционная коммуна». К концу июля представители большинства секций уже высказались за низложение Людовика XVI. Знаменитый манифест герцога Брауншвейгского, главнокомандующего австро-прусской армией, грозивший Парижу «военной экзекуцией» и «полным разрушением», только подлил масла в огонь.

В первых числах августа одна из секций Сен-Антуанского предместья («Убежища для слепых» - Quinze Vingts) ставит Законодательному собранию ультиматум - вырешить к определенному сроку участь короля, грозя в противном случае восстанием. 30 секций (из 48) присоединяются к этому решению.

Таким образом, революция 10 августа готовилась вполне планомерно, готовилась притом с низов, вопреки Собранию и парижскому муниципалитету. Что касается партий, то «фейяны» тем настойчивее поддерживали короля, чем очевиднее становилась его измена; жирондисты переходили от запугивания двора грозными речами к тактике оттяжки и подталкивания короля «влево», наконец, к попыткам сохранить монархию ценою отречения короля от престола в пользу наследника. Словом, обнаружили свою соглашательскую природу, свою неспособность руководить движением и бессилие остановить его.

Демократы действовали в контакте с настоящими вождями движения, выдвинутыми секциями. Но Робеспьер на этот раз недооценивал сил назревшей революции: не веря в ее решительную победу, он боялся, что с крушением монархии вся полнота власти перейдет к архибуржуазному Законодательному собранию. В своем «Защитнике конституции» Робеспьер доказывает недостаточность лозунга «низложение Людовика». «Главная причина наших несчастий, - пишет он, - лежит одновременно и в исполнительной и в законодательной власти: одна из них хочет гибели государства, другая - не хочет или не может его спасти». Выход может быть только в созыве Национального конвента, избранного всеобщим голосованием; Конвент должен пересмотреть конституцию и установить новые границы исполнительной власти.

Этот лозунг, выдвинутый Робеспьером, стал популярен и в парижских секциях, но ошибка признанного вождя демократии заключалась в том, что он призывал к легальной тактике в тот момент, когда надвигавшийся кризис мог быть разрешен только путем революционным: не к выборам в Конвент нужно было призывать теперь массы, а к вооруженному восстанию, которое смело бы и монархию, и цензовую систему.

Вот почему Робеспьер не был в числе организаторов восстания, хотя одно из заседаний тайного комитета, выделенного федератами для подготовки восстания, происходило у него на квартире. Уже после того, как революционный Париж одержал полную победу, опрокинув трон Людовика XVI, Робеспьер был послан от секции «Вандомской площади» в «Революционную коммуну», избранную в ночь с 9-го на 10-е на место старого парижского муниципалитета. Эта «Коммуна 10 августа», избранная всеобщим голосованием и опиравшаяся на парижскую демократию, стала теперь настоящей властью. Она рассылает своих комиссаров в департаменты и в армию в целях правильного освещения событий 10 августа, завязывает организационные связи с муниципалитетами провинциальных городов и местечек в обход реакционно настроенной администрации департаментов. [[Жаркий август 1792: протоколы заседаний секций, хроника, комментарии историков и современников](#)]

В Париже Коммуна проводит замену всех старых должностных лиц секций новыми, реорганизует на демократических началах национальную гвардию, закрывает монархические газеты и реквизирует их типографии, производит обыски и аресты среди заведомых контрреволюционеров, энергично выселяет монахов из закрытых еще первым Собранием монастырей; наконец, диктует свою волю Законодательному собранию, потерявшему теперь всякий авторитет в массах, но пытавшемуся положить конец диктатуре Коммуны.

Хозяевами Собрания стали теперь жирондисты, которые наивно воображали, что весь переворот произошел лишь для того, чтобы вернуть им министерские портфели. Отсюда ряд столкновений между Собранием и Коммуной, обостривших партийную борьбу между жирондистами и демократами.

В Революционной коммуне Робеспьер пользовался огромным влиянием: фактически именно он, а не официальный мэр, жирондист Петион, стоял после 10 августа во главе парижского муниципалитета. Робеспьер был одним из застрельщиков в борьбе Коммуны против контрреволюционного Законодательного собрания. Именно он выступил в Собрании от имени Коммуны, потребовав ускорения суда над королевскими приспешниками и организации для этого особого чрезвычайного трибунала, решения которого должны быть окончательными. К сожалению, у Робеспьера не хватило мужества взять на себя ответственность за работу этого революционного суда: когда ему предложили место председателя трибунала, Робеспьер отказался. Все попытки «законодателей» ограничить власть созданной революцией Коммуны встречали энергичный отпор с его стороны. Когда Законодательное собрание издало декрет о производстве выборов в директорию парижского департамента¹², надеясь, что благодаря двухступенным выборам удастся сделать из нее противовес Коммуне, последняя отправила в Собрание делегацию с протестом. Во главе ее был Робеспьер. Вот что сказал он этим якобы народным представителям, давно уже потерявшим всякую связь с массами и все еще не понимавшим, кто стал теперь настоящим хозяином столицы.

«Генеральный совет Коммуны послал нас к вам по вопросу, который касается общественного спасения. После великого акта, которым суверенный народ только что завоевал себе свободу, не может существовать посредников между народом и вами... Мы только что говорили вам о декрете, который вы издали этим утром, о декрете, относящемся к организации новой директории департамента. Народ, вынужденный сам стоять на страже собственного дела, позаботился о своей безопасности через своих уполномоченных. Народ принужден принимать в высшей степени решительные меры, чтобы спасти

государство; а потому те, кого он избрал сам в качестве своих чиновников, должны иметь всю полноту власти, которая присуща суверену; если вы создадите другую власть, которая будет преобладать или уравнивать власть непосредственных избранников народа, то народная власть не будет едина и в вашей административной машине будет существовать вечный зародыш разъединения, которое породит в врагах свободы новые преступные надежды». Робеспьер грозит Собранию новой революцией, если оно не пойдет навстречу желаниям парижской демократии. «Народу потребуется еще раз вооружиться мезтью для освобождения от этой разрушительной силы; в этой новой организации народ видит между собой и вами высшую власть, которая, как и раньше, будет только тормозить работу Коммуны. Когда народ спас родину, когда вы приказали созвать Национальный конвент, который должен вас заменить, - что иное вы должны делать, как не удовлетворять народные желания? Или вы боитесь положиться на мудрость народа, который стоит на страже спасения родины, спасти которую может только народ?» Собрание взяло назад свой декрет.

Первое время столкновения между Собранием и Генеральным советом кончились победой Коммуны; не чувствуя за собой никакой реальной силы, Собрание вынуждено было отступить перед Коммуной. Но уже к концу августа положение изменилось. Коммуна 10 августа вовсе не была пролетарской организацией. Среди ее членов было всего двое рабочих, да и те были ремесленными подмастерьями; преобладали мелкие торговцы и промышленники, юристы и представители беднейшей интеллигенции. Иначе и не могло быть в таком мелкобуржуазном городе, каким был тогда Париж. Благодаря подавляющему преобладанию мелкого ремесленного производства, в котором еще не были изжиты патриархальные отношения между мастерами и их подмастерьями, парижские пролетарии охотно подавали голоса за своих хозяев.

Но мелкая буржуазия всегда отличается неустойчивостью своих политических симпатий. Уже к концу августа многие зажиточные мастера, недовольные чрезвычайными мероприятиями Коммуны, стеснявшими свободу торгового оборота, готовы были снова поддерживать Собрание. Воспользовавшись этой переменной настроением, особенно сказавшейся в умеренных секциях, Собрание поспешило освободиться от опеки Революционной коммуны и даже издало декрет об ее перевыборах. Лишь осложнения на фронте спасли Коммуну от разгрома, но захватить снова власть в Париже ей уже не удалось.

Между тем положение Франции становилось все более угрожающим. 19 августа прусская армия перешла границу. Через три дня стала известна измена Лафайета, пытавшегося открыть фронт и вести свою седанскую армию против парижских революционеров. 23-го капитулировала крепость Лонгви, а 30-го пруссаки осадили уже Верден; еще несколько успехов врагов - и дорога к Парижу была бы открыта. Уже приходили известия о грабежах, насилиях над мирным населением и убийствах «патриотов», совершаемых бандами эмигрантов, которые шли вместе с иноземными войсками. В то же время вспыхнуло контрреволюционное восстание в Вандее. В самом Париже скопились эмигранты, подготовлявшие освобождение короля из Тампля.

Коммуна арестовала многих сторонников короля и участников его изменнических махинаций, но созданный Собранием «чрезвычайный суд» по политическим делам работал слишком вяло. Все это довело до отчаяния население Парижа. Добровольцы боялись идти на фронт, оставив революционный тыл во власти контрреволюционеров. В начале сентября вспыхнуло чисто стихийное движение, которое вылилось в погромы тюрем. Власти оказались бессильны остановить избиение заключенных, которое продолжалось несколько дней.

В первые дни после этих событий обе партии - и жирондисты и будущие монтаньяры - видели в сентябрьской резне лишь законное восстание¹³. Но впоследствии жирондисты сделали из «сентября» орудие политической борьбы, взвалив всю ответственность на тюремные погромы на якобинцев, и в частности на Робеспьера, который в действительности не был ни вдохновителем, ни непосредственным участником избиения.

Парижская Коммуна и «народный» министр Дантон использовали революционный энтузиазм масс в целях организации национальной обороны. Ежедневно через Париж отправлялись на фронт все новые и новые отряды добровольцев, горевших желанием сразиться с врагом и спасти Республику. 20 сентября при Вальми (в Шампани) эта импровизированная армия одержала первую победу над армией герцога Брауншвейгского; вскоре после этого пруссаки начали отступление. 6 ноября молодая революционная армия, под начальством Дюмурье, нанесла поражение неприятелю на австрийском фронте (битва при Жемаппе). Вскоре вся Бельгия была занята французами. Рейнская армия заняла такие важные пункты, как Шпейер, Вормс, Майнц, Франкфурт. На юге армия генерала Монтескью оккупировала Савойю и Ниццу. К концу 1792 г. положение на фронте резко изменилось: французам удалось не только отбросить неприятеля к границе, но и занять ряд неприятельских областей.

1 130 человек, приблизительно 1/5 часть Собрания.

2 Помимо депутатских обязанностей, Робеспьеру приходилось выполнять функции общественного обвинителя в Париже. На эту должность он был избран еще в ноябре 1789 г.

3 Относительно «постоянных» повинностей (чиншей) до революции 10 августа был удержан прежний порядок.

4 Еженедельный журнал «Защитник конституции» стал выходить с половины мая 1792 г.

5 В 1789 г. государственный долг Франции составлял 4 млрд. ливров, на уплату одних процентов уходила половина обыкновенного государственного бюджета.

6 На жалованье было переведено лишь белое духовенство; монастыри упразднились.

7 Даже епископы не должны были теперь рукополагаться папой, а лишь извещать его о своем избрании.

8 По этому договору Франция и Австрия обязывались оказать друг другу вооруженную помощь в случае нападения на одну из них какого-нибудь третьего государства (имелась в виду Пруссия). Соглашаясь на такое обязательство, французское правительство рассчитывало обеспечить мир на континенте, чтобы сконцентрировать все свои силы на борьбе с Англией в колониях. В действительности, выполняя договор, Франция была втянута в большую европейскую войну (так называемую Семилетнюю 1756-1763 гг.), в которой потеряла свой флот и лучшие колонии в Америке. Все эти неудачи французская буржуазия приписывала злополучному договору 1756 г. Еще до революции в буржуазных кругах была весьма популярна идея покончить с «австрийской системой».

9 Фейяны («правая» Законодательного собрания) не хотели войны, опасаясь, что она приведет к крушению монархии.

10 До революции Нарбонн служил в армии и при дворе. С декабря 1791 г. был назначен военным министром.

11 12 июня 1792 г.

12 Директория департамента была административным органом, которому по закону была подчинена Парижская Коммуна.

13 Слова жирондиста Верньо.

Николай Михайлович ЛУКИН

МАКСИМИЛИАН РОБЕСПЬЕР

Приведено по:

Академик Н.М. Лукин. Избранные труды в 3-х томах. Т.1.

Издательство Академии наук СССР, Москва, 1960.

Впервые опубликовано в 1919 г. Приведено по 2-му, испр. и доп. изд. 1922 г.

Веб-публикация: Ктара (Екатерина Коробко) и редакторы сайты *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

IV. ЭПОХА КОНВЕНТА

Глава I. Партии в Конвенте. Вопрос о «департаментской страже». Процесс короля

21 сентября 1792 г. Законодательное собрание уступило место Национальному конвенту, избранному всеобщей, но двухстепенной подачей голосов. В период диктатуры Парижской Коммуны якобинцы-демократы мечтали распространить ее влияние на всю страну. Таков, по-видимому, был смысл предложения, внесенного Робеспьером в Якобинский клуб вечером 10 августа. «Коммуна, - говорил он, - в качестве чрезвычайной меры должна организовать посылку комиссаров во все 83 департамента для выяснения на местах нашего истинного положения; федераты должны взять на себя почин, написать каждый в тот департамент, откуда он прислан». Если бы Коммуне, действительно, удалось распространить свою диктатуру на всю Францию, выборы в Конвент прошли бы всюду под флагом якобинства, и не только умеренные, но и жирондисты не имели бы успеха. Но революционная демократия столицы была еще слишком слаба, чтобы удержать позиции, занятые в первые дни после революции. Не сумев связаться с другими городами, она оказалась изолированной и бессильной помешать жирондистской агитации в провинции. Между тем уже во время выборов сказалось значительное поправление крупной буржуазии. Ее беспокоили возможные последствия победоносной революции 10 августа, совершенной изголодавшимися пролетариями. Курс ассигнаций все падал, а предметы продовольствия дорожали; кое-где уже ввели таксу на хлеб. И буржуа начинал опасаться за свою собственность: начав с дворянства и духовенства, не доберется ли в своем дальнейшем развитии революция до капиталиста, крупного землевладельца или арендатора? Местами богатая промышленная буржуазия выступала на выборах совместно с силами старого порядка.

В торгово-промышленных областях юга и запада решительную победу одержали жирондисты, использовавшие в своей агитации сентябрьские события для очернения противников. В Конвенте они заняли правую сторону. Общее число депутатов; проведенных этой партией, правда, составляло всего 165 человек на 745 членов Конвента, но благодаря поддержке «центра» или «болота», как его тогда называли, жирондисты имели за собой большинство нового Учредительного собрания. В их руках была теперь и исполнительная власть в лице министерства.

Жирондисты прошли в Конвент под флагом республиканцев, хотя после переворота 10 августа их симпатии к республике скорее ослабели, чем возросли.

Став снова у власти, жирондисты считали теперь революцию законченной. Ее дальнейшее развитие отнюдь не входило в их программу. Раз монархия уничтожена, раз Конвент созван, народу нечего больше желать, кроме «внутреннего спокойствия». Никакие восстания больше недопустимы, и всякий, кто дезорганизует новую власть, обеспечивающую «порядок» и уважение к собственности, способствует контрреволюции. Железной рукой должны быть раздавлены все те, что хотят уравнивать собственность, достаток, таланты и знания, установить цены на пищевые продукты, определить ценность различных услуг, оказанных обществу.

В действительности крестьянство и городская беднота еще очень мало выиграли после 10 августа. Правда, трон был разбит, все граждане получили право голоса и право на оружие. Теперь крестьяне должны были выкупать лишь те повинности, относительно которых помещик мог документально доказать, что они возникли в результате когда-то сделанной уступки земли; самый выкуп был значительно облегчен; были отменены в «выделы» из угодий, и сельским общинам предоставлялось право вступать во владение отнятыми у них землями, если сеньор не представляет подлинного документа, удостоверяющего его права на такие земли. Были, наконец, пущены в продажу с торгов земли эмигрантов.

Но крестьяне хотели полного уничтожения феодальных повинностей, без всякого выкупа. Они никак не могли примириться с необходимостью добиваться признания своих прав на угодья путем длинной и дорогостоящей судебной волокиты, не хотели верить, что общинные земли, узурпированные сеньором и проданные затем третьим лицам, не будут возвращены общинам; еще больше возмущались тем, что Законодательное собрание разрешило сеньорам ссылаться на давность своего владения угодьями вместо представления подлинного документа.

Не могла довольствоваться одними политическими завоеваниями и городская демократия, пока оставался неразрешенным все обострявшийся продовольственный кризис. Вожаки народных обществ уже вели агитацию против скупщиков съестных припасов. Раздавались голоса и в пользу «аграрного закона». Несмотря на неопределенность этого лозунга, в нем живо чувствуется протест городской и деревенской бедноты против использования революции одной буржуазией и в то же время призыв к осуществлению более осязательного фактического, а не только бумажного равенства. Весьма показателен тот факт, что уже на втором заседании Конвента сочли нужным декретировать, что «всякая собственность - личная, земельная или индустриальная - сохраняется навеки».

Левая Конвента, или Гора, состояла из якобинцев-демократов и кордельеров. Наиболее видные представители Горы, как Марат, Робеспьер, Бильо-Варенн, прошли от Парижа. Здесь выборы отличались большой сознательностью: наиболее влиятельные жирондисты - Бриссо, Верньо и Кондорсе - были забаллотированы как заведомые противники политического преобладания Коммуны: выборщики дали депутатам вполне определенный наказ - голосовать за республику.

Главнейшей опорой Горы служил Якобинский клуб, который уже в начале октября исключает из числа своих членов Бриссо, прочие вожаки жирондистов также вскоре были изгнаны или ушли сами. Таким образом, состав клуба стал более однородным, и слова: «якобинцы» и «монтаньяры» стали однозначными.

В ходе выборов клуб развернул энергичную кампанию в пользу прямых выборов в Конвент. «Надо было бы, - пишет Робеспьер в «Защитнике конституции», - уничтожить бесполезного и опасного посредника - собрания выборщиков - и предоставить народу возможность самому избирать своих представителей». В своей секции («Вандомской площади») он провел резолюцию, требовавшую открытого голосования при выборах в Конвент и передачи намеченных выборщиками кандидатур на окончательное утверждение «первичных собраний», т.е. всех избирателей. Это пожелание было принято затем парижским муниципалитетом как обязательное для всех секций.

Робеспьер, получивший на собрании выборщиков 338 голосов из 525 и прошедший в Конвент на первом месте, становится теперь убежденным республиканцем. В своем «Защитнике конституции» он писал: «Необходимо, чтобы погибли короли или французы. Таково положение, созданное для вас славной борьбой, которую вы вели до сих пор против королевской власти».

Опиравшиеся на городскую и сельскую демократию якобинцы отнюдь не считали - в противоположность жирондистам, что революция должна замереть на 10 августа. Вскоре после крушения монархии Робеспьер писал в своем журнале: «Французы, не забывайте, что теперь в ваших руках судьба всего мира. Не вздумайте опочить на лаврах победы. Возьмите за правило изречение того великого человека, который полагал, что ничего еще не сделано, если еще осталось что-то сделать. Не забывайте, что вам предстоит сокрушить союз деспотов и уничтожить заговоры тех наиболее опасных врагов, которые находятся среди вас самих. Вас ожидает бессмертная слава, но вам придется купить ее ценой великих усилий. Будьте на страже, бодрствуйте. Отныне для вас нет иного выбора: либо худшее рабство, либо полная свобода».

Всегда верный своим демократическим принципам, Робеспьер предупреждает массы против слепого доверия и подчинения Конвенту: «Следите за своими депутатами, - пишет он, - берегитесь, чтобы они не сделались самодержавными вершителями судеб народа!»

Борьба между Горой и Жирондой, начавшаяся еще до 10 августа и обострившаяся в период двоевластия Коммуны и Законодательного собрания, разгорелась с новой силой со времени открытия Конвента.

Жирондисты сидели в министерствах и располагали большинством депутатских голосов. Но в распоряжении Конвента не было ни вооруженной силы, ни достаточно влиятельных общественных групп, на которые он мог бы опереться в случае столкновения с цитаделью парижской демократии - Коммуной: ведь национальная гвардия была теперь в руках политических противников Жиронды, а крупный торгово-промышленный капитал, интересы которого представляли Бриссо и его друзья, был слишком слаб в мелкобуржуазном Париже.

Вот почему силой вещей жирондисты должны были искать поддержки в департаментах, особенно в тех, где была развита крупная индустрия и оптовая торговля. Революционной демократической столице, которую «бриссотинцы» ненавидели теперь всеми силами души, они хотели противопоставить крупных собственников, умеренных буржуа провинций. [[Э.Гусейнов. Жиронда в период Законодательного собрания](#), [А.Гордон. Федералистский мятеж](#), [С.Карп. Бриссо о государстве](#), [Э.Гусейнов. Жиронда и перспективные проблемы изучения Великой французской революции](#), [ВСЕ МАТЕРИАЛЫ о ЖИРОНДИСТАХ на дискуссионной странице](#)]

Опасаясь давления на Конвент со стороны парижской демократии, жирондисты предложили создать при нем особую «стражу», набранную из всех департаментов «для охраны законодателей» от «столичных дезорганизаторов» и «анархистов». «Надо свести влияние Парижа, как и всякого другого департамента, к 1/83 части»¹ - воскликнул с трибуны жирондист Ласурс.

Якобинцы и Гора отлично понимали, что дело идет о создании надежной вооруженной силы, которую можно будет при удобном случае пустить в ход против ремесленников и рабочих. В своих «Письмах к доверителям» Робеспьер вполне правильно оценил суть жирондистского проекта. «Либо делегаты народа пользуются его доверием, - читаем там, - либо нет. В первом случае они не нуждаются в вооруженной силе, во втором - очевидно, они обращаются к ней для подавления народа».

Предложение жирондистов на этот раз не прошло. Процесс короля повел к новому серьезному столкновению партий.

После взятия королевского дворца Тюильри были обнаружены документы, которые неоспоримо устанавливали измену Людовика XVI народу: тайные сношения двора с границей и проекты подавления революции силой иноземных штыков, о которых прежде лишь подозревали, стали теперь фактом. Преступления короля требовали возмездия.

С другой стороны, пока низложенный король сидел в Тампле, делу свободы постоянно грозила опасность. Это прекрасно понимали демократические слои Парижа и департаментов. Уже с октября в Якобинском клубе начинается агитация за немедленное решение участи Людовика Конвентом. Робеспьер высказался за казнь короля без всякого суда: «Народы не судят королей, - говорил он, - они стирают их с лица земли». Судить Людовика после восстания 10 августа - это значит подвергать новому обсуждению то, что уже решено победоносной революцией, это значит колебать самые основы только что завоеванной свободы.

Большинство якобинцев стояло, однако, за суд с соблюдением всех процессуальных формальностей, но Конвент еще долго медлил бы, если бы не соответствующее давление со стороны демократических обществ и Парижской Коммуны.

И это понятно. Задававшие в нем тон жирондисты опирались на ту самую буржуазию, большинство которой лишь поневоле переокрасилось теперь в республиканский цвет. Они боялись резкого разрыва с прошлым, новых осложнений во внешней политике, угрожавших торгово-промышленным интересам², наконец, - что всего важнее - дальнейшего развития революции, которому суд над королем, несомненно, давал новый толчок. Больше всего жирондисты не хотели смерти короля, они употребили все усилия, чтобы затянуть и усложнить судебную процедуру и, по крайней мере, по возможности отодвинуть неизбежную развязку, если уже нельзя было совсем спасти Людовика XVI.

С этой целью ими было внесено предложение не решать дела окончательно, а передать приговор Конвента на утверждение самих избирателей. Защищая это «обращение к народу», жирондисты надеялись одновременно и спасти короля, и, опираясь на департаменты, обуздать «зарвавшийся» Париж.

Гора выступила решительной противницей такого референдума. «Народ уже решил этот вопрос, - говорил Робеспьер в Якобинском клубе (1 января 1793 г.), - он высказался дважды, послав торжественное проклятие трону и тиранам. Я говорю, что гг. Бриссо, Верньо, Жансонне... апеллируют не к народу, а ко всем аристократам, фейянтицам, которые собираются под их знаменем». «Обращение к народу, - говорил Робеспьер в Конвенте, - нежелательно потому, что при настоящих условиях оно легко может быть использовано контрреволюцией. Наиболее активные и революционные элементы взяты сейчас в армию. Первичные собрания будут поэтому наводнены богачами, естественными друзьями монархии... аристократами и буржуа... теми, кто рождены для того, чтобы пресмыкаться самим и угнетать других под властью короля». Мнение народа будет фальсифицировано.

Конвент отверг «обращение к народу». Единогласно была признана виновность Людовика «в заговоре против свободы нации». Предстояло решить вопрос о наказании, которому следовало подвергнуть низложенного монарха.

Монтаньяры стояли за немедленную смертную казнь; большинство жирондистов требовало приостановить исполнение приговора до обнародования конституции. В конце концов смертная казнь без всякой отсрочки была принята лишь незначительным большинством. [\[Все материалы процесса Людовика Капета\]](#)

Если в деле короля жирондисты и потерпели поражение, то лишь потому, что Якобинский клуб, Коммуна и секции все время оказывали энергичное давление на Конвент путем проведения соответствующих резолюций, посылки делегатов и т.п. В рабочих предместьях царило сильнейшее возбуждение, можно было опасаться нового восстания. В такой обстановке многие «беспартийные» и колеблющиеся депутаты не осмеливались голосовать вместе с Жирондой.

Глава II. Экономическое положение Франции в начале 1793 г. Продовольственная политика Парижской Коммуны. Массовое движение на почве дороговизны и отношение к нему различных партий

21 января 1793 г. Людовик XVI был казнен. Тактика жирондистов в процессе короля вскрыла контрреволюционную сущность этой партии. Уже с февраля в революционно-демократических кругах Парижа и других городов поднимается агитация за отозвание депутатов, голосовавших за «обращение к народу» и против смертной казни «тирана». Однако взятый сам по себе, процесс короля не мог еще сыграть решающей роли в судьбе Жиронды.

Казнь короля, этого живого символа всякой реакции, была необходимо в интересах упрочения революционных завоеваний, но она еще не разрешала тех экономических вопросов, которые назрели в процессе революции.

После некоторого подъема в 1791 г. французская промышленность снова испытывала жестокий кризис, который особенно обостряется с конца 1792 и начала 1793 г. Благодаря войне, отрезавшей Францию от граничных рынков сбыта и подвоза сырья³, закрывались одна за другой хлопчатобумажные и шелковые мануфактуры. Эмиграция дворян совершенно разорила парижских мастеров, изготовлявших предметы роскоши, замерла и строительная деятельность в Париже. Десятки тысяч рабочих остались без заработка. Особенно остро безработица чувствовалась в столице: в противоположность деревенским кустарям, у которых работа на скупщика или мануфактуру соединялась с небольшим земледельческим хозяйством, парижские рабочие давно уже порвали всякую связь с деревней; с закрытием предприятий им оставалось умирать с голода.

Столичный пролетариат, принимавший самое энергичное участие в демонстрации 20 июня и августовской революции, ожидал теперь от нового правительства немедленного улучшения своего положения.

Но что могло дать рабочим жирондистское правительство? Под Парижем предполагалось соорудить лагерь и возвести укрепления. С августа начались обширные земляные работы, на которые устремились многочисленные кадры оставшихся без дел пролетариев. Но скоро выяснилось ненужность укреплений под столицей, и 18 октября Конвент закрыл лагерные работы совсем.

Наряду с безработицей с каждым днем усиливалась дороговизна предметов первой необходимости. Целый ряд причин содействовал непрерывному повышению цен: недостаток сырья, отвлечение рабочих рук от земледелия и промышленности в армию, рост непроизводительного потребления в связи с войной, наконец, обесценение ассигнаций. Первоначально ассигнации были выпущены для погашения государственного долга. Ими можно было расплачиваться при выкупке имущества, конфискованных у церкви и эмигрантов; по мере возвращения ассигнации в казну их предполагалось уничтожить.

Но скоро государству пришлось обратиться к усиленному выпуску бумажных денег уже для покрытия текущих расходов, которые все возрастали благодаря огромным затратам на войну и далеко превышали поступления. Летом 1792 г. предельная сумма выпуска ассигнаций была установлена в 2 млрд. ливров. К 1 января 1793 г. в обращении находилось уже на 2372 млн. ливров бумажных денег. К половине того же года ценность выпущенных ассигнаций составляла уже 4,3 млрд.; а между тем стоимость национальных имущества, которыми обеспечивались ассигнации, определялась всего в 3 млрд.

По мере того, как количество бумажных денег все превышало сумму, необходимую для потребностей обмена, происходило неуклонное падение курса ассигнаций.

Так, за 100 франков ассигнациями в Париже давали звонкой монетой:

в 1790 г. - 95 фр.

в 1791 г. - 90-70 фр.

в конце 1792 г. - 63 фр.

в начале 1793 г. - 50 фр.

Падение курса ассигнаций означало рост цен на все товары. Дороговизна усиливалась с каждым днем. Владельцы обесценивавшихся ассигнаций спешили обменять их на товары; повышенный спрос еще больше взвинчивал цены. Капиталы крупных покупателей национальных имущества, всякого рода спекулянтов и поставщиков на армию росли со сказочной быстротой.

Но если крупная буржуазия обогащалась, то экономическое положение городской и деревенской бедноты с каждым днем все ухудшалось: мыло, свечи, сахар стали почти недоступны для малоимущего покупателя. Но особенно вздорожал хлеб с 3 су за фунт цепа его поднялась до 5, 6, 7, местами до 8 су. Не только батраки и чернорабочие, получавшие 20-25 су в день, но и городские пролетарии с заработком в 30-50 су были осуждены на полуголодное существование⁴. На юге Франции питались вареной травой, как в худшие времена деспотизма.

Чем ближе шло дело к зиме, тем острее чувствовалась нужда. Обозы с хлебом редко доходили до места назначения, не разграбленные по дороге голодными толпами. [[Письмо Ролана Национальному Конвенту, сентябрь 1792 г.](#), [Письмо Ролана Национальному Конвенту 18 ноября 1792 г.](#), [Письмо Ролана Национальному Конвенту 23 ноября 1792 г.](#)]

Уже с октября-ноября в ряде департаментов начинается стихийное движение в пользу установления твердых цен на хлеб и некоторые другие продукты. Народ собирается толпами и двигается от одного города к другому и самочинно устанавливает таксы. Посланные в провинцию комиссары Конвента бессильны убедить население в «незаконности» его образа действий и местами вынуждены сами утверждать предельные цены по норме 1790 г. 19 ноября в Конвент была подана петиция от избирателей департамента Сены-и-Уазы.

Из этого документа видно, что в головах масс уже в конце 1792 г. бродили идеи, которые отлились потом в форму целой продовольственной политики республики. Петиция исходит из интересов лиц, живущих продажей своей рабочей силы. «Граждане, - говорилось в петиции, - первый принцип, который мы должны вам изложить, таков: свобода торговли хлебом не совместима с существованием нашей республики. Из кого состоит наша республика? - Из небольшого числа капиталистов и огромной массы бедняков. - В чьих руках находится торговля хлебом? - В руках этого небольшого числа капиталистов. - Для чего они торгуют хлебом? - Для того, чтобы обогатиться. - Как они могут обогатиться? - Повышая цену на хлеб при продаже его потребителю. Но, кроме того, обратите внимание и на то, что этот класс капиталистов и собственников благодаря безграничной свободе в повышении хлебных цен является также хозяином и в установлении заработной платы... Из всего этого вытекает самое невероятное несоответствие между заработной платой и ценой продуктов первой необходимости... заработка не хватает на жизнь, и... всякий, живущий трудом рук своих, неизбежно осужден на гибель...» Рабочий класс, этот наиболее многочисленный класс и «единственная сила государства», не может терпеть дольше подобного положения вещей, «закон должен заботиться о пропитании всех граждан республики... Необходимо справедливое соответствие между ценой хлеба и заработной платой, и дело закона поддержать это соответствие, для которого свобода торговли является препятствием». В заключение петиция выдвигает целый ряд практических мероприятий: установление максимальных цен на хлеб, запрещение хлебной торговли всем, кроме булочников и мельников, обязательная продажа хлеба фермерами на местных рынках, учет хлебных излишков, воспрещение снимать свыше 120 десятин земли в аренду и т.п.

Парижское население жило под постоянным страхом полного истощения хлебных запасов в городе. С раннего утра двери булочных осаждались покупателями, спешившими сделать запасы, от чего продовольственные затруднения только возрастали.

Между тем борьба рабочих за повышение заработной платы была заранее осуждена на неудачу, и не только потому, что еще Учредительное собрание лишило рабочих права коалиции: все разрастающийся промышленный кризис делал безнадежной всякую стачечную борьбу.

Нет ничего удивительного, что при таких условиях городская и сельская демократия стала искать выхода в борьбе с дороговизной путем таксации предметов первой необходимости. Еще с лета 1791 г. некоторые муниципалитеты ввели у себя таксу на хлеб и мясо. С 1792 г. Парижская коммуна принимает особые меры для снабжения столичного населения дешевым хлебом: она скупает всю муку в городе и перепродает ее булочникам по уменьшенной цене, обязуя их отпускать печеный хлеб не дороже 3 су фунт.

Скоро, однако, обнаружилась полная несостоятельность подобной продовольственной политики. Во-первых, Коммуна несла на этой операции огромные убытки, которые приходилось восполнять частью путем установления городского прогрессивно-подходного налога, частью путем получения ссуд из общегосударственных средств. Но такие субсидии давались Конвентом крайне неохотно; жирондистские газеты без устали вопили, что столица кормится на деньги департаментов.

С другой стороны, владельцы булочных тайком перепродавали на сторону доставлявшуюся им городом муку, а сравнительная дешевизна хлеба в столице привлекала в Париж окрестных жителей, которые вывозили муку из города целыми возами. Поставленные у застав заградительные отряды оказались бессильны помешать этой утечке хлеба.

Разочаровавшись в экономической политике Коммуны, парижские рабочие и мелкие ремесленники могли сделать отсюда только один неизбежный вывод: местная таксация не достигает цели, необходимо установить максимальные цены на хлеб в общегосударственном масштабе. Но и на этом нельзя было остановиться, начинали поговаривать об установлении твердых цен и на другие предметы первой необходимости.

Но добиться дальнейшего расширения принципа таксации можно было лишь в том случае, если бы мелким разоряющимися ремесленникам и рабочим удалось оказать организованное давление на Конвент. Центрами агитации за повсеместную таксацию предметов потребления стали парижские секции и новые народные клубы. Во главе движения здесь стояли Жан Варле и священник из округа Гравильеров Жак Ру, требовавшие энергичных мер против алчных скупщиков и спекулянтов. В буржуазных кругах единомышленникам Варле и Ру дали прозвище «бешеных». [[Я.Захер. Теофиль Леклерк и его «Друг народа», Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г., Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение, Я.Захер. Жан Варле во время якобинской диктатуры, Н.Фрейберг. Шометт, генеральный прокурор парижской Коммуны, Р.Тонкова-Яковкина. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора\]](#)

Неудовлетворенные уже имевшимися демократическими организациями как слишком умеренными, секции объединяются друг с другом и пытаются создать свою особую организацию, независимую от центрального муниципалитета. К ней примыкают и «федераты 84 департаментов»: так стали называть себя те вооруженные отряды, которые были вызваны жирондистами из провинции для охраны Конвента, но, прибыв в столицу, быстро пропитались якобинским духом.

3 февраля 1793 г. в Конвент является депутация от «48 секций Парижа, Генерального совета Коммуны и объединенных защитников 84 департаментов». В особом адресе депутатов требует установления смертной казни для всех, кто будет спекулировать звонкой монетой. [12 февраля делегаты от 48 секций снова проникают в Конвент и угрожающим тоном требуют повсеместного введения таксы на зерно.](#)

«Граждане законодатели! - говорит один из членов депутации, - еще недостаточно объявить Францию республикой: надо, чтобы народ был счастлив, необходимо, чтобы у него был хлеб... Провозглашая неограниченную свободу торговли зерном, вы удорожаете хлеб бедняка и обогащаете жадных спекулянтов... Нас приглашают ждать искоренения спекуляции от муниципальных властей; но неужели вы думаете, что купеческие муниципалитеты станут наблюдать сами за собой и сами на себя доносить?.. Среди вас раздаются голоса, что издать хороший продовольственный закон вообще невозможно; но тогда вообще приходится сомневаться в вашей высокой мудрости, в вашей способности управлять государством, когда монархия пала».

22 февраля перед решеткой Конвента появляется депутация от прачек, которые жалуются на неслыханное вздорожание не только продуктов, но и мыла. «Хлеба и мыла!» - кричат петиционеры из зала заседаний, и этот лозунг подхватывает ожидающая их на улице толпа.

Но Конвент остается глух к этим требованиям низов. Не находя легального выхода, движение приняло стихийный характер: 25 февраля в Париже произошел разгром булочных и бакалейных лавок; торговцы, пытавшиеся оказать сопротивление, подверглись угрозам и оскорблениям. [[Из № 190 монтаньярской газеты «Парижские Революции» \(голодные беспорядки 25 февраля 1793 г.\)](#)]

Как отнеслись к этому на первых порах чисто экономическому движению различные партии?

Господствующие в Конвенте жирондисты, выражая настроение крупных хлеботорговцев и зажиточных сельских хозяев, стояли горой за неограниченную свободу торговли хлебом. Всякая таксация была в их глазах «анархической» мерой, разрушающей торговлю и подрывающей уважение к собственности: ведь от установления твердых цен недалеко и до «аграрного закона». Экономические мероприятия для борьбы с дороговизной вообще не нужны: они только развращают народ, который привыкнет требовать «хлеба и зрелищ». Да и вообще дороговизна - результат тех насилий, которые чинят над земледельцами и коммерсантами.

В полном согласии с взглядами своей партии на продовольственный вопрос министр внутренних дел Ролан⁵ неуклонно противился всякому вмешательству центральных или местных властей в экономическую жизнь. Правительственное вмешательство в торговлю, в промышленность, говорит Ролан в своем обращении к Конвенту, всегда было убыточно и вредно для всех: «Оно тормозило развитие промышленности, удорожало плату за рабочий труд и увеличивало стоимость вырабатываемых предметов». Уже упоминалось об отрицательном отношении жирондистов к продовольственной политике Коммуны.

Изданный по настоянию жирондистов декрет 8 декабря 1792 г. отменял все ранее изданные постановления об учете и реквизиции хлеба, провозглашал «самую неограниченную свободу торговли хлебом» и грозил смертной казнью за всякую попытку воспрепятствовать свободному передвижению съестных припасов. Должностные лица объявлялись ответственными за все убытки, которые понесут частные лица от незаконных реквизиций. Жирондисты нисколько не сомневались, что их упорное сопротивление какой бы то ни было регламентации торговли поведет к ожесточенной борьбе малоимущих против собственников. «Придется, - писал Ролан, - вооружить одну часть нации против другой». Тем не менее декрет 8 декабря был первой уступкой жирондистского правительства: провозглашая свободу хлебной торговли внутри страны, декрет воспрещал вывоз всякого рода зерна за границу. Каково же было негодование этих «государственных людей», как иронически называли их якобинцы, когда столичное простонародье осмелилось потребовать у Конвента установления твердых цен на хлеб по всей стране!

Выступивший по поводу петиции секций 12 февраля жирондист Бюзо хочет натравить крестьян на революционный Париж и заранее подорвать успешность предлагаемой меры. «Да, парижане, - говорит он, - не ошибайтесь на этот счет, ваша почва не родит ничего; ведь это наша земля вас кормит; если вы установите стеснения для торговли зерном, вы погибнете от голода, тогда как мы будем пользоваться изобилием».

Другой жирондист, Мазюе, рекомендует Конвенту обратить особое внимание на новые опасные организации и сообщества, которые осмеливаются говорить от имени не только Парижа, но и всей Франции. В одной из своих брошюр жирондист Бриссо ставит законопослушную провинцию в пример «анархическому Парижу». «Посмотрите, - пишет он, - на те департаменты, которые сумели обуздать ярость этих людей; посмотрите хотя бы на департамент Жиронды. Там все время царил порядок; народ там подчинился закону, хотя и платит 10 су за фунт хлеба... А все потому, что в этом департаменте проповедники аграрного закона были изгнаны, и граждане заколотили клуб, где проповедовали этот закон».

Якобинцы не разделяли жирондистской теории полного невмешательства государства в экономические отношения. 2 декабря 1792 г. Робеспьер произнес в Конвенте речь, в которой жестоко критиковал экономический либерализм жирондистов и их учителей-физиократов. «Восхваляя блага ничем не ограниченной свободы торговли, - говорил он, - ученики Тюрго не видят того факта реальной жизни, что именно эта пресловутая свобода, провозглашенная Учредительным собранием, довела страну до голода. Для физиократов необходимейшие для жизни продукты ничем не отличаются от обыкновенных товаров: для них нет разницы между торговлей хлебом и торговлей краской индиго; они рассуждают не о продовольствии народа, а о хлебной торговле, их занимает не жизнь людей, а прибыли торговцев и земледельцев. Почему? Да потому, что писали эти трактаты и управляли государством вельможи, министры, богатые люди; если бы на их месте был народ, он ввел бы в эту систему поправки. Прошло время, когда против голода знали лишь два лекарства: неограниченную свободу торговли и штыки, которыми умирляли народные волнения... Никто не имеет права собирать у себя груды хлеба, когда рядом люди умирают с голоду. Первое из прав есть право на существование, первый закон общежития есть обеспечение за всеми членами общества средств существования. Сама собственность существует затем, чтобы давать людям жить, и мы не допускаем уже противоречия между ней и интересами продовольствия, столь же священными, как и сама жизнь. Все необходимое для сохранения жизни есть общая собственность и принадлежит обществу в его целом: только избыток, выходящий за эти пределы, может быть личной собственностью людей и служить предметом коммерческих операций». Неограниченная свобода торговли неизбежно порождает монополии и скупщичество. И Робеспьер требует от Конвента произвести учет имеющихся налицо запасов зерна, позаботиться об обеспечении им рынков и установить строжайшие наказания за спекуляцию.

Итак, Робеспьер за законодательное разрешение продовольственного кризиса; но в своих практических предложениях он не доходит еще до идеи установления твердых цен. В начале 1793 г. точка зрения Робеспьера была типична для якобинцев.

Выдвинутый парижской беднотой лозунг таксации хлеба не встретил тогда у них поддержки. Те слои зажиточной мелкой буржуазии, интересы которой по преимуществу представляли якобинцы, далеко не в такой степени страдали от продовольственного кризиса, как мелкие мастера и рабочие; распространение же таксации на все предметы первой необходимости могло задеть интересы этой мелкой буржуазии уже самым непосредственным образом. Наконец, февральский разгром лавок, когда голодная толпа не делала никакого различия между якобинскими и фейянтинскими лавками, был явным покушением на «священный принцип собственности». Можно себе представить негодование мелких лавочников, составлявших едва ли не ядро якобинской партии, по адресу «бешеных» и их агитации в пользу максимума, которая, как уверяли, спровоцировала «мятеж» 25 февраля!

Поведение Горы и Якобинского клуба лишь отражало настроение этих: средних слоев. Известная уже нам петиция, поданная секциями Конвенту 12 февраля, вызвала среди монтаньяров не меньшее раздражение, чем среди жирондистов. 22 февраля на заседании «Общества друзей свободы и равенства» огласили просьбу секции «Четырех наций» предоставить ей помещение клуба для обсуждения вопроса о скупщиках. Робеспьер-младший заявляет, что часто повторяемые дискуссии по продовольственному вопросу «вносят только смуту в государство». В помещении отказывают под тем предлогом, что зала клуба бывает свободна лишь по утрам, и Общество переходит к порядку дня, несмотря на бурные протесты с трибун для публики, откуда кричат, что «среди самих якобинцев есть торговцы и скупщики, которые обогащаются на народном бедствии!»

24 февраля, когда по городу уже носились слухи о предстоящем нападении на магазины, якобинцы высказываются за самые решительные полицейские меры в целях немедленного подавления выступления «бешеных». Характерна и речь Робеспьера по поводу событий 25 февраля. Он допускает, что нужда толкнула народ на «эксцессы», но тут действовала и провокация врагов свободы и агентов иностранных правительств, которым хочется посеять в народе смуту на почве продовольственного кризиса.

Робеспьер не прочь использовать движение «бешеных» для борьбы с Жирондой, но лишь при том условии, если бы его можно было вдвинуть в чисто политическое русло; экономические требования кажутся ему не столь уж важными, чтобы ради них решаться на активные выступления. «Я не хочу сказать, что народ не прав, - заканчивает он свою речь, - но когда народ восстает, не должен ли он иметь достойную себя цель?..»

Наши противники желают запугать всех, кто имеет какую-нибудь собственность; они хотят убедить, что наша система свободы и равенства гибельна для всякого порядка и безопасности. Народ должен восстать, но не для того, чтобы набрать сахара, а чтобы уничтожить негодяев⁶.

К концу февраля «бешеные» оказались изолированными: против них образовался внушительный блок, в который вошли все, кто опасался за собственность. Даже Коммуна, всего ближе стоявшая к революционным элементам Парижа, оказалась не на их стороне. Но эта, как увидим, временная неудача движения еще не означала его полной бесплодности: как бы то ни было, революционные организации развернули широкую агитацию за самые насущные требования масс, сплотили вокруг себя столичную бедноту, стараясь придать ее выступлениям организованный характер.

Конвент отверг на этот раз требование общей таксации зерна; но в глазах широких масс ответственность за его поведение падала главным образом на его жирондистское большинство. В этой партии столичная беднота видит теперь защитников ненавистных народу скупщиков и спекулянтов. Если Конвент не хочет установить максимальных цен на хлеб, рассуждали парижские рабочие и ремесленники, то единственное средство добиться необходимого закона это - устранить из Конвента тех, кто является главными противниками всяких экономических мероприятий, могущих облегчить народу нужду.

Так, движение в пользу максимума силой вещей тесно связывалось с движением за очищение Конвента от «бриссотинцев».

Глава III. Агитация за отозвание жирондистов из Конвента. Измена Дюмуре. Образование общедемократического блока

В своей борьбе за таксацию хлеба и других предметов первой необходимости парижские санкюлоты не были одиноки сходные требования выставлялись городской беднотой и в Других крупных центрах. В Лионе движение особенно напоминало парижское; агитацию в пользу установления твердых цен здесь вел бывший священник Шалье.

Демократия провинциальных городов еще решительнее, чем парижская, выступает против жирондистов: местные муниципалитеты и филиальные отделения Якобинского клуба выдвигают лозунг отозвания из Конвента депутатов, которые голосовали за «обращение к народу» в деле короля и против казни Людовика XVI. Но центральная организация якобинцев (в Париже) еще не решается присоединиться к этому требованию крайней демократии. В заседании Якобинского клуба 27 февраля Робеспьер определенно высказался против отозвания «изменников-депутатов». По его мнению, новые выборы дадут жирондистам, свободу агитации и внесут смуту в такой момент, когда отечество в опасности. Все, что предлагает Робеспьер, это - исключить «бриссотинцев» из патриотических обществ.

Тем более отрицательно отнеслись якобинцы к попытке некоторых наиболее радикальных секций и клубов призвать столичную демократию к устранению жирондистов из Конвента революционным путем. Восстание, назначенное на 10 марта, не было поддержано ни Горой, ни якобинцами, ни Коммуной и потерпело неудачу; дело не пошло дальше разгрома редакций жирондистских газет.

Вскоре, однако, внешние осложнения и успехи контрреволюции внутри страны привели к новой группировке общественных сил.

После казни короля к врагам Франции присоединились Англия и Голландия. К началу марта молодая республика имела против себя коалицию из Австрии, Пруссии, Англии, Испании, Голландии, Пьемонта и Неаполитанского королевства. Благодаря английской морской блокаде Франция оказалась отрезанной от своих колоний и восточных рынков. Сухопутная армия терпит ряд неудач: она вынуждена очистить Аахен и отступить из недавно оккупированной Бельгии. Париж снова был под ударом противника. Положение становится еще более грозным в конце марта, когда приходит известие об измене командующего Северной армией, ставленника жирондистов - Дюмуре, заключившего перемирие с неприятелем, чтобы вести свои войска на Париж для разгона Конвента и восстановления монархической конституции 1791 г., а потом бежавшего к врагу.

Армия осталась верна республике, но положение на фронте оставалось критическим. В то же время все разрасталось контрреволюционное восстание в Вандее, руководимое неприсяжными священниками и эмигрантами.

Завоеваниям революции снова грозила серьезная опасность.

Исключительные обстоятельства требовали быстрых и решительных мероприятий против внутренних и внешних врагов. Только сильное и однородное правительство, опирающееся на революционную демократию, могло спасти страну.

При таких условиях жирондисты, эти ярые противники политического преобладания революционного Парижа, скомпрометированные авантюрой Дюмурье и не расположенные к беспощадной борьбе с поднимавшей голову реакцией, становились поперек дороги дальнейшему развитию революции.

Под давлением парижских секций 10 марта Конвент создал Чрезвычайный уголовный трибунал⁷, который должен был ведать «все контрреволюционные преступления, все посягательства на... внутреннюю и внешнюю безопасность государства». В начале апреля был выделен Комитет общественного спасения, который и стал настоящим правительством республики, ответственным перед Конвентом. Но Комитет состоял из соглашательских элементов, к тому же связанных в своих действиях решениями жирондистского большинства Конвента. Созданное положение толкало монтаньяров на пути решительной борьбы с «бриссотистами» вплоть до полного устранения их от государственной власти.

Увлекаемые ходом событий якобинцы делают теперь шаг вперед: они уже не против отозвания жирондистов из Конвента, но не решаются взять на себя инициативу соответствующей кампании. «Пусть прежде выскажутся южные департаменты»⁸ - тогда выступление патриотов будет уверенным, - говорит Робеспьер на заседании Общества 28 марта. Но он по-прежнему за чисто легальную тактику и против насильственного устранения «негодных» депутатов: ведь тем самым было бы совершено недопустимое посягательство на само национальное представительство!

Положение оставалось, однако, грозным. Все острее чувствовалась необходимость мобилизации всех истинно революционных сил. 3 апреля Робеспьер предлагает в виде мер общественного спасения: 1) немедленно рекрутировать по департаментам революционную армию из санкюлотов, которая должна быть сконцентрирована в Париже; 2) изгнать из секций всех умеренных; 3) обезоружить всех, известных своими антипатриотическими чувствами. Первое из этих предложений было своего рода «обращением к департаментам», но только в их санкюлотской, демократической части, без поддержки которой Гора не надеялась одолеть своих политических противников. Но поддержка была ближе, она шла из самого Парижа.

Глава IV. Новый подъем движения в пользу нормировки хлебных цен. Вопрос о таксации в Конвенте. Борьба за прогрессивно-подходный налог. Классовая борьба внутри секций в связи с рекрутским набором. Революция 31 мая - 2 июня 1793 г.

Политический кризис конца марта и начала апреля совпал с новым подъемом движения на почве дороговизны. Борьба крайней демократии за установление твердых цен на хлеб сливается теперь с борьбой за исключение жирондистов из Конвента. 15 апреля «48 секций Парижа» представляют в Конвент целый обвинительный акт против партии Бриссо; петиционеры требуют немедленного лишения полномочий 22 депутатов, как только большинство департаментов даст свое согласие на эту меру.

Жирондисты ответили на петицию преданием Марата суду Революционного трибунала; они сами переходили теперь в наступление, бросая вызов всей демократии.

18 апреля к решетке Конвента является депутация от городских и департаментских властей Парижа. «Вот уже четыре года, как нет таких жертв, которых народ не приносил бы ради отечества; взамен он требует от вас хлеба, - говорил один из участников депутации. - Зерна имеется в стране больше, чем нужно для потребностей населения. Мы пришли требовать: 1) установления максимума цен на хлеб во всей республике; они не должны превышать 25-30 ливров за сетье⁹; 2) уничтожения частной торговли зерном и устранения всяких посредников между землевладельцем и потребителем; 3) учета всех хлебных запасов после каждой жатвы».

Таким образом, Коммуна официально примкнула к той кампании в пользу таксации хлеба, которую еще с февраля вела партия Ру. В тот же день Коммуна объявила себя «на революционном положении», пока не будет разрешен продовольственный вопрос.

Опасность «справа» заставляет и якобинцев пойти навстречу экономическим требованиям городской бедноты, чтобы заручиться ее поддержкой в предстоящей борьбе за власть. Нормировка хлебных цен для всей Франции становится теперь одним из пунктов программы монтаньяров.

Правда, повсеместное установление таксы на хлеб затрагивало интересы не только крупных торговцев и землевладельцев, но и мелких фермеров и крестьян, производивших на рынок, т.е. общественные слои, на которые отчасти опирались якобинцы. Но мелкая городская буржуазия, составлявшая ядро этой партии и занимавшая в ней руководящее положение, решила ввиду исключительных обстоятельств на эту меру.

К тому же якобинцы надеялись, что проведение максимальных цен на хлеб разрушит только оптовую торговлю, но не повредит мелким лавочникам, которые довольствуются умеренными барышами¹⁰.

Выступление Коммуны и перемена в тактике якобинцев заставили Конвент поставить, наконец, продовольственный вопрос в порядок дня. Предложение ввести твердые цены на хлеб по всей Франции обсуждалось с 27 апреля по 3 мая. Жирондисты употребили все усилия, чтобы провалить эту меру.

Если вы установите максимальные цены на хлеб, вы разорите сельских хозяев, вынужденных покупать свой инвентарь и прочее по вольным ценам; но раз производство станет невыгодным, земледельцы забросят свои поля, а торговцы попрячут еще имеющиеся запасы в ожидании отмены таксы, - так говорили ораторы Жиронды в Конвенте. Они пытались, далее, натравить крестьян на парижских рабочих, доказывая, будто в департаментах народ терпеливо сносит нужду и гибельная идея таксации выдвигается лишь парижанами, которые хотят наслаждаться изобилием дешевых продуктов среди всеобщего оскудения.

Несмотря на отчаянное сопротивление Жиронды, Конвенту пришлось согласиться на внесенный Горой декрет: «болото» голосовало на этот раз вместе с «левой», не осмеливаясь открыто противиться долгие требования масс, которые спешили еще раз заявить о себе народным представителям. 1 мая в Конвент явилась депутация от рабочих Сен-Антуанского предместья.

Их петиция звучала почти как суровое осуждение продовольственной политики Конвента. Она начиналась с указания на заслуги трудящегося Парижа перед революцией. «Перед вами, - читаем в петиции, - пройдут люди 14 июля, 5-6 октября, 20 июня, 10 августа и всех критических дней. Они стоят у вашего порога, чтобы сказать вам жестокую истину, которую республиканец... не боится сказать своим уполномоченным.

Собравшись в этих стенах, чтобы спасти общество... отвечайте, что вы сделали? Вы много наобещали, но мало сделали... Уже давно вы обещаете всеобщий максимум на все припасы, нужные для жизни; постоянно обещать и ничего не исполнять, удручать и утомлять народ, это значит лишать его возможности относиться к вам дальше с доверием... Мы, конечно, наперед предупреждены, что умеренные и государственные люди будут кричать о произволе, но мы им ответим, что средства, пригодные в спокойное время, бесплодны в минуту кризиса а революции. Наши бедствия велики, нужны и великие средства. До сих пор революция ложилась тяжестью только на нуждающийся класс; пора, чтобы богатый, чтобы эгоист тоже стал республиканцем».

Заявление кончается угрозой новой революции: «Вот наши средства к спасению общего дела... Если вы их не примете, мы вам заявляем, что мы готовы к восстанию: десять тысяч человек уже стоят у порога залы». (*Сильное волнение во всех частях зала*).

Эта демонстрация решила дело. 4 мая был издан декрет, обязующий директорию департаментов установить максимальные цены на хлеб, а всех хлеботорговцев и землевладельцев - заявить, под угрозой реквизиции, местным властям об имеющихся у них запасах зерна и муки. Воспрещалась торговля хлебом вне рынков.

Таким образом, несмотря на сопротивление жирондистов, столичной бедноте удалось вырвать у Конвента важную уступку в продовольственном вопросе. [[Петиция парижского департамента Национальному Конвенту от 18 апреля 1793 г. о введении максимума](#), [Из протокола заседания. Национального Конвента от 30 апреля 1793 г.](#), [Из декрета 4 мая 1793 г. по продовольственному вопросу](#), [Постановление Парижской коммуны 1 мая 1793 г. о наборе двенадцати тысяч человек](#), [Постановление Генерального совета Парижской коммуны 3 мая 1793 г. о налоге на богатых](#)]

Другим требованием, выдвигавшимся революционной демократией, было установление прогрессивно-подходящего налога с освобождением минимальных доходов от всякого обложения. В принципе Конвент декретировал эту меру еще 17 марта, но лишь в апреле, когда образовался блок всех демократических сил против Жиронды, вопрос о прогрессивном налоге на доходы при поддержке Горы поставлен был снова в порядок дня. Жирондисты, которые только что провели через Конвент уничтожение так называемого патентного сбора, давно уже возбуждавшего недовольство буржуазии¹¹, и увеличили взамен общий налог на движимость, выступили решительными противниками прогрессивно-подходящего налога как постоянной меры. Представители Жиронды доказывали, что допустить такой налог - значит затронуть главным образом интересы «коммерсантов, землевладельцев и мануфактуристов» и нанести «величайший вред торговле»; что, губя богача, Конвент погубит и тех бедняков, которых первый кормит, давая им работу, ибо никогда нельзя безнаказанно нападать на собственность.

Наконец, за недостатком аргументов партия Гаде-Бриссо пыталась сорвать дальнейшее обсуждение соответствующего законопроекта. Но все ее усилия оказались тщетными. 20 мая голосами Монтаньяров и «болота» прошел декрет, устанавливавший прогрессивно-подходящий налог в форме «принудительного займа» у богатых граждан¹².

Позиция Жиронды в вопросе о максимуме и прогрессивно-подходящем налоге с особенной очевидностью вскрывала перед широкими массами капиталистическую сущность этой партии, защищавшей интересы богатых.

Классовая борьба между буржуазией, поддерживаемой общественными группами, потерпевшими от революции, с одной стороны, и мелкобуржуазной демократией, выступившей в блоке с рабочими, с другой, принимала все более острые формы.

Рабочие и мелкие ремесленники страдали не только от дороговизны и безработицы: благодаря системе заместительства вся тяжесть рекрутских наборов падала на демократию. Декрет 9 мая запретил заместительство и предоставил устанавливать способ набора секциям.

Эта мера Конвента вызвала сильное раздражение среди богатых буржуа, рантье, приказчиков крупных фирм, банковских служащих и т.п. Жирондисты воспользовались случаем, чтобы мобилизовать против якобинцев те немногочисленные крупнособственнические элементы, которые имелись в Париже. По призыву жирондистской печати они наводняют секции, вытесняя оттуда санкюлотов, и пытаются сорвать новый порядок набора.

В свою очередь Гора спешит мобилизовать по секциям все демократические элементы. Робеспьер бьет тревогу, призывая очистить секции от «умеренных». Учитывая тот факт, что огромное большинство трудящегося люда не имеет достаточно свободного времени, чтобы ежедневно посещать секционные собрания, он выдвинул тогда принцип вознаграждения недостаточных граждан за исполнение ими общественных обязанностей¹³.

8 мая Робеспьер говорил в Конvente: «Если аристократия осмелилась поднять голову за последнее время, если граждане, антигражданственность которых осуждала их доселе на молчание, расплодилось в секциях, то что же будет, когда армия патриотов выступит в поход? Надо приложить все усилия, чтобы обезвредить врагов свободы, под каким бы названием они ни скрывались: приказные (robins), дворяне, финансисты, банкиры или священники. Поэтому я требую, чтобы все подозрительные элементы были арестованы в качестве заложников... чтобы... интриганы, которые нахлынули в секции, были оттуда беспощадно изгнаны патриотами; а чтобы почтенный промышленный класс мог там ежедневно присутствовать, необходимо, чтобы каждый раз, как ремесленник употребит свой рабочий день на несение военной службы или присутствие на политическом собрании, он получал бы вознаграждение».

Перенесенная в секции борьба демократии с умеренной буржуазией, втайне поддерживаемой роялистами, кончилась, однако, не в пользу последней: наводнение секций умеренными элементами могло быть лишь временным. С окончанием военного набора буржуазия предпочла вернуться к своим обычным занятиям, уступив место санкюлотам.

Между тем новое ухудшение в продовольственном вопросе продолжало революционизировать столичную бедноту, толкало ее на новые выступления. Установление максимума на хлеб (4 мая 1793 г.) не обеспечивало достаточно низких цен на этот важнейший предмет питания: согласно декрету при таксации местные власти должны были исходить из средней рыночной цены за время с 1 января по 1 мая 1793 г.; иначе говоря, закон как бы санкционировал уже взвинченные цены на хлеб и лишь пытался остановить дальнейшее повышение. Такие твердые цены не могли, конечно, удовлетворить городские низы. К тому же закон 4 мая не касался других, не менее необходимых продуктов первой необходимости, цены на которые росли с каждым днем. Петиции, направляемые в Конвент различными революционными организациями, по-прежнему полны жалоб на дороговизну, спекуляцию и т.п. Снова и снова выдвигается среди революционной демократии требование «всеобщего максимума» на все предметы первой необходимости.

Но пока в Конvente господствовали жирондисты, нечего было и думать провести эту меру законодательным порядком. Давно уже назревший политический кризис должен был быть разрешен чисто революционным путем.

Лозунг очищения Конвента от жирондистов давно уже стал популярен в широких массах, но до сих пор им не хватало сплоченности и единства действий. Теперь рядом с Коммуной создается постоянная организация из представителей секций и революционных обществ под именем «Центрального комитета», который и берет на себя подготовку вооруженного восстания. Якобинцы всецело поддерживают политические и экономические требования крайних левых и постепенно переходят на путь революционной борьбы.

С каждым днем неизбежность решительного столкновения становилась все очевиднее: усиливалось влияние Жиронды на умеренные элементы департаментов; ее лидеры открыто призывают своих сторонников в департаментах к активной поддержке Конвента, к восстанию против ненавистного Парижа. Призывы жирондистской партии встречают живейший отклик спели буржуазии провинциальных торгово-промышленных центров: в Конвент поступают многочисленные петиции и адреса с обещанием вооруженной помощи на тот случай, если бы парижские «заговорщики» осмелились посягнуть на депутатскую неприкосновенность.

Чувствуя за собой поддержку департаментов, жирондисты полагали, что настал удобный момент, чтобы раздавить блок якобинцев, Коммуны и «бешеных».

По предложению Жиронды, Конвент выбрал особую «Комиссию двенадцати» для расследования «всех заговоров, которые угрожают свободе и закону». По ее настоянию Конвент декретировал, наконец, организацию «департаментской стражи». Комиссия издала ряд стеснительных правил, исполнение которых грозило совершенно парализовать деятельность наиболее революционных парижских секций; затребовала от Генерального совета Коммуны протоколы его заседаний, распорядилась арестовать Эбера и Варле. Жирондист Инар грозил в случае восстания против Конвента стереть Париж с лица земли. Демократический блок должен был действовать, если он не хотел быть разбитым. Но инициатива выступления исходила не от якобинцев, которые плелись в хвосте событий, а от делегатов революционных организаций, заседавших в эти дни в помещении епископства и выделивших для руководства восстанием «Комитет шести».

В ночь на 31 мая Марат первый ударил в набат. «Шестерка» распустила Коммуну, а затем снова облекла ее уже революционной властью. Главкомандующим всеми вооруженными силами был назначен командир батальона секций «Санкюлотов» - Анрио. С утра Конвент был окружен пехотой и артиллерией. С открытием заседания делегация от «48 секций Парижа» и Революционной коммуны требует уничтожения «Комиссии двенадцати» и предания суду всех виднейших жирондистов. Робеспьер поддерживает делегатов. Но Конвент не пошел дальше роспуска Комиссии. Потребовалось новое восстание, которое и произошло 2 июня 1793 г. Наводившие Конвент вооруженные массы заставили его декретировать приказ об аресте 29 жирондистских депутатов и двух министров-бриссотинцев. Политическое могущество Жиронды было сломлено.

Революция 14 июля 1789 г. заставила короля поделиться властью с цензовой буржуазией. Опрокинувшая монархию революция 10 августа 1792 г. привела к политическому господству крупной буржуазии. Наконец, в результате восстания 31 мая и 2 июня 1793 г. открылся новый период в ходе революции, период диктатуры Горы и якобинцев, продержавшейся до 27 июля 1794 г.

Глава V. Социально-политические идеи Робеспьера в эпоху Конвента

Якобинцы не имели систематически разработанной программы. Но их общественные идеалы нашли чрезвычайно удачное отражение в социально-политических взглядах Робеспьера, этого признанного вождя Горы. К более обстоятельному знакомству с последними мы теперь и перейдем.

10 мая 1793 г. Робеспьер выступил перед Конвентом с обстоятельной речью, посвященной вопросам государственного устройства. В основу новой конституции должен быть положен принцип самодержавия народа; все общественные должностные лица - лишь уполномоченные народа, его приказчики, которых он назначает и увольняет в любой момент.

Формой правления во Франции может быть лишь демократическая республика.

Так как люди, облеченные властью, всегда склонны злоупотреблять ею, то основная задача всякой конституции - оградить личную и общественную свободу от посягательств со стороны самого правительства.

Для этого вовсе не нужно устанавливать пресловутое «равновесие» властей, которым еще недавно так увлекались по примеру Англии: ведь на практике все власти скорее столкнутся между собой и объединятся против народа, чем перенесут на его решение возникший между ними конфликт.

Лучшей гарантией против произвола властей является, во-первых, краткосрочность (не более двух лет) их полномочий, недопустимость совместительства должностей и строгое разграничение функций исполнительных, законодательных и судебных между различными органами; во-вторых, «моральная и физическая» ответственность всех должностных лиц не только перед законодательной властью, но и перед самодержавным народом.

Первая из них (моральная) достигается тем, что все уполномоченные народа должны периодически публично отчитываться перед избирателями; чиновники, признанные по истечении срока их полномочий не заслуживающими народного доверия, теряют право на занятие какой бы то ни было должности.

Но, помимо того, должна быть ответственность судебная, или, как называет ее Робеспьер, «физическая»: любой чиновник подает быть привлечен к уголовной ответственности за преступления по должности так же просто и легко, как и всякий гражданин.

Особенно восстает Робеспьер против «безответственности» и «неприкосновенности» так называемых «народных представителей», которые в его глазах такие же приказчики народа, как и министры, администраторы, судьи и т.п. «Народ, - говорил он - уполномоченные которого не должны отдавать никому отчета в своем управлении, не имеет вовсе конституции. Народ, уполномоченные которого отдают отчет только другим неприкосновенным уполномоченным, не имеет конституции, так как он зависит от этих последних, которые могут безнаказанно изменять ему. Если таков смысл представительного правления, то, признаюсь, я разделяю все те проклятия, которые посылал ему Жан-Жак Руссо».

Чтобы народ мог осуществлять право контроля над депутатами, необходима самая широкая публичность дебатов в законодательном собрании, и чем многочисленнее будет «публика», тем лучше. Но этого мало: избирателям должно быть предоставлено право отозвания своих уполномоченных. Наконец, депутаты неответственны лишь за произносимые ими речи, но за преступления по должности отвечают перед особым «народным трибуналом»; за обыкновенные же преступления подлежат обычным судам наравне со всеми гражданами.

Робеспьер хотел бы уничтожить тот кастовый дух, который утвердился теперь во Франции в новой форме и создает из чиновников и депутатов особого рода аристократию, самой природой якобы призванную управлять и законодательствовать, тогда как народным массам остается лишь повиноваться. «Сколько еще и до сих пор бестолковых коммерсантов, эгоистов-буржуа, которые смотрят на ремесленников с таким же наглым презрением, каким когда-то обдавали их самих. О, благородная спесь! О, прекрасное образование! Вот где корень наших несчастий, которые не прекратятся, пока простой землероб не получит возможности заседать в сенате рядом с богатым лабазником, пока в народных собраниях ремесленник не будет голосовать бок о бок с известным негоциантом или чванным адвокатом, а неимущий интеллигент не привыкнет быть самим собою в присутствии какого-нибудь слабоумного разращенного богача!» Долой профессиональных чиновников и парламентариев, хочет сказать Робеспьер: всякий гражданин должен уметь управлять!

По мнению Робеспьера, конституция должна быть основана на принципе самой широкой децентрализации: органы местного самоуправления должны быть возможно менее зависимы от центральной власти.

Робеспьер - враг всякой излишней регламентации, стесняющей самодеятельность масс. Вот почему проект жирондистской конституции, обставлявший функционирование «первичных собраний»¹⁴ строгими формальностями и детальнейшими инструкциями, не оставлявшими места свободной инициативе граждан, вызвал резкий протест со стороны Робеспьера. «Своими формальностями, - говорил он, - жирондисты отбивают у санкюлотов всякую охоту посещать собрания».

Но Робеспьер хорошо понимал, что самая неограниченная политическая свобода еще не уничтожает нужды и нищеты беднейших классов. Был ли он социалистом? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего помнить, что социализм означает обобществление орудий и средств производства. С этой точки зрения мы и подойдем к социально-экономическим взглядам якобинцев.

Представляя преимущественно интересы самостоятельных мастеров, мелких лавочников и хозяйственных мужичков, якобинцы смотрели с нескрываемой тревогой на победоносное шествие освободившегося от всех пут крупного капитала, который угрожал самому существованию городской и сельской мелкой буржуазии. Особенное негодование в таком честном мастере или купце, по грошам сколачивавшем свой капитал, возбуждала новорожденная буржуазия («новые богачи»), которая в несколько месяцев наживала на спекуляциях товарами, деньгами, национальными имуществами, на поставках на армию и т.п. прямо сказочные состояния. Отсюда отрицательное отношение якобинцев к скоплению чрезмерных богатств в немногих руках, к резкому расслоению общества на класс имущих и неимущих, отсюда их резкие нападки на крупную собственность. Крайности богатства и бедности особенно бросались в глаза при виде того, как буржуазия со сказочной быстротой обогащалась от войны, тогда как народные массы терпели от дороговизны и всевозможных лишений. Тяжелое экономическое положение Франции, естественно, наталкивало мелкую буржуазия на мысль заставить богачей кое-чем поступиться в пользу низших классов. Надо сгладить крайности общественного неравенства, отнюдь, однако, не отменяя частной собственности вообще. «Собственность патриотов священна», - говорил ближайший друг и единомышленник Робеспьер, Сен-Жюст. 18 марта 1793 г. Конвент объявил смертную казнь всякому, кто «предложит аграрный или какой-либо другой закон, подрывающий земельную, торговую или промышленную собственность». Гора ни единым звуком не протестовала против этого декрета.

Такова в общих чертах социальная позиция якобинцев. Робеспьер был лишь наиболее типичным представителем этого течения в якобинстве, которое можно назвать «золотой серединой».

По мнению Робеспьера, собственность - это «право каждого гражданина пользоваться и располагать той долей благ, которая обеспечена ему законом». Недопустимо, чтобы собственность отдельного человека «наносила ущерб безопасности, свободе, существованию или собственности его ближних».

Из этого определения собственности можно, конечно, делать весьма крайние выводы, но сам Робеспьер отнюдь не придавал ему широкого толкования.

Он отнюдь не отрицал собственности вообще. Когда на одном из первых заседаний Конвента Дантон предложил провозгласить принцип неприкосновенности частной собственности, Робеспьер не протестовал ни единым словом. В своей речи по поводу Декларации прав¹⁵ он касается злоупотреблений собственностью, но нападает при этом как раз на те ее виды, которые противоречили новому, чисто буржуазному укладу жизни и были осуждены на исчезновение ходом революции: он громит собственность рабовладельца, феодала, монарха и лишь в конце очень осторожно упоминает о «скупщиках», «богачах» и т.п. Но ни слова о праве народа на землю и другие средства производства, ни слова об уничтожении эксплуатации фабричного рабочего капиталистом!

Своим определением собственности Робеспьер думал одновременно и успокоить собственников, и привязать к революции бедноту, обещав ей некоторые приобретения не только в политической, но и в социальной области. «Равенство прав, - гласила предложенная Робеспьером Декларация прав, - установлено природой; общество не может его нарушить: его задачи - лишь гарантировать равенство от тех злоупотреблений и насилий, которые делают его иллюзорным».

Отсюда - право государства регулировать экономические отношения в пользу неимущих: издавать законы о наследстве, обуздывать скупщиков, спекулянтов, принимать меры к обеспечению населения продовольствием и т.п.

Робеспьер призывал бороться с крайностями общественного неравенства, которые обеспечивают «богачам» все преимущества в ущерб «беднякам». «Нельзя, - говорил он, - считать санкюлотом человека, у которого свыше ста тысяч дохода», надо решительно преследовать «позорную алчность» таких граждан.

Богатство предосудительно не само по себе, а лишь тогда, когда оно переходит в чрезмерную роскошь. Робеспьер боится обострения классовых противоречий; он не хотел объявить непримиримую борьбу богачам. «Существуют только две партии во Франции: партия людей испорченных и партия „добродетельных“». «Оценивайте людей не по их достатку и общественному положению, а по характеру», - говорил он в Якобинском клубе (8 мая 1793 г.). «Санкюлоты, всегда движимые любовью к человечеству... никогда не претендовали на равенство состояний, а лишь на равенство в правах...»

Сведя классовую борьбу на борьбу между «порочными» и «добродетельными» гражданами, отрекшись за неимущих от всяких претензий на социальное равенство, Робеспьер утешает санкюлотов: «Я сам, - говорит он, - мог бы променять свою душу на богатство, но я смотрю на него только как на нечто, приобретенное ценой преступления; я желаю быть бедным, чтобы не быть несчастным».

В качестве типичного идеолога мелкой буржуазии Робеспьер рекомендует санкюлотам меланхолическую умеренность и аккуратность: «Народ требует только необходимого; он хочет лишь справедливости и покоя», - проповедовал Робеспьер еще в 1791 г. «Народ требует только работы, умеренного довольства, бедности, которые являются стражами добродетели», - писал он в другом месте. Его санкюлот, добродетельный уже в силу своей бедности и социальной слабости (добродетель поневоле!), не завидует утопающему в роскоши, «порочному», а потому «несчастному» (!) богачу. «Богатства, - говорил он еще, - которые приводят к такой испорченности, вредят более тому, кто ими владеет, чем тем, кто их лишен».

Робеспьер отнюдь не хочет уничтожения классов и совершенно определенно высказывается против коммунизма. Экономическое равенство - химера; оно «решительно невозможно в гражданском обществе...» Оно «необходимо предполагает общность имуществ, нелепость которой при наших условиях еще очевиднее».

Даже предложение так называемого «аграрного закона», т.е. коренной земельной реформы, встречало со стороны Робеспьера безусловно отрицательное отношение. «Аграрный закон, - писал он, - не что иное, как нелепое пугало, которым злонамеренные люди пугают глупцов».

И очень, конечно, ошибался Бабеф, когда в 1791 г. писал одному из своих друзей: «Разберите Робеспьера и вы увидите в нем сторонника аграрного закона».

Итак, социальное равенство недостижимо, но что может и сделать общество, чтобы предупредить чудовищное скопление богатств в руках одних и нищету других? «Цель, всякого политического союза, - гласит одна из статей Декларации прав, предложенной Робеспьером, - предоставить каждому гражданину возможность развития всех его способностей. Общество обязано поэтому «обеспечить существование всем своим членам, доставляя им работу или же гарантируя средства существования тем из них, которые не в состоянии трудиться»».

Будучи врагом коммунизма, Робеспьер провозглашает, как видим, «право на труд», которое как раз неосуществимо в буржуазном обществе. Более реальное значение имело требование прогрессивно-подходящего налога, но при условии, чтобы граждане, располагающие лишь самым необходимым, были освобождены от всякого обложения.

Выше мы видели, что в Учредительном собрании Робеспьер требовал законодательного ограничения права наследования; имущество должно делиться поровну между всеми сонаследниками; он надеялся предотвратить этим «крайнее» неравенство состояний.

Наконец, государство должно поддерживать цены на съестные припасы на уровне, который соответствовал бы величине заработной платы рабочего.

Для этого нужны строгие меры против скупщиков и спекулянтов. «Мы будем, - говорил Робеспьер, - издавать мудрые, но в то же время строгие законы, которые, обеспечивая всем средства к существованию, раз и навсегда уничтожат скупщиков и удовлетворят все потребности народа... Если богатые сельские хозяева хотят пить кровь народа, то мы предадим их во власть самого народа. Если нам не дадут возможности наказать изменников, заговорщиков и монополистов, то мы посоветуем народу самому с ними расправиться».

После всего сказанного едва ли есть надобность опровергать мнение тех историков, которые готовы видеть в Робеспьере предшественника современного социализма и присяжного защитника пролетариата. Робеспьер стоял на страже интересов рабочего класса лишь постольку, поскольку интересы этого класса совпадали с интересами демократии вообще. Робеспьеру были близки интересы пролетариев как плательщиков налогов и как потребителей, страдавших от непомерной дороговизны вместе с мелкими ремесленниками, кустарями, и беднейшим крестьянством. Но специфические нужды рабочих как класса, живущего продажей своей рабочей силы, были совершенно чужды вождю якобинства. Столь чуткий ко всем движениям в общественных низах, Робеспьер проглядел; однако, стачечную борьбу парижских рабочих весной 1791 г. Ни словом не протестовал он и против известного уже читателю «закона Ле Шапелье», лишившего рабочий класс права коалиций.

Глава VI. Религиозная политика Робеспьера

В религиозных взглядах и религиозной политике Робеспьера выступает та же мелкобуржуазная сущность якобинства.

До революции в отношении буржуазных и аристократических кругов к религии сильно чувствовалось влияние философских идей XVIII в.: к католическим догматам и культу здесь относились с насмешкой, но в своем отрицании традиционных верований большинство не шло дальше так называемого свободомыслия, или деизма. Последования «атеизму» держались лишь немногие, главным образом представители буржуазной интеллигенции и интеллигентного пролетариата. Среди рабочих, мелкой городской буржуазии и особенно крестьянства религиозное свободомыслие встречалось в виде редкого исключения: идеи просветительной философии оставались для этих слоев книгой за семью печатями.

Но и просвещенные мыслители и их последователи считали религиозное «свободомыслие» привилегией немногих избранных; широким массам предоставлялось коснеть в невежестве и суевериях.

Учредительное собрание сильно подорвало влияние духовенства, конфисковало церковные имущества, закрыв монастыри и передав регистрацию рождений, браков и смертей светским чиновникам.

Но ни Учредительное собрание, ни Законодательное собрание не решились провести даже отделение церкви от государства, что было сделано Конвентом, но и то лишь в сентябре 1794 г., т.е. уже после падения Робеспьера.

До этого времени Конвент, в общем, следовал религиозной политике двух первых Собраний: католицизм оставался государственной религией. Духовенство продолжало получать жалование из государственных средств. Были лишь усилены репрессивные меры против неприсяжных священников ввиду их деятельного участия в вандейском восстании: все священники-паписты подлежали теперь ссылке в Гвиану¹⁶; уличенных же внутренним или внешним врагам Франции закон в предписывает казнить в течение 24 часов.

Введение Конвентом республиканского календаря¹⁷ и устройство чисто светских празднеств в революционные годовщины немало способствовали успехам религиозного свободомыслия.

Более серьезная опасность угрожала католицизму снизу. Деятельное участие большинства духовенства в контрреволюционном движении, особенно усилившемся после казни короля и разгрома жирондистов, подорвало авторитет священников в самых широких слоях демократии. «Духовный отец» стал столь непопулярной фигурой, что многие священники и даже епископы спешили снять с себя сан, лишь бы не прослыть за «врагов отечества и свободы».

В Париже и других городах и даже в селах, особенно лежавших вблизи фронта и подвергавшихся опасности иноземного нашествия, ненависть к изменникам-попам легко переходила в стремление упразднить самый католический культ.

Для усиления национальной обороны стали переливать колокола в пушки и драгоценную церковную утварь перечеканивать в монету. Потом перешли к уничтожению всяких предметов культа (статуй святых, церковных книг, всякого рода реликвий и т.п.), стали устраивать пародии на католическое богослужение и т.п.

Некоторые коммуны целиком отреклись от христианства. Церкви или закрывали совсем, или превращали в храмы Разума. Возник своеобразный «культ разума», который вылился в форму торжественных празднеств в честь «разума и свободы». Празднества сопровождалась пением патриотических гимнов и произнесением поучений на политические и моральные темы.

Вошли в обычай гражданские крестины и похороны и т.д. Стены бывших церквей украшались республиканскими эмблемами и бюстами революционеров, павших от руки монархистов. «Культ разума» стал как бы боевым оружием против черносотенного духовенства; в новом культе находило выход то приподнятое патриотическое чувство, которое охватило республиканцев ввиду смертельной опасности, угрожавшей в 1793 г. Франции и революции. Казалось, что свобода не будет прочной, пока совсем не исчезнет сила, поработившая души людей и освятившая своим авторитетом всяческое угнетение.

Это движение, получившее название «дехристианизации», не могло, однако, удержаться сколько-нибудь долго: лишь только внешняя опасность стала менее грозной, рабочие и мелкая буржуазия снова почувствовали тягу к традиционной религии.

В Париже, где «культ разума» усердно поддерживался Коммуной и некоторыми секциями, не раз возникали целые волнения в связи с закрытием церквей или воспреещением религиозных процессий.

Еще хуже обстояло дело с крестьянами, огромное большинство которых, местами с оружием в руках, требовало открытия церквей; происходили настоящие бунты против разрушителей старой религии.

Робеспьер с самого начала занял позицию, резко враждебную «дехристианизации». По своим религиозным воззрениям он примыкал к новому христианству Руссо, считавшему религию Иисуса в ее чистом, «первоначальном» виде «естественной» религией человечества. Робеспьер поднял целую кампанию в Конвенте и Якобинском клубе против заправил Парижской Коммуны, которых обвинял в атеизме и разжигании гражданской войны на религиозной подкладке в интересах врагов Франции. 6 декабря он добился от Конвента прямого воспреещения «всяких насилий и мер», противоречащих свободе культа.

Позже, освободившись от своих противников «справа» (дантонистов) и «слева» (эбертистов), Робеспьер провел через Конвент декрет, вводивший культ верховного существа в качестве официальной религии. В этом декрете говорилось, что французский народ признает существования верховного существа и бессмертие души; что он признает достойнейшим культом верховного существа исполнение социальных обязанностей человека, что должны быть установлены особые праздники, чтобы напомнить людям о божестве. В Париже праздник в честь верховного существа был организован при участии Конвента с Робеспьером во главе.

Первая половина празднества состоялась в Тюильри, при огромном стечении народа; после речей Робеспьера и исполнения гимна в честь верховного существа была сожжена статуя, олицетворявшая атеизм. Из Тюильри торжественная процессия направилась на Марсово поле; впереди ехала колесница, на которой возвышалась статуя Свободы, окруженная эмблемами различных производств и произведениями французской почвы. Праздник закончился выступлением больших народных хоров, патриотическими возгласами и залпами из орудий.

Культ верховного существа был как бы переходной ступенькой к католицизму, непосредственное возвращение к которому было еще явно невозможно.

Робеспьер, веривший, подобно своему учителю Ж.-Ж. Руссо в личного бога, управляющего миром, и в бессмертие души, считал необходимым положить конец движению против христианства прежде всего по политическим мотивам: своей религиозной политикой он думал успокоить крестьянство и вырвать у монархической Европы одно из орудий ее агитации против «безбожной» Франции.

Но были мотивы и социального порядка, весьма характерные для идеолога мелкой буржуазии.

Еще в ноябре 1792 г., выступая против предложения Камбона упразднить бюджет культов, Робеспьер высказал опасения, что, не будучи в состоянии оплачивать труд священника, бедняки «вынуждены будут отказаться от его услуг». И это говорил он, худшая из возможностей, так как именно они и почувствуют всю тяжесть нужды, отнимающей у них все блага жизни, вплоть до надежды. Иначе говоря, общество заинтересовано в том, чтобы неимущие его члены были религиозны, ибо только надежда на воздаяния в потустороннем мире заставляет их мириться с несправедливостью социальных отношений на земле.

В «культе разума» Робеспьер видел отрицание всякой религии: ибо какая же религия без веры в личного бога! А между тем, с точки зрения мелкого буржуа, без религии невозможно сколько-нибудь упорядоченное человеческое общество. Прежде всего она - превосходное средство для охраны священной собственности и поддержания «порядка», она необходима для устрашения преступных элементов и поощрения добродетельных граждан. «Мысль о великом существе, - говорил Робеспьер в Конвенте, - бодрствующем над угнетенной невинностью и карающем торжествующее преступление, в высшей степени народна. Я еще на школьной скамье был плохим католиком; я никогда не был ложным защитником человечества. Это только заставляет меня еще тверже держаться за моральные и политические идеи, только что высказанные мною. Если бы бога не существовало, надо было бы изобрести его»¹⁸. И Робеспьер подчеркивает, что эта точка зрения обязательна для всякого представителя власти.

Ту же мысль находим и в адресе робеспьеровской Коммуны, прочитанном в Конвенте 14 мая 1794 г. «Если идея существования бога драгоценна для человека добродетельного, она ненавистна порочному; вот почему она полезна обществу», - говорится там.

Психология мелкого буржуа, воспитанная на меновых отношениях, не может себе представить никаких проявлений человеческого «я» без соответствующего «эквивалента». В то же время жизненно-трудовая обстановка создает из него крайнего индивидуалиста, которому непонятно происхождение общественных чувств у людей; ему кажется, что самая «добродетель» существует лишь потому, что над человеком стоит «всевидящее око», от которого зависит награда или наказание в загробном мире. В том же адресе говорилось: «Должно быть преисполнено мудрости и справедливости поведение человека, убежденного, что он всегда под защитой всеблагого божества, которое читает в его сердце, видит все его поступки и которое всегда распознает в своей премудрости нечестивца».

В адресе Конвенту от Якобинского клуба, составленном при несомненном участии Робеспьера, его мысль о необходимости религии выражена еще более определенно: «Существование божества, - читаем там, - будущая жизнь, святость общественного договора и законов - таковы незыблемые основы, на которых покоится наша республика».

Наконец, сторонники Робеспьера указывали, что «религия... нужна народу, ибо она является основой дисциплины в армии».

Итак, религия, хотя бы и очищенная от выдумок и суеверий, навязанных народу священниками и королями и возведенных ими в догматы веры, - о чем мечтал Робеспьер, - является могучей социальной сдержкой, а потому одним из необходимейших средств управления народом. И в этом мелкая буржуазия и ее идеологи должны были сойтись со всеми собственниками. Если дискредитированное католичество временно оказалось неспособным выполнять свою «обуздывающую» роль, то его место должна занять какая-нибудь столь же авторитетная религия. Таковой в глазах Робеспьера была религия верховного существа.

Поставить мелкобуржуазную республику под охрану божества было тем более необходимо, что дальнейшее развитие революции, как увидим, угрожало серьезными потрясениями тем самым «незыблемым основам», о которых говорило Якобинское общество в своем послании Конвенту. [\[ЯКОБИНСКИЕ КЛУБЫ в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ, ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ в ПРОВИНЦИИ \(ПО ПРОТОКОЛАМ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ\), ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ, Церковь и государство: 1790-94 г. \(подборка документов\), Ж.Дюваль. Из воспоминаний о дехристианизации, М.Робеспьер. Об атеизме и политике в вопросах религии: речь 21 ноября 1793 г., Ж.-М.Ролан. О контрреволюционной роли духовенства, Анахарсис Клоотс. Речь в Конвенте 27 брюмера II года, Анахарсис Клоотс. Конституционные основы республики человеческого рода, Ж.-П.Бриссо. Авторитет отцов церкви, ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1792-94 г., А.Матвеева-Леман. Праздник Верховного Существа: критический очерк\]](#)

Глава VII. Критическое положение Франции во второй половине 1793 г. Революционное правительство. Борьба с внешними и внутренними врагами. Террор

Познакомившись с социально-политическими и религиозными идеями Робеспьера, вернемся к положению республики после падения жирондистов.

Дезорганизованная изменой Дюмурье и не доверявшая теперь своим генералам армия не могла сопротивляться врагу и продолжала отступать. К тому же численность ее быстро сокращалась вследствие роста дезертирства среди добровольцев, плохого состояния интендантской части, высокой заболеваемости среди солдат т.п.

К августу 1793 г. войска коалиции продвигались уже по французской территории.

Между тем внутри страны разгоралась гражданская война. Изгнанные из Конвента жирондисты подняли восстание в департаментах, где к ним присоединились заведомые сторонники монархии. Контрреволюционное движение с особой силой вспыхнуло на юге. Якобинские городские думы разогнаны и заменялись жирондистскими. Патриотов бросали в тюрьмы или избивали. В Лионе жирондисты казнили, между прочим, местного вождя санкюлотов, бывшего священника Шалье. В департаменте Жиронды буржуазия сформировала войско из белогвардейцев и объявила о созыве нового Конвента в г. Бурже в противовес якобинскому, заседавшему в Париже. Восстание охватило затем крупнейшие торгово-промышленные центры: Бордо, Лион, Ним, Марсель. В Тулоне при содействии высшего морского командования мятежники арестовали двух комиссаров Конвента, казнили виднейших местных республиканцев, провозгласили королем Людовика XVII¹⁹ и сдали город стоявшей на рейде английской эскадре.

От Франции отложился остров Корсика. На западе, в старых провинциях Анжу, Пуату и Бретани контрреволюционные священники подняли против республики суевенных крестьян этих отсталых областей. Вооруженные чем попало повстанцы составили здесь целую «католическую армию», к которой вскоре присоединились местные дворяне.

Одно время из 83 департаментов целых 60 бунтовало против Конвента и Парижа.

В июле произошло убийство Марата Шарлоттой Корде, находившейся в сношениях с виднейшими жирондистами.

Крайне тяжелое положение республики осложнялось все обострявшейся хозяйственной разрухой, жестоким продовольственным кризисом и катастрофическим состоянием государственных финансов.

Казалось, все сложилось не в пользу Франции: еще несколько усилий внутренних и внешних врагов - и юная республика падет, и вместе с ней будут начисто уничтожены и все завоевания четырехлетней революции.

При таких условиях на долю ставшей у власти мелкой буржуазии выпала чрезвычайно трудная и ответственная задача: предстояло мобилизовать все силы демократии для спасения революции.

Летом 1793 г. Конвент выработал проект новой конституции, последовательно проводившей принцип народовластия. Франция должна была стать демократической республикой: право голоса предоставлялось всякому гражданину, достигшему 21 года (не исключая прислуги), вводилось прямое избирательное право, устанавливалась однопалатная система, выборность всех чиновников народом. Первичным собраниям предоставлялось право опротестовывать законы в течение известного срока по издании их законодательным корпусом.

Конституция гарантировала всем французам «равенство, свободное отправление культа, общее образование, общественное призвание, неограниченную свободу печати, право петиций, право составлять народные общества».

Эта наиболее демократическая из всех французских конституций была передана затем на утверждение избирателей и принята огромным большинством. Но в силу чрезвычайных обстоятельств, в которых находилась страна, Конвент не считал возможным немедленно разойтись и назначить новые выборы согласно конституции. Применение конституции было отсрочено «до заключения мира»; до тех пор должна была действовать система управления, которая постепенно складывалась со времени крушения монархии и которая получила название «революционного правительства».

Якобинцы сумели организовать сильную революционную власть без всяких соглашений с крупной буржуазией. В этом без сомнения, сказался тот факт, что в конце XVIII в. мелкая буржуазия представляла несравненно более значительную социальную силу, чем вымирающее мещанство империалистической эпохи.

Очищенный от жирондистов²⁰ Конвент сосредоточивал в своих руках всю полноту законодательной и исполнительной власти. Последнюю он осуществлял через Комитет общественного спасения, который был обновлен после революции 31 мая - 2 июня и состоял теперь из вполне однородных монтаньярских элементов. Мало-помалу **Комитет общественного спасения стал настоящим «министерством Робеспьера»**, игравшего в нем руководящую роль. Комитету общественного спасения принадлежало руководство как внешней, так и внутренней политикой государства; его полномочия были огромны и ограничивались властью лишь самого Конвента, перед которым Комитет общественного спасения должен был еженедельно отчитываться.

Рядом с Комитетом общественного спасения стоял Комитет общественной безопасности, члены которого также назначались самим Конвентом. В руках Комитета общественной безопасности была сосредоточена высшая полицейская власть республики. С 21 марта 1793 г. он стал цитаделью Горы.

Органами революционного правительства на местах были комиссары Конвента, посылавшиеся с чрезвычайными полномочиями в департаменты и в армию, городские думы, народные общества и революционные комитеты.

Комиссары расследовали всякого рода злоупотребления, производили чистку местной администрации, наблюдали за генералами и т.п.

Народных обществ - филиальных отделений Якобинского клуба - насчитывалось по всей Франции до 44 тыс. Они являлись как бы ячейками якобинской партии. Вместе с демократическими муниципалитетами они были самой надежной опорой якобинского правительства в департаментах, помогая комиссарам в

устранении ненадежной администрации и выдвигая преданных революции должностных лиц из своей среды. В то же время народные общества зорко следили за своими собственными членами, беспощадно изгоняя из своей среды недостаточно стойкие или «чуждые» революции по своему прошлому элементы. С этой целью Якобинский клуб время от времени производил настоящие чистки партии²¹. Провинциальные клубы являлись той мощной организацией, с помощью которой центральное Общество в Париже руководило общественным мнением республики. Один из историков революции²² так характеризует эту роль народных обществ: «В них идеи революции (распространялись миллионами уст... Никакая власть не могла бороться с этими обществами... Мысль, выходя из клуба якобинцев, циркулировала в течение нескольких дней по всей Франции и возвращалась в Париж, чтобы блеснуть в... Конвенте как непреложный плебисцит. В этом и была, быть может, самая новая черта революции. И это распространяло ее идеи с быстротой молнии».

Центральное Общество должно было заботиться и о равномерном распределении сил. В экстренных случаях оно мобилизовало часть своих парижских членов и направляло их в провинцию в подкрепление мирным «патриотам». Так, например, во время гражданской войны летом 1793 г. Парижский клуб мобилизовал и отправил в Лион 40 своих членов «для поддержания революционного духа» в этом городе.

Якобинские организации в центре и на местах пользовались огромной популярностью среди местного населения. В клуб обращались не только с жалобами на злоупотребления со стороны местных властей; туда шли за разбором всякого рода споров между частными лицами, семейных дел и т.п.

В каждой коммуне местным населением избирались революционные комитеты. На их обязанности лежало постоянное наблюдение за всеми врагами революции - неприсяжными священниками, агентами эмигрантов, иностранными шпионами, бывшими дворянами, жирондистами и т.д.

В Париже революционные комитеты имелись при каждой секции. Члены революционных комитетов, в своем большинстве рабочие или мелкие хозяйчики, получали вознаграждение (в Париже 3 ливра в день) из сумм, полученных в виде особого налога на богатых.

Таковы были органы, с помощью которых действовало революционное правительство.

В речи, произнесенной в Конвенте 25 декабря 1793 г., Робеспьер дал следующее обоснование его необходимости и выяснил его сущность.

«Теория революционного правительства, - говорил он, - так же нова, как и сама революция, которая ее выдвинула. Было бы бесполезно искать ее в трудах политических писателей, которые совсем не предвидели нашей революции, или в законах, с помощью которых управляют тираны. Задача конституционного правительства - охранять республику; задача правительства революционного - заложить ее основы». «Революция - это борьба за завоевание свободы, борьба против всех ее врагов; конституция - мирный режим свободы, уже одержавшей победу. Революционное правительство должно проявить чрезвычайную активность именно потому, что оно находится как бы на военном положении. Для него непригодны строго однообразные правила ввиду тех бурных, постоянно меняющихся обстоятельств, среди которых оно действует, и особенно потому, что при наличности все новых и грозных опасностей оно вынуждено беспрестанно пускать в ход все новые и новые ресурсы».

Чтобы отразить иноземное нашествие и спасти завоевания революции, Конвенту предстояло как можно скорее справиться с контрреволюционными выступлениями внутри страны.

Депутаты, принявшие участие в мятежах, были объявлены изменниками отечеству, иначе говоря, подлежащими казни без суда. Были приняты беспощадные меры против тех врагов демократической республики, которые еще не успели скрыться за пределы досягаемости. Бывшая королева Мария-Антуанетта была предана суду Революционного трибунала; 16 октября она была казнена. В распоряжение того же трибунала были переданы и арестованные жирондисты - члены Конвента - и им сочувствовавшие. В конце октября все они пошли на эшафот.

Конвент принял, далее, ряд декретов, специально направленных против эмигрантов, неприсяжных священников²³, иностранных агентов, подстрекателей к мятежам, недобросовестных поставщиков, скупщиков предметов необходимости, укрывателей товаров и т.д.²⁴

Все такие лица были объявлены «подозрительными». К числу подозрительных закон 17 сентября 1793 г. относил также всех тех граждан, «кто своим поведением, или своими связями, или своими речами, или произведениями выказали себя сторонниками тирании или федерализма и врагами свободы».

В лучшем случае их ждала тюрьма и ссылка, в худшем - смертная казнь.

С 31 мая были обречены на молчание все жирондистские газеты и журналы.

Наконец, под Парижем была сформирована особая революционная армия из санкюлотов (городской и деревенской бедноты) для подавления жирондистских и монархических восстаний, для наблюдения за исполнением революционных законов и содействия снабжению столицы продовольственными припасами (5 сентября 1793 г.)²⁵.

Совокупность этих чрезвычайных мер и получила название террористического режима. Слово «террор» вошло в употребление с осени 1793 г., но система исключительных положений, издававшихся в отмену конституционных гарантий, установилась еще со времени революции 10 августа 1792 г.

Таким образом, террор отнюдь не был изобретением якобинцев, и совершенно ошибочно приписывать им какую-то особую кровожадность, а в жирондистах видеть олицетворение человеколюбия. Еще в сентябре 1792 г. жирондист Барбару потребовал установления смертной казни для всех, «кто потеряет надежду на спасение республики». Другой жирондист, Бюзо, добился от Конвента декрета о смертной казни для роялистов (4 декабря 1792 г.). Жирондист Петион первый откровенно заявил, что побежденные партии должны быть уничтожены; наконец, именно жирондисты первые посягнули на так называемую неприкосновенность депутатов, предав члена Конвента, Марата, суду Революционного трибунала.

Несомненно, однако, что в эпоху якобинской диктатуры красный террор принял несравненно более широкие размеры, чем это имело место в конце 1792 г. и в первую половину 1793 г.²⁶ Но объясняется это не какой-то особой «кроважностью» якобинцев, а тем, что со второй половины 1793 г. революция приняла характер открытой гражданской войны, и красный террор стал одним из наиболее действительных средств, к которым республиканцы вынуждены были прибегнуть, чтобы не сделаться самими жертвами белого террора²⁷; без применения организованного насилия к жирондистско-монархической коалиции якобинская республика, стиснутая кольцом внутренних и внешних врагов, погибла бы неминуемо.

В одной из своих речей Робеспьер справедливо ополчается против тех, кто в период гражданской войны лицемерно кричит о произволе революционной власти.

«Те, кто называют революционные законы произвольными или тираническими, - либо глупцы, либо развратные софисты, которые ищут лишь случая уничтожить своих противников; они хотят, чтобы один и тот же режим применялся и в мирное, и в военное время... или, скорее, они просто хотят возврата к королевскому самодержавию и гибели родины. Если они призывают к буквальному выполнению всех конституционных принципов, так только для того, чтобы их же безнаказанно нарушать. Это - трусливые убийцы, старающиеся связать республику пустопорожными правилами, от выполнения которых они сами очень хорошо сумеют отделаться, чтобы без всякого риска задушить республику в самой ее колыбели... Если революционное правительство должно быть более активно и более свободно в проявлении своей деятельности, чем правительство обыкновенное, то разве становится оно от этого менее справедливым или менее законным? - Нет. Оно опирается в своих действиях на священнейший закон «общественного спасения, на самый неотразимый титул - необходимость». Здесь, конечно, возможны ошибки и ложные шаги. Но нельзя «любить отечество в пределах умеренности и аккуратности, и что это за патриот - будь он даже просвещеннейшим человеком, - который никогда не ошибается!»

Террористические законы проводились не только для того, чтобы раздавить внутренних врагов республики и обеспечить успешность отражения неприятеля, но и для того, чтобы заставить граждан соблюдать закон о таксации товаров.

Террористические меры в значительной степени диктовались Конвенту и его Комитетам снизу, парижскими секциями и народными обществами. Так, например, декрет о разоружении всех подозрительных (26 марта 1793 г.) был принят под непосредственным впечатлением адреса одной из парижских секций, прочитанного в Конвенте.

Указывая на успехи вандейского восстания, депутация объясняет их умеренностью мнимых друзей свободы и порядка.

«Твердость, - говорил оратор депутации, - должна быть отличительной чертой всякого истинного республиканца; умеренность является в его глазах трусостью и изменой... Если бы вся орда священников, эмигрантов, контрреволюционеров была обезоружена... могла ли бы она теперь совершать преступления, убивать патриотов, обращать города в пепел?..»

5 сентября депутация, состоящая из комиссаров 48 секций и членов Якобинского клуба, заявляет Конвенту: «Законодатели, поставьте террор в порядок дня!»

Отложившимся от республики городам и вандейским бандам была объявлена беспощадная война. Так, например, относительно Лиона был издан следующий суровый декрет: «Город Лион будет уничтожен, жилища всех богатых будут разрушены, уцелеют лишь дома бедных или изгнанных патриотов, здания, предназначенные исключительно для промышленных целей, в памятники. Имя Лиона будет вычеркнуто из списка городов Республики».

С помощью демократических муниципалитетов и филиальных отделений Якобинского клуба сравнительно легко удалось усмирить восстания в Марселе и Лионе. Осада Тулона затянулась, он был взят лишь в декабре 1793 г., причем множество мятежников были расстреляны.

Вандею было решено «смирить огнем и мечом». Нестройные полчища крестьян были разбиты к концу 1793 г., но окончательное усмирение этого гнезда контрреволюции затянулось на несколько лет. [[«ТЕРРОР В ПОРЯДКЕ ДНЯ!» \(ПОДБОРКА ДОКУМЕНТОВ\)](#), *Р.Авербух. Террористический режим во Франции в 1793-94 гг.*]

Так справился Конвент с первой задачей - раздавить внутренних врагов республики. Не меньшую энергию и настойчивость проявил он в борьбе с врагами внешними. Армия была реорганизована. В феврале 1793 г. был принят декрет о так называемой амальгаме, включивший старые регулярные войска в общую систему добровольческой армии, образовавшейся в годы революции. От системы добровольчества Конвент перешел теперь к принудительным наборам. В августе 1793 г., когда положение на фронте стало особенно критическим, все способные носить оружие граждане в возрасте от 18 до 40 лет были объявлены состоящими под постоянной реквизицией. В первую очередь призывались под знамена все холостяки и бездетные вдовцы в возрасте от 18 до 25 лет. Система массовых наборов дала возможность правительству довести численность армии до 800 тыс. человек и получить перевес над противником. Были созданы новые кадры офицеров, выдвинувшихся из способных и энергичных солдат, всей душой преданных делу революции. В отношении высшего командного состава, старых генералов, Комитет общественного спасения держался политики систематического недоверия. В случае военных неудач он смещал их, требовал к ответу перед Конвентом, предавал суду, нередко казнил, а в то же время постепенно выдвигал на ответственные посты офицерскую молодежь, которая в конце концов дала республике ряд блестящих полководцев.

Чтобы воспитать армию в республиканско-демократическом духе, в войсках велась постоянная политическая работа: по воинским частям распространялись важнейшие декреты Конвента и якобинские газеты, была основана и специально солдатская газета, солдаты и офицеры привлекались к участию в праздновании революционных годовщин, посещали народные клубы. Большую роль в деле политического воспитания армии и поднятия ее боеспособности сыграли особые комиссары, назначавшиеся Конвентом из числа депутатов. Комиссары должны были следить за поведением офицерства и солдат, входя при этом в повседневные нужды армии, принимать все меры для поддержания в ней революционного духа и дисциплины, вести беспощадную борьбу со всеми проявлениями контрреволюции. Обязанные следить за снабжением армии и флота, комиссары могли производить в прифронтовой полосе всякого рода реквизиции и принудительные займы у богатых граждан. Им же было предоставлено право временно смещать гражданских чиновников и лиц командного состава. [А.Дживелегов. Армия Великой французской революции и ее вожди, А.Исбах. Знамена Вальми, Н.Коган. Генералы-изменники перед судом Парижского Революционного трибунала, Е.Коровин. Французская буржуазная революция 1789 г. и законы и обычаи войны, В.Бредель. Комиссар Рейнской армии]

Но революционный дух поддерживался в армии не только пропагандой и агитацией. Специально экономическая политика Конвента велась, как увидим ниже, в интересах широких народных масс, т.е. как раз тех социальных слоев, которые поставляли главный человеческий материал для армий республики. Кроме того, Конвент издал ряд специальных декретов, устанавливавших пенсии военнослужащим, их вдовам и детям. Пенсионерам предоставлялось право покупки национальных имуществ с уплатой в счет пенсии, капитализированной из 10%. Таким путем облегчалось приобретение инвалидами земельных участков и создавались новые кадры граждан, кровно заинтересованных в упрочении завоеваний революции. Наряду с демократической организацией, превосходством военной техники (лучшая артиллерия) и новой, выработанной революционными армиями тактикой (быстрый натиск густыми колоннами), обилием всякого рода материальных ресурсов, которые могло создать только опиравшееся на демократию якобинское правительство, революционный энтузиазм и революционная дисциплина обеспечили войскам Конвента конечное торжество над противником.

С конца сентября французские войска начинают одерживать успехи: австрийцы вынуждены очистить французскую территорию на севере; союзники вытеснены из Эльзаса; в половине декабря снова взят Тулон; на юге остановлено наступление испанцев. Сами враги революционной Франции должны были теперь признать высокие качества ее нового войска. К концу 1793 г. армии коалиции были снова отброшены от французских границ. Успехи французского оружия продолжались и в 1794 г. Решающее значение имела победа над австрийцами при Флерюсе (21 июня), открывшая французам дорогу в Бельгию.

Своими террористическими законами якобинское правительство ущемляло не только дворян и контрреволюционных священников, но и повернувшую уже в сторону реакции крупную буржуазию. Но внешняя политика якобинцев в общем была продолжением традиционной политики Франции, которую проводили прежде короли, а потом жирондисты.

Поддерживаемая всей демократией мелкая буржуазия стойко защищала свободу и буржуазную республику, но ни на минуту не забывала при этом интересов отечественных промышленников и торговцев.

От исхода военной кампании 1793-1794 гг. зависела, правда, судьба революции; но, снаряжая с лихорадочной поспешностью свои армии, Конвент отнюдь не думал только об обороне: едва его армии переходили в наступление и начинали занимать чужие территории, как революционная война за независимость незаметно переходила в завоевательную: «освобожденные» французским оружием страны попадали в зависимость от республики или просто присоединялись к ней. Но иной и не могла быть внешняя политика тогдашней Франции, где пролетариат переживал еще детский возраст и не мог и мечтать о захвате власти. Рабочие были настроены не менее патриотично, чем мелкие ремесленники, крестьяне, лавочники.

Колебания в вопросах внешней политики заметны и у Робеспьера. Мы видели, что в конце 1791 и начале 1792 г. он выступал решительным противником войны, в которой видел серьезную угрозу революционным завоеваниям. И в этом он был прав тысячу раз.

Горячо полемизируя со сторонниками войны - жирондистами, он ссылался при этом лишь на утопичность надежд на быстрое революционизирование Европы, указывал на невозможность вести «освободительную» войну, пока исполнительная власть и высшее командование остаются в руках заведомых контрреволюционеров. Робеспьер прекрасно понимал, что путем вовлечения Франции в войну жирондисты надеялись стать у власти. Но экономические мотивы их воинственной агитации остались для него незаметными.

Поэтому, когда обстоятельства изменились (враги были на французской территории, а монархии уже не существовало), Робеспьер стал на точку зрения защиты отечества и революционных завоеваний и в то же время целиком воспринял жирондистскую теорию «освободительной» войны. Теперь он разделял лозунг пропаганды революционных принципов силой оружия. В свою Декларацию прав он поместил следующие четыре статьи, долженствовавшие определять внешнюю политику Франции: «Люди всех стран - братья, и различные народы должны помогать друг другу по мере возможности, как граждане одного и того же государства. - Тот, кто угнетает одну нацию, заявляет себя врагом всех. - Ведущие войну с народом с целью задержать успехи свободы и уничтожить право человека должны подвергнуться преследованию всех не только как обыкновенные враги, но как убийцы и бунтовщики-разбойники. - Короли, аристократы, тираны, кто бы они ни были, суть рыбы, возмущившиеся против верховного повелителя земли, т.е. человеческого рода».

Однако это воинственное настроение, по-видимому, было лишь временным. Робеспьер огласил свою Декларацию прав 24 апреля 1793 г., в разгар борьбы с жирондистами; очень возможно что, критикуя умеренность жирондистского проекта конституции²⁸ вообще, он шел в вопросе иностранной политики дальше своих противников в чисто полемических целях.

По крайней мере в якобинскую конституцию, обсуждавшуюся в Конвенте в июне того же года, эти статьи из Декларации Робеспьера не вошли. Мало того: он нисколько не возражал против внесения в новую конституцию декрета, принятого еще 13 апреля. А между тем там определенно говорилось, что республика отнюдь не намерена вмешиваться во внутренние дела других государств. Первые месяцы якобинской диктатуры совпали как раз с наиболее критическим положением на внешнем и внутреннем фронте, причем военное поражение облегчило бы работу контрреволюционеров внутри страны. В этот период революционному правительству приходилось напрягать все усилия, чтобы дать отпор врагу. В качестве члена Комитета общественного спасения Робеспьер принимал самое деятельное участие в деле организации национальной обороны. Не раз ему поручалось сноситься с генералами и комиссарами на фронте.

Из посылавшихся им инструкций видно, что Робеспьер был тогда сторонником самого энергичного ведения войны в целях ее скорейшего окончания; но те захватнические проекты, которые выдвигались в Конвенте по мере успехов французского оружия, оставались ему чужды. [*А.Нарочницкий. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г., МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА В ДОКУМЕНТАХ*]

«Необходимо использовать все возможности, чтобы при случае заключить почетный мир, - говорил он в Якобинском клубе. - Победоносная республика должна «продиктовать мир», но не «захватнический», а такой, который обеспечил бы за Францией ее прежние границы и дал бы ей возможность завершить революцию». «Необходимо вооружаться, но не для того, чтобы идти за Рейн - это значило бы воевать вечно, - а для того, чтобы добиться мира без завоеваний», - читаем в его записках. Само собой разумеется, что пока государственная власть оставалась в руках буржуазии (хотя бы и мелкой!), все мечты о мире без аннексий, предлагаемой победителями, были чистой утопией. Но не будем слишком строги к Робеспьеру, мелкобуржуазному революционеру конца XVIII в.: ведь на той же позиции стояли и стоят многие «социалисты» в начале XX столетия в эпоху мировой пролетарской революции!

Относясь к войне как к неизбежному злу, Робеспьер никогда не восторгался победами французского оружия, он вполне разделял мнение своего друга Сен-Жюста, который говорил:

«С каждой битвой мы теряем тысячи свободных людей, тогда как коалиция теряет лишь рабов».

Даже в самые опасные для существования республики моменты Робеспьер был самым горячим противником какой бы то ни было независимости генералов от гражданских властей, как будто предчувствуя, что один из победоносных командиров скоро окажется палачом французской свободы.

Глава VIII. Социальная политика якобинской республики. Новые задачи, выдвинутые революцией. Раскол в якобинстве. Робеспьер и дантонисты. Якобинцы и «бешеные». Разгром Коммуны. Гибель дантонистов

Что дала мелкобуржуазная власть якобинцев народным массам в области социально-экономической?

Что определяло законодательную деятельность Конвента после революции 2 июня? С одной стороны, ему приходилось принимать некоторые чрезвычайные меры для спасения страны, находившейся в положении осажденного города, с другой - нужно было считаться с нуждами и требованиями той городской бедноты, которая поддерживала якобинцев в их борьбе с жирондистами и сделала возможной победу Горы. Нельзя было игнорировать дольше и требования крестьянства, без поддержки которого была немыслима успешность национальной обороны.

Взяв власть, якобинцы должны были уплатить по векселям, выданным ими революционной демократии, не забывая в то же время и интересов средних слоев - этой истинной опоры партии Робеспьера.

Монтаньяры провели в Конвенте «принудительный заем» в форме прогрессивно-подоходного налога, причем доходы, не превышавшие 1000 ливров, освобождались от всякого обложения, доходы же свыше 9 тыс. ливров целиком подлежали усиленному обложению. Следует, однако, отметить, что этот декрет был лишь временной мерой, и крупные собственники могли не беспокоиться, что будет положен предел накоплению капиталов.

Для смягчения неравенства состояний была уничтожена свобода завещаний, теперь все дети должны были получать равную долю из отцовского наследства; наследователь мог распорядиться лишь 1/10 своего имущества, завещав его кому-нибудь из дальних родственников или посторонних лиц. Был установлен и максимум дарений (не свыше 200 тыс. ливров); граждане, уже имевшие собственность на эту сумму, лишались права на получение дарений совсем.

В Декларации прав, предшествовавшей новой конституции, правда, не было статьи о праве на труд, предлагавшейся раньше Робеспьером. Конвент принял декрет о социальном обеспечении: предполагалось выдавать пособия отцам семей, живущим своим трудом и содержащим более двух детей (до 12-летнего возраста), родильницам, пенсии старикам, достигшим 60 лет. Декрет этот не был, однако, проведен в жизнь. Но, кроме того, в интересах городской бедноты введена была оплата посещения заседания секции в размере 40 су²⁹ в день, т.е. 75 коп. (по курсу до 1914 г.), что не могло, однако, возместить рабочему его заработка за потерянный день³⁰.

Декрет 29 сентября устанавливал, наконец, максимальные цены на все важнейшие предметы потребления и на сырые материалы. Еще раньше (в апреле 1793 г.) был издан декрет об обязательном исчислении всех платежей в ассигнатах, всякая торговля металлической монетой была воспрещена. Осенью того же года были усилены кары за отказ в приеме бумажных денег по их номинальной стоимости. Эти мероприятия должны были содействовать устойчивости курса бумажных денег. В интересах крестьянства, давно уже настаивавшего на пересмотре земельных законов Учредительного и Законодательного собрания, Конвент отменил все и всякие феодальные повинности без всякого выкупа (декрет 17 июля 1793 г.). Все судебные дела по взысканию недоимок с крестьян были прекращены. Чтобы уничтожить самые следы сеньориального строя, Конвент предписал всем бывшим сеньорам представить в трехмесячный срок все документы, на основании которых взимались с крестьян феодальные платежи. Все эти феодальные документы подлежали затем сожжению через палача.

Таким образом, лишь после четырех лет революции крестьяне получили, наконец, то, что было им обещано Учредительным собранием еще в августе 1789 г.: полную отмену феодального режима. Крестьянин стал свободным собственником своей земли, не обязанным никакими платежами и повинностями в пользу помещиков.

Другим важным законом в пользу крестьянства был декрет 10 июня, возвращавший сельским общинам все угодья, оказавшиеся в руках сеньоров. Разрешив раздел общинных земель (по требованию 1/3 общинников) в собственность между отдельными крестьянами, Конвент установил принцип поголовного раздела, что было в интересах среднего и мелкого крестьянства. Чтобы облегчить городской и деревенской бедноте возможность покупать землю из национализированного фонда, был издан декрет (13 ноября 1793 г.), предоставлявший главам семей, не имеющих собственности, право закупать участки из эмигрантских земель, если стоимость участка не превышает 500 ливров, с рассрочкой уплаты на 15 лет, равными взносами и без начисления процентов.

Но, распродавая национальный земельный фонд в частную собственность и проводя раздел общинных земель, Конвент увеличивал число мелких и средних крестьян-собственников.

Таковы были социально-экономические мероприятия Конвента. Было бы, однако, ошибочно думать, что они могли удовлетворить городскую и сельскую бедноту. Чем дальше развивалась революция, тем сильнее обострялись классовые противоречия. С другой стороны, вызванная войной хозяйственная разруха ставила все новые и новые задачи, разрешить которые, не затрагивая серьезно частной собственности, было невозможно. Наступало время, когда мелкобуржуазное правительство якобинцев должно было стать тормозом дальнейшего развития революции, подобно тому как жирондистская власть стала таким тормозом со времени революции 10 августа.

Закон против скупщиков (26 июля 1793 г.) обязывал владельцев находящихся на складах товаров в восьмидневный срок заявить о таковых местным властям, указав при этом, желают ли они продать эти товары в розницу или оптом. В первом случае немедленно открывается продажа таких товаров всем желающим (под надзором комиссара), во втором - распродажа переходит в руки муниципалитета, который передает затем вырученную за них сумму владельцу, которому гарантируется лишь «коммерческая» (т.е. обычная) прибыль. Лицам, не заявившим в установленный срок об имеющихся у них запасах предметов первой необходимости или давшим ложные сведения, закон грозил смертной казнью. Этот закон был как бы приступом к муниципализации всей торговли.

Но эта мера не могла удовлетворить городской и деревенской бедноты, требовавшей теперь установления твердых цен на все предметы первой необходимости³¹.

Настроение в Париже было тревожное. 4 сентября перед ратушей собралась огромная толпа; демонстранты жаловались на недостаток продуктов и бесконечные очереди у лавок. 11 сентября была установлена единообразная, максимальная цена на зерно для всей страны (центнер пшеницы в зерне - 14 ливров, центнер ржи - 10 ливров); все мельницы объявлялись под реквизицией, местные власти получили право реквизировать хлеб у землевладельцев и требовать представления ими на рынок необходимого количества хлеба. Вместе с тем всякая частная торговля хлебом отныне была воспрещена.

Вопрос о твердых ценах стоял несомненно в центре социально-экономической политики якобинцев. Но прежде чем давать оценку закону о максимуме, необходимо хорошенько уяснить себе организацию продовольственного дела, как она сложилась к 1794 г., в целом.

До издания закона 4 мая 1793 г. твердые цены на хлеб и мясо устанавливались там и сям по инициативе отдельных коммун. С этого времени наступает период нормирования цен в общенациональном масштабе, причем вначале установление максимума ограничивается только хлебом. В этот период государство ограничивалось установлением своего контроля над частной торговлей. Органами этого контроля на месте являлись муниципальные власти, которые должны были произвести учет имеющегося в их округе хлеба, следить за соблюдением установленных такс, реквизировать хлеб в случае недостаточного подвоза его на рынки, выдавать разрешения частным лицам (не торговцам) на покупку хлеба вне рынков и т.п. Декрет против скупщиков (26 июля 1793 г.) устанавливал обязательный выпуск в продажу имеющихся на складах товаров (не только хлеба, но и целого ряда предметов первой необходимости). Возлагая на муниципалитеты распродажу товаров, имевшихся у оптовых торговцев, декрет содержал в зародыше муниципализацию торговли.

Новый период в деле организации снабжения открывается декретами 3 и 29 сентября 1793 г. Первый из них, устанавливая единообразные твердые цены на зерно по всей республике, воспрещал всякую частную торговлю хлебом. Отныне дело снабжения городского населения хлебом производилось посредством реквизиции его у сельских хозяев. Все сельские коммуны прикреплялись к тем или иным крупным рынкам, поставляя на них определенное количество хлеба.

В невыполненные наряды коммуны посылалась военная сила, которая и производила реквизицию. С этой целью кое-где на местах были организованы продовольственные армии. Для обеспечения продовольствием Парижа Конвент создал так называемую революционную армию.

Декрет 29 сентября распространял максимум почти на все виды сырья и фабрикатов. При установлении такс за основу брались цены 1790 г., которые увеличивались затем на 1/3; кроме того, накидывалась стоимость провоза и 15% в виде прибыли оптовых и розничных торговцев³². Выработка и опубликование твердых цен для отдельных местностей возлагались на муниципалитеты; впоследствии вся работа по проведению закона о «всеобщем максимуме» перешла к центральной Комиссии по снабжению республики продовольствием, исполнительным органом которой было Бюро максимума. Комиссия составила таблицы твердых цен и разослала их по дистриктам в начале 1794 г. [[Из закона 26 июля 1793 г. о продовольствии](#), [Закон 29 сентября 1793 г. о максимуме](#), [Сообщение о выполнении закона о максимуме](#), [Из декрета 3-4 вантоза \(21-22 февраля 1794 г.\)](#), [дополняющего закон о максимуме](#)]

Максимальные цены устанавливались сперва на 11 месяцев (до сентября 1794 г.), после чего они были повышены на 25%.

Наряду с общественной организацией снабжения хлебом якобинская республика создала и зачатки распределительного аппарата. Муниципализация охватила булочные и мясные лавки, торговля прочими товарами осталась в частных руках³³.

Зимой 1793-94 г. ввиду наступления мясного кризиса³⁴ в Париже Коммуна установила мясной паек для каждого жителя в размере 1 ф. в декаду³⁵. Хлебный паек выдавался в Париже сначала по 1 ф. в день, потом по 1/6 ф. в день на человека (с добавкой горсти риса).

Хлеб выдавался по карточкам («бонам»), выдававшимся в коммунальном управлении. Получать его можно было лишь в той булочной, к которой был приписан данный гражданин. В целях экономии муки Конвент установил единый вид размола и однообразный сорт хлеба, получивший название «хлеба равенства» (декрет 15 ноября 1793 г.).

Местами коммунальные власти проводили, выражаясь современным языком, систему «классового пайка». Так, в Шалоне летом 1794 г. хлеб выдавался всем гражданам, за исключением получателей рент - и вообще людей зажиточных как могущих оплатить расходы по поездке за хлебом. В департаменте Йонны взрослые получали хлеба по 1 1/2 ф. в день, старики, дети и больные - по 1 ф.

Осуществление законов о твердых ценах и муниципализации хлебной торговли встретило чрезвычайные затруднения.

Благодаря все новым и новым выпускам ценность ассигнатов неудержимо падала³⁶. К моменту издания закона 29 сентября ценность ассигнатов упала на 73% их номинальной стоимости, цены на вольном рынке были в полтора-два раза выше твердых. Обесценение ассигнатов усиливалось благодаря усиленной скупке золотой монеты и векселей на Лондон, Гамбург и Амстердам спекулянтами и вообще всеми, у кого скопилось на руках много бумажных денег. Буржуазия находила тысячу способов и лазеек, чтобы фактически обойти закон о максимуме и продавать выше нормировочных цен. Так, все сорта хлеба и мяса продавались обычно по ценам высшего сорта. [[Матвез А. Финансовый вопрос](#)]

Торговцы перевозили товары туда, где такса на них была выше, создавая искусственный недостаток в них в тех местах, где твердые цены были ниже. Из Ормана жаловались, что купцы обходят закон, не соглашаясь продавать или заявляя, что товаров нет, если не получают предварительно от покупателя взятки, которая иногда вдвое - втрое выше установленной цены. Торговцы предпочитали или скрывать товары, или продавать их из-под полы состоятельным людям, которые закупали их большими партиями и охотно платили спекулятивные цены, лишь бы избавиться от обесценивавшихся с каждым днем «бумажек»³⁷.

С другой стороны, затянувшаяся война привела Францию к полной хозяйственной изоляции от остального мира. В результате целый ряд предметов первой необходимости, как мыло, свечи, осветительное масло и т.п., совершенно исчезли с рынка: их нельзя было достать ни за какие деньги. Обострение гражданской войны еще более усиливало дезорганизацию народного хозяйства и удорожало производство. Сами представители власти признавали, что, несмотря на строгие кары, закон о максимуме во множестве случаев не соблюдается. В конце июня 1794 г. Комитет общественного спасения ставит на вид комиссии по снабжению, что закон о твердых ценах «ежедневно нарушается в магазинах и на рынках». Бюро максимума признается, что число жалоб его агентов на неисполнение закона о максимуме «бесконечно».

Система реквизиций встречала упорное сопротивление со стороны сельских хозяев (в частности, крестьянства), прятавших свои хлебные запасы или отказывавшихся от поставок всей деревней. Но даже и те коммуны, которые первое время выполняли свой наряд полностью, становятся потом все неаккуратнее, причем больше всего реквизиция хлеба встречает препятствия в тех селениях, где преобладало зажиточное крестьянство³⁸.

Слабое поступление хлеба по разверстке объяснялось не только сопротивлением кулацких элементов, но и несовершенством административного аппарата: учет имевшихся запасов производился плохо, реквизиции носили зачастую бессистемный характер.

Вообще при сохранении денежного хозяйства и частной собственности на средства производства нормировка цен могла быть лишь временным паллиативом: в обстановке все возрастающей эмиссии и разрушения производительных сил, вызванного внешней и гражданской войной, твердые цены постоянно срывались вольным рынком. Смягчить кризис могло бы установление контроля государства над производством и проведение полной национализации торговли. Но якобинское правительство не пошло дальше весьма робких мер «военного хозяйства» - снабжение работавших на оборону предприятий сырьем, прикрепление к ним рабочей силы, обязательная обработка полей призванных в армию крестьян их односельчанами и т.п. Не было издано ни одного декрета, который означал бы переход к регулированию промышленности в целом, и это, конечно, не случайность: в конце XVIII в. не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности еще не существовало тех экономических и социальных предпосылок, без которых вмешательство государства в организацию производства невозможно. При распыленности французской индустрии и незрелости рабочего класса нечего было и думать не только о национализации хотя бы некоторых отраслей, но даже об установлении государственного контроля над промышленностью³⁹. При таких условиях стоявшая у власти мелкая буржуазия была бессильна вывести страну из экономического кризиса. Но если закон о всеобщем максимуме в значительной мере не достиг своей цели, из этого вовсе не следует, что введение твердых цен было вообще какой-то досадной ошибкой, ничего не давшей бедноте и только разрушившей французскую промышленность, как это утверждают некоторые историки⁴⁰.

Разрушение промышленности, конечно, нельзя относить всецело на счет максимума хотя бы уже по одному тому, что рядом действовали в гораздо большей степени такие причины, как исчезновение сырья в результате войны и блокады, недостаток в рабочих руках, отвлеченных в армию, - вообще массовое разрушение производительных сил, эти неизбежные «издержки» всякой затяжной войны и революции, особенно осложненной длительной гражданской войной.

С другой стороны, в обстановке острой гражданской войны, тяжелого положения на фронтах и экономической изоляции страны введение максимума было совершенно неизбежной мерой, сыгравшей важную социально-политическую роль. Без установления твердых цен и системы реквизиций излишков хлеба и мяса якобинское правительство не смогло бы снабжать продовольствием ни своей полуторамиллионной армии, ни тех городских санкюотов, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с контрреволюцией в 1793-1794 гг.⁴¹ Правда, политика твердых цен затрагивала интересы и мелкой буржуазии, по якобинское правительство старалось по возможности нажимать на крупный капитал⁴².

Что введение максимума было жизненной необходимостью для тогдашней Франции, это доказывается и опытом европейских государств в эпоху мировой войны: ведь вся политика так называемого государственного капитализма началась с установления твердых цен.

Но если введение максимума и облегчало тяжелое положение якобинской республики, это еще не значит, что оно могло улучшить положение городской и сельской бедноты сколько-нибудь серьезно и прочно.

Мы видели, что в 1794 г. закон о твердых ценах соблюдался весьма плохо, что весьма тяжело отразилось на экономическом положении беднейших классов. В одной докладной записке того времени читаем: от продажи товаров вдвое - втрое выше таксы «гораздо менее страдал... зажиточный гражданин, который мог пережить это повышение цен, сокращая свои другие расходы, чем человек, доход которого ограничен, например рабочий, живущий своим ежедневным трудом; бедная мать, обремененная семьей; нуждающийся человек, который ничего не ест, кроме хлеба, но именно поэтому должен потреблять хлеба больше».

Не улучшая сколько-нибудь серьезно положение рабочих как потребителей, закон о максимуме ограничивал их доходы как продавцов рабочей силы. Дело в том, что он устанавливал не только твердые цены на товары, но и фиксировал заработную плату. Правда, согласно закону о максимуме, денежный заработок рабочего повышался в полтора раза по сравнению с 1790 г.; но какое значение могло иметь это повышение, когда предметы потребления вздорожали за этот же период в три-четыре, а в 1794 г. в пять-шесть, даже десять раз!

Классовый характер закона с очевидностью выступал и в том способе, каким исчислялись максимальные цены на рабочие руки. Нормировка заработной платы возлагалась на органы местного самоуправления, которые были всецело в руках крупной и мелкой буржуазии, а не рабочих.

Наиболее обычной ставкой было 3 ливра в день или 939 ливров в год. Между тем содержание взрослого рабочего в 1793 г. обходилось в среднем в 714 ливров; на содержание семьи пролетария оставалось всего 225 ливров, значит, 3 ливров в день могло хватить лишь для холостых.

Но были ставки и гораздо ниже 3 ливров - от 2 ливров 75 сантимов до 1 ливра 50 сантимов (от 1 руб. до 57 коп.), причем по закону отнесение рабочих к той или другой категории всецело зависело от предпринимателей. Положение сельскохозяйственных рабочих ухудшалось тем, что закон разрешал надбавку к заработной плате 1790 г. только в денежной ее части: натуральная заработная плата (продуктами) должна была оставаться неизменной. Воспрещалось и переводить ее в денежную форму.

Чтобы заставить рабочих исполнять закон о максимальной заработной плате, государство в широких размерах реквизировало рабочие руки для нужд сельского хозяйства и предприятий, работавших на оборону, - как государственных, так и частных (бумажные фабрики, верфи и т.д.). В таком случае рабочие как бы прикреплялись к предприятию, и в то же время у пролетариата не было ни малейшей возможности организованно отстаивать свои экономические интересы. Закон Ле Шапелье продолжал применяться с неуклонительной строгостью. Особым декретом Конвент подтвердил воспрещение всяких сборищ и коллективных жалоб. Малейшие попытки к устройству стачек сурово подавлялись. Рабочим, уклонившимся от реквизиции, грозило занесение в списки подозрительных, что влекло за собой тюремное заключение на неопределенный срок, а то и предание суду Революционного трибунала.

Все это неизбежно толкало пролетариат и городскую бедноту вообще в оппозицию к якобинскому правительству.

Недовольство замечалось и в деревне. Распродажа земель, конфискованных у церкви и дворян-эмигрантов, пошла на пользу главным образом городской и сельской буржуазии. Напрасно раздавались голоса за отмену системы продажи с аукциона и за предоставление участков в первую очередь безземельным и малоземельным крестьянам, с рассрочкой платежей на 20 лет. Конвент остался при системе, установленной Учредительным и Законодательным собраниями и поощрявшей крупные покупки: нельзя же, чтобы все были земледельцы: «Торговля и промышленность требуют рук, необходимо разделение труда!» - говорил депутат Луазо.

В результате расслоение крестьянства пошло еще быстрее, усилился и антагонизм между бедняками и зажиточными сельчанами, превращавшимися в кулаков. Крупные имения скупались спекулянтами с целью перепродажи; на этой операции наживались колоссальные состояния.

Оттесняемая от земли деревенская беднота считала такие порядки вопиющей несправедливостью. Все чаще поговаривали о необходимости более равномерного распределения земли, о праве каждого на получение известной доли из национальных имуществ, об «аграрном законе», проповеди которого так боялись не только жирондисты, но и монтаньяры.

Подобные же мысли бродили в головах городских рабочих и разорявшихся кустарей, которые видели в разрешении аграрного вопроса лучшее средство в борьбе с дороговизной голодом и безработицей.

Уравнительные настроения среди городской и деревенской бедноты отразились и на появившихся тогда общественных теориях.

В то время крупная промышленность едва зарождалась, земледелие играло преобладающую роль в народном хозяйстве. Не удивительно поэтому, что самые крайние публицисты думали разрешить социальный вопрос путем частичной национализации земли, насаждением мелкобуржуазного социализма и аграрного коммунизма.

Так, будущий коммунист Бабеф требовал национализации всех земель, конфискованных у эмигрантов⁴³.

Священник из Мошана, Доливье выдвигал в своем «Опыте о первобытной справедливости»⁴⁴ два основных начала: первое - что земля принадлежит всем, т.е. никому в частности, а второе - что каждому принадлежит исключительное право на произведение его труда. «Земля, - говорил Доливье, - ...должна быть рассматриваема как великий обширный запас природы... каждый должен иметь свою долю из этого запаса. Одно поколение не может составлять законы для следующих поколений и лишать их верховных прав: тем более не имеет оно никакого права лишать их достояния». Действительным собственником земли является весь народ.

Только движимая собственность может передаваться по наследству. Всякий имеет право получить из общего земельного фонда столько, сколько может обработать с помощью своей семьи (трудовая норма!); но владеть своим участком земли он может лишь пожизненно. Рядом с частными хозяйствами могла бы вестись и общественная обработка земли.

Доливье требовал «полной разбивки (крупных - *Н. Л.*) ферм» и раздела земли мелкими участками между всеми безземельными и малоземельными. По его мнению, это было бы единственно действительной мерой к поднятию сельского хозяйства. «Земля была бы лучше обработана, умножились бы средства существования каждой семьи, на рынки поступало бы больше продуктов, и мы избавились бы от самой отвратительной аристократии - аристократии фермеров»⁴⁵. Тогда можно будет получать в таком изобилии земледельческие продукты, что не будет надобности в продовольственных законах, «необходимых в настоящее время, но тем не менее представляющих большие неудобства».

В связи с дороговизной и продовольственным кризисом этот же Доливье рекомендовал трудовому крестьянину заводить кооперативные сыроварни и маслобойни, товарищества для сбыта сельскохозяйственных продуктов и т.п.

Лионский коммунист Ланж выдвигал даже проект фаланстера, где разработка земли соединялась бы с занятием промышленностью.

Ухудшение в положении городской и сельской бедноты и обострение классовых противоречий на этой почве означали наступление нового этапа в развитии революции, новое размежевание общественных сил, появление новых партийных группировок.

Революция 10 августа ускорила разрыв между прогрессивной буржуазией и демократией, восстание 31 мая и 2 июня дало победу демократическому блоку во главе с якобинцами. Дальнейшее развитие революции повело к распадению этого блока и к расколу в самом якобинстве.

Крайнюю правую в этом блоке составляли дантонисты - политическое течение, занимавшее промежуточную позицию между якобинцами и жирондистами. Дантонисты были представителями интересов буржуазной интеллигенции - журналистов, врачей, адвокатов, молодых ученых, артистов и художников, массами устремлявшихся в Париж, этот центр умственной и административной жизни Франции.

Эта интеллигенция плохо понимала экономические нужды народных низов, выше всего она ставила политическую свободу и политическое равенство, которое давало бы широкий простор духовным силам и открывало людям умственного труда неограниченный доступ ко всем профессиям и должностям. Действительно, революция дала интеллигенции полную возможность проявить свои таланты и способности, достичь высших должностей в государстве; выйти из полунищенского положения, в каком находилось большинство людей умственного труда при старом порядке, приобрести достаток, а иногда и крупное состояние. Соблазн легкого обогащения был тем более велик, что революционное правительство со всех сторон лепили всевозможные дельцы, спекулянты, военные поставщики, предлагавшие крупные взятки агентам власти для благополучного осуществления своих грабительских операций.

Когда дантонисту Фабру д'Эглантину задали при «чистке» вопрос о размерах его состояния, он гордо ответил, что «этим состоянием он обязал исключительно своему таланту». Известно, что состояние Дантона, несмотря на широкий и веселый образ жизни, возросло за время революции в 10 раз, причем в значительной своей части было вложено в покупку недвижимости из фонда национальных имуществ. Дантонисты желали наслаждаться и наслаждались всеми радостями жизни, сделав лозунгом республики «счастье», а потому не хотели и слышать о мелкобуржуазном царстве добродетельной умеренности, которую насаждали сторонники Робеспьера, выдвигавшие формулу: «Право собственности должно быть ограничено обязанностью уважать права других»⁴⁶. Протестуя против суровой мещанской добродетели городских заправил Парижа (шометтистов), Демулен писал: «Как? Пале-Рояля больше нет! Оперного театра нет! Мео нет! Ведь это предсказанная пророком Даниилом мерзость запустения, это прямо контрреволюция!» Тот же Демулен не одобрял мероприятий Коммуны по ликвидации домов терпимости, выдвигая весьма сомнительный аргумент, будто таким образом шометтисты восстанавливают против республики всех развратников и ослабляют одну из важнейших пружин, на которых держится всякое правительство, - «распущенность нравов».

В начале борьбы между Горой и Жирондой дантонисты старались примирить обе партии. Дантон мечтал о блоке всех республиканцев для совместной борьбы с контрреволюцией и иноземным нашествием.

Но стремление жирондистов ослабить влияние Парижа, превратить его из «сердца и мозга революции» в простую 1/83 часть страны, предпринятая ими травля против так называемых сентябрьских убийц, к которым в первую голову относили Дантона; наконец, связи Жиронды с изменником Дюмурье - все это заставило Дантона и его единомышленников действовать в тесном контакте с якобинцами. Впрочем, даже в решительные дни перед революцией 31 мая Дантон делал попытки примирить враждовавшие партии. Во всяком случае Дантон никак не ожидал, что движение 31 мая приведет к чистке Конвента. Он не хотел гибели жирондистов.

Но вот Конвент очищен от жирондистов, а к концу 1793 г. республиканские войска стали одерживать крупные успехи над армиями коалиции; удалось разгромить и важнейшие очаги контрреволюции внутри страны. Дантонистам казалось, что при таких условиях революцию можно считать законченной. Что пора перейти от диктатуры мелкой буржуазии и системы террора к нормальным конституционным порядкам. Они не хотели понять, что борьба за упрочение республики далеко еще не закончена, и принимали, по выражению одного историка, «день битвы за день, следующий за победой». В № 4 «Старого Кордельера» Демулен требовал учреждения «Комитета милосердия», который подготовил бы амнистию политическим заключенным. «Вы хотите, - писал он, - чтобы я признал свободу и упал к ее ногам. Так откройте тюремные двери тем 200000 граждан, которых вы называете подозрительными; ведь в Декларации прав не существует таких домов для подозрительных, а есть только арестные дома. В настоящее время республика имеет дело лишь с мнимой опасностью; внутри ей приходится сражаться лишь с женщинами, стариками да худосочными. Те дельцы, рантье и лавочники, что сидят в тюрьмах, - люди просто индифферентные, они только зрители революции».

В отрицании необходимости дальнейшего террора Дантон решительно разошелся с Робеспьером. Разрыв с якобинцами означал устранение от власти: Дантон, до сих пор самый влиятельный член правительства, не был избран во второй Комитет общественного спасения (10 июля 1793 г.).

Еще более отрицательно, чем к террору, относились теперь дантонисты к радикальной агитации левого крыла якобинцев, опиравшегося на Парижскую коммуны. Дантонисты считали, что революция достигла уже всех своих целей, что дальнейшее ее развитие привело бы лишь к господству неимущих в ущерб собственникам и интеллигенции.

«Я предлагаю не верить тем, кто хотел бы повести народ за пределы революции и стал бы предлагать ультрареволюционные меры», - говорил Дантон в речи от 3 декабря 1793 г. А его друг Камилл Демулен начал в своем журнале систематическую травлю Парижской Коммуны и ее заправил - Шометта и Эбера, изображая этих последних провокаторами, подкупленными Питтом, которые захватывают не принадлежащую им власть и своими эксцессами хотят дискредитировать республику.

Вполне удовлетворенная достигнутыми завоеваниями и уже уставшая от революции буржуазная интеллигенция не хотела новых потрясений. «Идти на крайние революционные меры, - писал Демулен, - значит обратить страну в то, что древние географы обозначали слонами: «Там нет уже ни городов, ни жилищ, там только пустыни, дикари, льды или вулканы»». Пока революционное правительство находило поддержку в самых широких массах, дантонистская оппозиция не могла его особенно тревожить. [Дантон Ж.-Ж. Избранные речи, Фридлянд Ц. Дантон]

Гораздо опаснее, с точки зрения Робеспьера, были противники правительства «слева».

Преобладающим течением в якобинстве было то, которое группировалось вокруг Робеспьера и составляло правительственное большинство после падения Жиронды. Но если с точки зрения крупной буржуазии и ее представителей революция должна была остановиться на завоеваниях, достигнутых переворотом 10 августа, то мелкая буржуазия и ее партия - якобинцы - не хотела идти дальше той социально-экономической программы, которую Конвент проводил после 2 июня.

Выполнив свою историческую задачу, мелкая якобинская буржуазия становится мало-помалу консервативной силой: она против всяких сделок с контрреволюцией, но она не менее боится и всякого движения вперед, к новым революционным завоеваниям, не укладывавшимся в головах самостоятельного мастера или мелкого лавочника.

Робеспьер был типичным представителем этого течения. По его мнению, успешность борьбы с внутренним и внешним врагом требовала твердого правительства, опирающегося на единый фронт всей демократии. Всякое уклонение как вправо - в сторону дантонистов, требовавших прекращения террора, так и влево - в сторону «бешеных», как увидим, шедших в своих требованиях дальше Горы, казалось Робеспьеру одинаково недопустимым: он против обеих «крайностей», которые-де лишь на руку контрреволюции.

«Две коалиции вот уже несколько времени открыто соперничают между собой, - писал он в черновой записке, найденной в его бумагах после 9 термидора. - Одна из них стремится к излишней умеренности, другая же - к крайностям, которые, в сущности, лишь вредны для революции. Одна ведет войну против всех энергичных патриотов и проповедует снисхождение по отношению к заговорщикам; другая исподтишка клеветает на защитников свободы, стремится уничтожить каждого патриота, кто хоть раз в чем-нибудь ошибся... Одна стремится воспользоваться своим влиянием в народных обществах».

Под первой коалицией Робеспьер разумел жирондистов и дантонистов, под второй - Парижскую Коммуну и «бешеных».

В Коммуне робеспьеровцы составляли правую; центровое большинство, в ней принадлежало «левым» якобинцам, одним из вожаков которых был прокурор Коммуны Шометт.

Шометт был одним из немногих якобинцев, которые еще в феврале 1793 г. правильно поняли движение городской бедноты, стихийно возникшее на почве дороговизны. Причину февральского погрома он видел в полном несоответствии между заработной платой рабочих и ценой не только хлеба, но и предметов «второй необходимости». Революция дала бедняку свободу и равенство, говорил он, «но чтобы жить свободным, надо вообще иметь возможность жить!»

В сентябре он принимает деятельное участие в борьбе за издание всеобщего максимума. Отвечая голодной толпе, бушевавшей 3 сентября перед Городской думой, Шометт, между прочим, говорил: «Это - открытая война богачей против бедняков, богачи хотят нас раздавить; прекрасно! надо предупредить их, уничтожив их самих. Сила - в наших руках... Надо создать немедленно революционную армию, которая предприняла бы обход деревень; пусть каждый отряд этой армий везет за собой роковое орудие народного мщения (гильотину); все скупщики, все богатые фермеры, которые отказываются снабжать нас продовольствием, падут под нашими ударами».

Группа Шометта представляла в Коммуне интересы беднейшей мелкой буржуазии Парижа и части рабочих; Ее требованиями были: 1) усиленное обложение богатых посредством прогрессивно-подходящего и поимущественного налога; 2) организация общественных работ для смягчения безработицы; 3) раздел части национальных имуществ и передача их в аренду неимущим гражданам; 4) установление строгих наказаний за ростовщичество; 5) обеспечение населения дешевым хлебом с отнесением расходов за счет городского самоуправления. Шометтисты были сторонниками твердой продовольственной политики, они требовали беспощадной реквизиции хлеба у крестьян-богатеев для снабжения им городов. Один из «левых» якобинцев, Ронсен, был начальником «революционной армии», организованной конвентом для борьбы с контрреволюционерами и обеспечения Парижа продовольствием путем реквизиции хлеба в его окрестностях. Вот как представляли себе некоторые шометтисты работу этих продотрядов. «Явившись в деревню, отряд спросит: Что, фермер богат? - В случае утвердительного ответа его можно казнить: значит, он скупщик».

В области муниципальной политики Шометт разрабатывал проекты устройства больниц, госпиталей, приютов для стариков, реформы школьного дела, организации помощи беднейшему населению Парижа и т.д.

Но осуществление этой программы требовало больших расходов, а следовательно, означало усиленное обложение парижской буржуазии. А так как крупный капитал был слаб в столице, то всякое новое увеличение коммунальных налогов затрагивало интересы того широкого слоя мелкой зажиточной буржуазии, которая составляла ядро якобинской партии. Твердынями «левых» якобинцев была Парижская Коммуна, военное министерство и клуб Кордельеров. [*Н. Фрейберг. Шометт, генеральный прокурор парижской Коммуны*]

Несколько дальше шли в своих требованиях те, кого называли тогда «бешеными», - Ру, Варле, Леклерк. Эта партия опиралась на рабочих-кустарей, ремесленных подмастерьев, вообще на людей без собственности, городскую бедноту. Мы видели, что именно «бешеные» являлись застрельщиками в борьбе за максимум. В своей агитации они уделяли много места борьбе с ростовщичеством и спекуляцией. Так, Ру требовал, чтобы в конституцию была внесена статья, которая давала бы государству возможность бороться с накоплением крупных состояний посредством ростовщичества и спекуляции. Варле хотел, чтобы частные состояния, созданные па счет общественного богатства, путем мошенничества, ажиотажа, монополии и операций скупщиков, становились национальной собственностью, как только общество убедится... что они накоплены путем злоупотреблений.

«Бешеные» полагали, что вообще необходимы решительные меры борьбы с образованием крупных капиталов, начиная с беспощадного обложения богатых и кончая конфискацией государством всех состояний, превышающих известную предельную норму. С точки зрения «бешеных», аристократами являлись все, «хорошо уживавшие».

Но, подрезая крылья крупному капиталу, государство должно поддерживать мелких собственников: должны предоставляться субсидии и беспроцентные ссуды ремесленным подмастерьям, которые хотели бы открыть собственное предприятие или организовать ремесленные артели.

Наконец, «бешеные» требовали раздела национальных имуществ между беднейшими крестьянами.

Ру и Варле отнюдь, не были, как видим, социалистами: не организация производства, а проблема распределения занимали их мысль, не замена капиталистического производства общественным, а сохранение во что бы то ни стало мелкого раздробленного хозяйства ремесленного периода было их идеалом. [Захер Я.М. Последние работы, Я.Захер. Теофиль Леклерк и его «Друг народа», Я.Захер. Последний период деятельности Жака Ру, Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение, Я.Захер. Жан Варле во время якобинской диктатуры, Жак РУ. Речь о причинах несчастий французской республики]

Остается отметить еще либерально-анархическое течение, связанное с именем журналиста Эбера. Анархист-индивидуалист Эбер был совершенно неспособен к пониманию экономических нужд рабочих и мелких ремесленников: отсюда его резко отрицательное отношение к движению, руководимому «бешеными», которые своими крайними лозунгами нарушали, по его мнению, единство республиканского фронта и в разгар жирондистского восстания отпугивали от революции торговую буржуазию Парижа. [Д.Ростиславлев. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры («Пер Дюшен»)]

Но попав в Генеральный совет Коммуны, Эбер вынужден был во многих вопросах идти рука об руку с Шометтом. Вот почему главарей Коммуны неточно называют эбертистами, хотя Шометт и Эбер были в ней представителями двух разных течений.

В области религиозной радикально-интеллигентская группа Эбера держалась атеизма, весьма шокировавшего ее мелкобуржуазных союзников. Парижская Коммуна энергично проводила замену католичества культом разума. Одно время по ее распоряжению были закрыты все парижские церкви и воспрещены всякие религиозные процессии. «Атеизм» Эбера был потом использован Робеспьером в борьбе с Коммуной и послужил доводом в пользу осуждения ее вожаков.

Вскоре после падения жирондистов «бешеные» напомнили о себе Конвенту, выступая от имени тех масс, которые одержали победу 2 июня, но пока что ничего еще не получили от якобинцев, не спешивших с изданием декретов, которые облегчили бы тяжелое положение городской бедноты.

23 июня, после того как Конвент только что выслушал несколько приветственных адресов по случаю завершения конституции, к его решетке явилась депутация от секции Гранвильеров, во главе с Ру, чтобы заявить, что конституция не удовлетворяет широких масс. Робеспьер высказался против заслушивания заявления Ру в такой торжественный день и потребовал удаления депутации: «Гоните вон тех, кто хочет внести рознь в среду патриотов!» - воскликнул он.

Но через день Ру является снова и произносит резкую речь против тех, кто думал успокоиться на чисто политических результатах июньской революции. «Представители народа, - говорил он, - пока в вашей среде были соучастники заговора Дюмурье, вандейцы и роялисты, которые хотели спасти тирана, секция Гравильеров воздерживалась высказывать свое суждение: она понимала, что не во власти Горы осуществить ее благие намерения. Но теперь Конвенту возвращено его достоинство, и мы заклинаем вас спасением республики предать в конституции анафеме ажиотаж и скупку». «За эти четыре года, - продолжал он, - революция пошла на пользу одним богатым: нас притесняет теперь торговая аристократия - еще худшая, чем аристократия дворянская; и мы не видим конца этой эксплуатации, так как цены на все товары растут в ужасающей пропорции. Пора, однако, положить конец этой борьбе не на жизнь, а на смерть, которую эгоизм ведет против, рабочего люда. Свобода - пустой фантом, если один класс может безнаказанно подвергать другой мукам голода. Равенство - пустой призрак, если богатый, пользуясь монополией, получает власть над жизнью и смертью тех, кто в правовом отношении должен быть ему равен... Или состояние мошенника в самом деле священнее, чем жизнь человека? Административные власти должны получить право реквизировать жизненные припасы - совершенно так же, как они могут располагать вооруженной силой...» Ру жалуется, что Конвент до сих пор не конфисковал в пользу волонтеров и их вдов богатств, нажитых за время революции банкирами и скупщиками.

«...Спекулянты забирают в свои руки мануфактуры, морские порты, все отрасли торговли, все продукты земледелия, чтобы морить голодом и холодом друзей справедливости и толкать их в объятия деспотизма... Напишите в конституции, что ажиотаж, торговля звонкой монетой и скупка приносят вред обществу... Когда народ увидит в конституции ясный и определенный закон против ажиотажа ж скупки, он убедится, что вы серьезно хотите бороться с его несчастьями и что среди вас нет банкиров, судовладельцев и монополистов.

Вы декретировали, - продолжал Ру, - миллиардный принудительный заем у богачей, но... если вы не обуздаете алчность скупщиков, - капиталист, торговец завтра же переложат заплаченную ими сумму на санюлотов...

Напрасно возражают, что ремесленник... зарабатывает теперь больше. Несомненно, труд некоторых оплачивается теперь лучше, но существует множество таких, работа которых с начала революции оплачивалась хуже прежнего, да и не все граждане - ремесленники, и не у всех ремесленников есть работа. К тому же среди них немало таких, у которых восемь-десять человек детей, еще неспособных зарабатывать себе пропитание. Что же касается женщин, то большинство их зарабатывает не более 20 су в день».

От имени своей секции Ру требовал, чтобы в новую конституцию были включены те социально-экономические гарантии, которых раньше добивался сам Робеспьер.

Выступление Ру вызвало в Конвенте целую бурю; под крики и угрозы он был удален из зала заседаний. Его речь была заклеена одним из депутатов как «провозглашение чудовищных принципов анархии»⁴⁷.

Но клуб Кордельеров постановил отпечатать и расклеить речь Ру, что было равносильно прямому вызову по адресу монтаньяров и подрывало их авторитет в беднейших слоях населения. И робеспьеровцы решили действовать.

До 31 мая они щадили «бешеных», нуждаясь в поддержке парижских рабочих для решительной борьбы с Жирондой. Теперь можно было изменить тактику, чтобы раз навсегда покончить с досадной оппозицией. Робеспьер обрушился на Ру в одном из заседаний Якобинского клуба. «Составляют, - говорил он, - новые заговоры против свободы. Клеветают на якобинцев, Гору, Кордельеров... Люди, подобные Ру, - скрытые враги, заинтересованные в том, чтобы провоцировать беспорядки, раздоры, несчастья. Я призываю к величайшей осторожности».

Робеспьер и его друзья мобилизовали все свои силы и добились исключения Ру из клуба Кордельеров.

В кампании против «бешеных» приняла участие и Парижская Коммуна: воспользовавшись новым погромом москательных лавок в Париже, Городской совет устранил Ру от редактирования официальной газеты Коммуны, а затем исключил его вместе с Леклерком из числа своих членов. Это была самоубийственная тактика: Шометт и Эбер не подозревали, что, разделавшись с «бешеными», умеренные якобинцы поставят в порядок дня беспощадную борьбу с Коммуной.

Но дело не окончилось на этом: против Ру возбудили нелепое дело по обвинению в присвоении денег, пожертвованных в пользу Кордельерского клуба, а когда секция Гравильеров сменила своего председателя, демонстративно выбрав на его место арестованного Ру, вождь «бешеных» был предан суду Революционного трибунала и, не дожидаясь приговора, покончил самоубийством (19 февраля 1794 г.).

Теперь очередь была за Коммуной, позиция которой была уже ослаблена разгромом родственной ей политической группировки - «бешеных». В лице Генерального совета Коммуны Робеспьеру и его партии приходилось иметь дело с могущественной организацией, которая по-прежнему конкурировала с Конвентом и всегда могла мобилизовать парижскую демократию в подкрепление своих требований. Вот почему правительство Робеспьера не считало себя прочным, пока не было сломлено могущество Коммуны.

Поход робеспьеровцев против организаций революционной демократии велся ими в союзе с дантонистами. Он начался еще с сентября 1793 г., когда Конвент ограничил число обоих собраний секций двумя днями в неделю.

Тогда же прошел декрет, установивший большую зависимость состоявших при секциях «революционных комитетов» от Комитета общественной безопасности, который не только получил теперь право контроля над их деятельностью, но и мог по своему усмотрению производить чистку их состава. Это мероприятие изолировало секции от Коммуны и подготавливало их полное подчинение Конвенту⁴⁸.

Но этим дело не ограничилось: в декабре 1793 г. у секций было отнято право выбирать мировых судей и их секретарей; впредь эти должностные лица должны были назначаться Генеральным советом парижского департамента. Даже дело благотворительности перешло от секций в руки Комитетов Конвента.

Наконец, декрет 4 декабря 1793 г. заменял выборных прокуроров Коммуны и дистриктов, а также их заместителей «национальными агентами», вполне зависимыми от Комитета общественного спасения. Тем же декретом было запрещено каким бы то ни было органам власти созывать собрания делегатов революционных комитетов, этой мерой хотели помешать объединению секций между собою.

Эта революционная централизация, стягивавшая все нити управления в руки комитетов Конвента, ослабляла местные органы революционного правительства, в которых якобинцы видели одну из опор оппозиции слева.

Главной силой Коммуны были революционно настроенные секции. Эти маленькие парламенты парижской демократии, где были еще живы следы пропаганды «бешеных», внушали серьезные опасения якобинской буржуазии. Робеспьеровцы опасались, как бы эбертисты не использовали секции против Конвента. «Я уже сказал, - говорил Дюфурни в Якобинском клубе (27 января 1794 г.), - что следовало бы обратить внимание на секционные общества Парижа, которые замыкаются в тесные пределы своих околотков. В то же время они хотят образовать центральный комитет в епископстве в противовес Якобинскому обществу». «Послушать этих новичков в патриотизме, - говорил Симон в Якобинском клубе, - так выходит, что патриоты 1789 года... не что иное, как усталые и заезженные клячи, которых надо приколоть, потому что они не могут поспевать за новичками в революции».

«Наши злейшие враги, - говорил другой якобинец, Жан-Бон-Сент-Андре, - не за дверьми нашего собрания... они среди нас; они хотят идти дальше нас в революционных мерах».

В том же духе говорил и Робеспьер, намекавший на провокаторскую агитацию в секциях и народных обществах иностранных агентов, которые поставили своей задачей «уничтожить власть Конвента и патриотический авторитет Якобинского общества»⁴⁹.

Как видим, обвинения политического противника в подкупности и спасительные ссылки на вездесущих заграничных агентов отнюдь не являются особенностями социальной борьбы наших дней: французской революции были хорошо известны подобные «политические приемы». В то же время робеспьеровцы опасались, как бы эбертистски настроенные секции не примкнули к центральному Якобинскому обществу и не изменили бы его политической линии. Такой план, по-видимому, действительно имелся у «левых», по крайней мере Робеспьер настоял на исключении из членов клуба одного из эбертистов (Сэнткса), который агитировал за сближение якобинцев с секциями. В Якобинском клубе и у Кордельеров «левые» вели энергичную кампанию против дантонистов, а косвенно и против защищавшего их тогда Робеспьера. Кордельеры вынесли резолюцию, в которой говорилось, что Демулен и его друзья не достойны сидеть среди депутатов Горы.

В начале марта 1794 г. клуб Кордельеров сделал неудачную попытку произвести государственный переворот. 4 марта (1794 г.) клуб Кордельеров постановил завесить черным покрывалом висевший в его помещении текст Декларации прав. Решено было не снимать покрывала, пока народ не вернет своих священных прав путем уничтожения «мятежной фракции». Под последней разумели главным образом дантонистов. «Они, - говорил в клубе Каррье, - хотят изломать эшафоты. Люди, достойные гильотины, не хотят ее. Восстание, святое восстание, вот что надо противопоставить злодеям». Но в речи других ораторов проскальзывали нападки, пока еще робкие, на самого Робеспьера, которому приписывали намерение спасти от суда часть жирондистов. Есть основания полагать, что Кордельеры хотели сломить в Конвенте робеспьеровское большинство и, опираясь на департаменты и революционную армию, состав которой предполагалось довести до 100 тыс. человек, поставить во главе нового правительства парижского мэра Паша. Предложение Каррье начать немедленное восстание было встречено шумными аплодисментами собрания, но у клуба не оказалось сил, чтобы осуществить свое решение.

Парижская беднота не поднялась на этот раз. В связи с военными действиями в Вандее и огромным потреблением мяса в армиях в столице ощущался острый недостаток в мясе и хлебе, который объясняли теми опустошениями, которые якобы производила революционная армия в окрестностях Парижа. На парижских рынках чувствовался острый недостаток в масле и яйцах. У лавок стояли бесконечные «хвосты». Между тем, призывая к восстанию, вожаки Кордельеров не выдвинули никаких лозунгов, которые были бы близки и понятны массам, обещали бы хоть какое-нибудь смягчение продовольственной нужды. К тому же в глазах городской бедноты эбертисты и другие «левые» были людьми, погубившими в свое время «бешеных». Даже Коммуна не откликнулась на призыв Кордельеров к восстанию. Вот почему в день восстания «левые» очутились в положении штаба без армии. В ночь на 14 марта (1794 г.) вожди эбертистов (Эбер, Моморо, Ронсен) были арестованы.

Правительство воспользовалось неудачным выступлением Кордельеров, чтобы арестовать Эбера и других заправил клубе и отправить их на гильотину вместе с Леклерком, другом лионского агитатора Шалье (24 марта 1794 г.). [Леклерк не был казнен, но находился в заключении до глубокой осени 1794 г. - *ред. Vive Liberta*]

Клуб Кордельеров не был закрыт, но его политическая роль была кончена навсегда; революционная армия была распущена. Вслед за Эбером казнили и Шометта. Паш был арестован. Места мэра, национального агента⁵⁰ и его помощника были замещены Конвентом по своему усмотрению, без всяких выборов. Коммуна была обезглавлена и низведена до уровня простого придатка центральной власти.

Дантонисты не скрывали своей радости по поводу разгрома «левых» якобинцев. Встретив Прюдома в день казни Эбера, Камилл Демулен сказал: «Я вышел из мэрии, желая разузнать, приняты ли необходимые меры к тому, чтобы эбертисты были непременно казнены: вся сволочь на стороне этих негодяев...» Демулен и его друзья надеялись использовать гибель левого крыла якобинской партии; теперь они более, чем когда-либо, воспрянули духом. Не довольствуясь разгромом Коммуны и клуба Кордельеров, дантонист Бурдон настойчиво требовал теперь упразднения военного министерства, где все еще сидели сторонники «левых». Осуществление этих домогательств привело бы к дезорганизации французских армий. Вышедший вскоре № 7 «Старого Кордельера» содержал в себе резкую критику всего террористического режима с выпадом не только против уже мертвого Эбера, но и против «чрезвычайной власти» Комитета общественного спасения и революционных комитетов, которые, по мнению автора статьи, превзошли своей кровожадностью Коммода, Гелиогабала и Калигулу.

Взятая сама по себе немногочисленная группа дантонистов, конечно, не угрожала серьезно прочности революционного правительства, но положение осложнялось тем, что теперь вокруг Дантона и Демулена объединилась вся контрреволюция, от скрытых роялистов до «болота», опиравшегося теперь на «новых богачей» и уцелевших жирондистов.

Все эти явные и тайные враги якобинской диктатуры с нескрываемой радостью встречали выступления Демулена, усматривая в них признаки конца террористического режима. Уже шептались по углам, что скоро уберут бюсты Марата, которые будут заменены бюстами Шарлотты Корде. «Старый Кордельер» раскупался нарасхват самой фешенебельной публикой, соглашавшейся платить 20 су за номер⁵¹.

Один из уцелевших левых якобинцев (Бильо-Варенн) был совершенно прав, когда говорил: «Если не принять необходимых мер, то Дантон делается центром объединения всех контрреволюционеров». Даже друг Демулена Фрерон понимал, что Камилл играет в руку реакции. «Скажи ему, - писал Фрерон жене Демулена, - чтобы он немножко обуздал свое воображение насчет комитетов милосердия: они были бы торжеством контрреволюции».

Якобинцы не могли не заметить этой новой опасности, грозившей еще неокрепшей республике. И они бьют тревогу. Через несколько дней после ареста эбертистов Колло д'Эрбуа говорил в Якобинском клубе: «Партия, которую вы только что прикончили, не единственная существующая: имеются партии, противоположные ей, желающие воспользоваться ее падением для того, чтобы подняться самим. Вы не должны этого терпеть, от падения этой партии должно выиграть только общее дело... Умеренные полагают, что мы откажемся в их пользу от плодов победы; это было бы похоже на то, что мы работали для доставления торжества людям, на нас же клеветавшим».

Робеспьер еще в январе 1794 г. пытался образумить Демулена; во время суда над «Старым Кордельером», происходившего в Якобинском клубе, Робеспьер предлагал ограничиться сожжением злополучного номера журнала, но дантонисты не отели идти ни на какие уступки, и, несмотря на заступничество Робеспьера, из клуба «вычистили» не только Фабра д'Эглантина и Бурдона, но и Демулена.

После расправы с левыми Робеспьер не хотел компрометировать себя дальнейшими потачками дантонистам; необходимо было, напротив, показать, что не менее решительно он готов бороться со всякой «умеренной фракцией». К тому же дантонисты проявляли теперь особенную непримиримость, а все усиливавшаяся за их спиной реакция внушала самые серьезные опасения.

Робеспьеровцы должны были действовать, если они не хотели чтобы инициативу решительной атаки взял на себя противник.

Вопрос об аресте Дантона и его единомышленников был решен сначала в соединенном заседании Комитета общественного спасения и Комитета общественной безопасности. В Конвенте дело не обошлось без оппозиции, но после угрожающей речи Робеспьера голосами Горы и «болота» обвиненные были преданы суду Революционного трибунала. Предъявить подсудимым обвинение в определенных контрреволюционных действиях было трудно, но безопасность республики требовала устранения дантонистов, и это решило их судьбу. 5 апреля 1794 г. дантонисты были приговорены к смертной казни.

Глава IX. Падение Робеспьера и начало реакции

Казалось, всякая оппозиция якобинскому была теперь сломлена.

Но уничтожив своих противников «слева», Робеспьер ускорил свое собственное падение. Разрушение революционных организаций превращало парижских санкюлотов в распыленную массу, не способную оказать никакой поддержки Конвенту в случае натиска со стороны контрреволюционеров.

А силы этих последних росли с каждым днем. Теперь против республики были не только бывшее дворянство и духовенство, но и крупная буржуазия. Разгромленная политически, она сохранила и упрочила свои экономические позиции. Спекуляция с ассигнациями, товарами и национальными имуществами, выгодные поставки на армию и флот, наконец, уничтожение всех пут, стеснявших личную инициативу при старом порядке, все это повело к неслыханному обогащению крупных промышленников и торговцев.

Смертельная ненависть к якобинскому режиму с его террором, чрезвычайными налогами на богатых, твердыми ценами и другими ограничительными законами, мешавшими свободному накоплению капиталов; страх перед городскими низами, выдвигавшими все более и более решительные экономические требования; опасения новой аграрной революции, которая может свести к разделу национальных имуществ между деревенской беднотой, - все это толкало буржуазию в объятия монархистов заведомых сторонников возврата к дореволюционным порядкам.

Желая прежде всего «спокойствия и порядка», она готова была временно поддерживать даже правительство Робеспьера его борьбе с «бешеными» и Парижской Коммуной; но с разгромом «крайних левых» твердое якобинское правительство утрачивало в глазах крупного капитала уже всякий резон на свое дальнейшее существование; оно должно было уступить, наконец, свое место «порядочным людям».

Осуждение вождей Коммуны и их приверженцев наполнило ликованием сердца крупных буржуа, предвкушавших близкое падение революционного правительства. 24 марта 1794 г. парижские улицы были наводнены толпами разряженной «золотой молодежи», встречавшей повозки с приговоренными гнусными издевательствами. Буржуазный Париж платил бешеные деньги за места возле эшафота и сделал из казни вожаков Коммуны пикантное зрелище, веселый праздник, на котором народ служил для забавы людей высшего общества.

«Площадь Революции обратилась в театр, - писал Мишле, - и вокруг нее происходило что-то вроде ярмарки: масса веселой публики гуляла на Елисейских полях, между палаток и лавочек». Долой революцию! - таков был общий лозунг буржуазии и раздавленных феодальных классов.

Но якобинская республика не могла теперь рассчитывать и на крестьянские массы: она ничего не дала деревенской бедноте; среднее же крестьянство и сельская буржуазия, освободившиеся от гнета феодальных повинностей, расширившие свое землепользование за счет общинных и конфискованных у церкви и дворян земель⁵², не видели для себя никакой выгоды в дальнейшем развитии революции и не были склонны поддерживать правительство, которое установило твердые цены на сельскохозяйственные продукты, применяло систему реквизиций и т.п.

Городской пролетариат? Но разочарованные в максимуме, до крайности стесненные террористическими законами в своей борьбе за улучшение условий труда, дезорганизованные и возмущенные разгромом «левых», недовольные, наконец, политикой новой, назначенной робеспьеровской Коммуны, рабочие становились равнодушными к судьбе якобинской власти. Враждебную позицию по отношению к группе Робеспьера заняла теперь и беднейшая часть мелкой городской буржуазии. Якобинцы могли бы привлечь на свою сторону деревенскую бедноту, облегчив ей доступ к распродаваемым национальным имуществам, но дальше разговоров о льготной продаже земли клуб не пошел. Широким массам в их тяжелом экономическом положении оставалось искать утешение в культе верховного существа усиленно пропагандировавшегося робеспьеровцами.

При таком соотношении общественных сил революционное правительство, опиравшееся лишь на зажиточное городское мещанство, не могло долго удержаться у власти. Первый же дружный натиск контрреволюционных сил - и мелкобуржуазная диктатура должна была пасть.

Но эта диктатура олицетворялась в Робеспьере и его партии. «Долой тирана, долой диктатора», - таков был теперь общий лозунг, объединивший против Робеспьера весьма пестрый блок его врагов. В Конвенте против Робеспьера составила коалиция из остатков фракции дантонистов и жирондистов, и «болота», а также еще уцелевших «левых» якобинцев, сочувствовавших казненным шометтистам и

эбертистам; против него была, наконец, значительная группа депутатов - преимущественно из среды «болота», - скомпрометированных участием в разного рода злоупотреблениях и аферах и рисковавших при сохранении террористического режима отправиться на гильотину. При значительно сузившемся социальном базисе, на который опирались теперь робеспьеровцы, а также при все возрастающей трудности поддерживать законы о твердых ценах якобинская диктатура могла еще держаться лишь при беспощадном проведении террористического режима. 10 июня 1794 г. (22 прериаля II г.) Конвент принял закон, отменявший защиту при разборе дел в Революционном трибунале и даже свидетельские показания, если судьи признают их излишними, и признававший лишь одно наказание - смертную казнь. В то же время этот закон до крайности расширил понятие «врагов народа», против которых он был издан. «Дело идет не столько о наказании, сколько об истреблении врагов», - говорил робеспьеровец Кутон, защищая в Конвенте проект этого декрета. Немудрено, что в течение только шести недель было вынесено больше смертных приговоров, чем за 14 месяцев перед тем. Поскольку этот террор был направлен против врагов «справа», робеспьеровцы защищали республику от надвигавшейся контрреволюции, но их позиция ослаблялась ударами, которые продолжали наноситься противником «слева». Робеспьер начал кампанию против одного из уцелевших «левых», Фуше, которого обвиняли в излишней жестокости, проявленной при усмирении Лиона, и добился исключения Фуше из Якобинского клуба. С изданием закона 22 прериаля «левые» вообще почувствовали себя в опасности.

Отчаянные усилия Робеспьера и его друзей удержать за собой большинство в Комитетах общественного спасения и безопасности хотя бы ценою новой их чистки только ускорили падение робеспьеристов. 9 термидора (27 июля 1794 г.) Робеспьеру не дали произнести в Конвенте приготовленную им речь. После бурной сцены голосами «болота» и «левых» прошло постановление об его аресте. Попытка Генерального совета Коммуны поднять парижских рабочих и ремесленников против Конвента оказалось безрезультатной. Подавляющее большинство секций определенно высказалось против восстания и за поддержку Конвента; характерно, что в числе их была и одна из наиболее радикальных секций - Гравильеров, в которой пользовался такой популярностью затравленный якобинцами Жак Ру. Сыграло немаловажную роль и недовольство парижских рабочих политикой робеспьеровской Коммуны. К концу июня 1794 г. Комитет общественного спасения обнадежил рабочих обещанием произвести в ближайшем будущем пересмотр твердых цен с тем, чтобы «ежедневный заработок был пропорционален ценам на продукты», но обещание так и не было выполнено. А между тем 23 июля (всего за четыре дня до падения Робеспьера) Коммуна опубликовала ставки заработной платы для столицы, совершенно не соответствовавшие ценам на предметы первой необходимости. Рабочие негодовали. Стоявшая за Робеспьера артиллерия была заранее выведена из Парижа по распоряжению Карно.

Коммуне удалось было освободить Робеспьера и его друзей, но Конвент объявил уже восставших вне закона. Верные ему секции заняли без боя помещение Городской думы, где собрались робеспьеровцы, и, не встретив сопротивления, снова арестовали якобинских вождей. На другой день Робеспьер и еще 21 человек из числа его единомышленников были казнены⁵³. [ТЕРМИДОР: ДО и ПОСЛЕ, [Е.Киселева. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора, К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора](#)]

Буржуазия, особенно спекулянтская, ликовала еще более, чем после казни эбертистов.

Падение Робеспьера означало первую серьезную победу контрреволюции и конец диктатуры мелкой буржуазии. Эта Диктатура, возникшая с половины 1793 г., не могла продержаться сколько-нибудь долго без поддержки пролетариата и городской бедноты вообще. Диктатура рабочего класса была еще невозможна: для этого еще не было необходимых социально-экономических предпосылок.

9 термидора - поворотный пункт в ходе Великой революции: дойдя до высшей точки своего развития, она идет с этого момента на убыль. Соотношение общественных сил все более и более складывается не в пользу демократии. Рабочие и мелкая городская буржуазия оставались теперь единственной опорой революции; но лишенные вождей, дезорганизованные, покинутые крестьянством они оказались бессильны выдерживать натиск объединенной дворянско-кулацко-буржуазной реакции.

Разгром робеспьеровцев только облегчил дальнейшие успехи контрреволюции, которая никогда не останавливается на полдороги. Люди, отправившие на эшафот Робеспьера, поспешили прежде всего добить Парижскую Коммуну. Большая часть ее членов была казнена вслед за Робеспьером и его сторонниками в Конвенте. Париж был разделен теперь на 12 мелких самостоятельных муниципалитетов, ничем между собою не связанных, а потому бессильных в борьбе с контрреволюцией.

Замирает окончательно и деятельность секций. Толпы «золотой молодежи» безнаказанно громят Якобинский клуб, который вскоре закрывается вместе со всеми своими провинциальными отделениями по распоряжению Конвента. Были запрещены и всякого рода коллективные петиции граждан.

Уже в декабре 1794 г. Конвент возвращает в свою среду 75 жирондистских депутатов, подписавших в свое время протест против событий 31 мая и 2 июля. В начале марта 1795 г. занимают свои депутатские места и те из жирондистских вождей, которым удалось скрыться из Парижа и поднять против якобинцев восстание в департаментах. Возвращение этих, теперь почти слившихся с роялистами, элементов только усилило реакцию.

В конце декабря 1794 г. был отменен столь ненавистный буржуазии и землевладельцам закон о максимуме. Городская беднота уже ничем не была защищена теперь от жадности сельских хозяев, торговцев и всякого рода спекулянтов. В Париже еще острее чувствуется недостаток в хлебе. Рабочие и ремесленники столицы пробуют еще раз поднять восстание: вооруженные толпы народа вторгаются в Конвент с требованием: «Хлеба и конституцию 1793 года!» (апрель 1795 г.).

Конвент обращается за помощью к национальной гвардии, состоявшей преимущественно из зажиточной буржуазии, которая и освобождает его от осады; рабочих загоняют в предместья и обезоруживают. В Париже вводится осадное положение; вся власть передается генералу Пишегрю. Силы демократии сломлены окончательно.

Но теперь начинается «белый террор» буржуазии, несравненно более свирепый, чем террор «красный». Те, кто еще недавно возмущались казнями, спешили расправиться с побежденным врагом: начались массовые аресты и избиения уцелевших якобинцев. В провинции роялисты открыто организовали вместе с жирондистами вооруженные банды, которые безнаказанно убивали первого попавшегося республиканца; других хватали и бросали в тюрьмы, где множество заключенных было перебито еще до суда. [Устрялов Н. [Путь термидора](#), Бовькин Д. [От Термидора к Директории](#), Бовькин Д. [Термидор, или Миф о конце Революции](#)]

Отныне контрреволюция могла без серьезных препятствий идти от успеха к успеху, подготавливая военную диктатуру Бонапарта.

1 Со времени революции Франция была разделена в административном отношении на 83 департамента.

2 Имелась в виду возможность присоединения к коалиции Англии.

3 Особенно со времени присоединения Англии к коалиции.

4 Считая ежедневное потребление хлеба средней рабочей семьей, состоящей из пяти человек (отец, мать и трое детей), в 6 ф. в день, получаем расход на один только хлеб в 30-36 су в день. Иначе говоря на один только хлеб для себя и семьи рабочий был вынужден тратить до 3/5 своего заработка.

5 Ролан оставался у власти с 10 августа до января 1793 г.

6 Точка зрения Марата, сожалевшего, что на дверях разгромленных лавок не повесили для примера несколько скупщиков, и рекомендовавшего народу, ничего не ожидая от Конвента, действовать революционным путем не характерна для настроения якобинцев в этот период.

7 Впоследствии он стал называться Революционным трибуналом.

8 В южных и западных департаментах влияние жирондистов было особенно сильно.

9 Сетье - 12 четвериков.

10 См. речь Тюрюи в Якобинском клубе 2 мая 1793 г.

11 Патентный сбор платили торговцы и промышленники сообразно размерам помещений, занятых их предприятиями.

12 Подобности декрета обсуждались в июне, уже после устранения из Конвента главнейших жирондистов.

13 Это требование стало законом уже после очищения Конвента от жирондистов: декрет 9 сентября 1793 г. устанавливал за посещение секций плату в 40 су гражданам, жившим трудом своих рук, но в то же время ограничивал число собраний секций двумя днями в неделю.

14 Согласно проекту, внесенному Кондорсе, на собрание граждан избирательного округа возлагались чрезвычайно многочисленные функции, начиная с выборов депутатов и разного рода чиновников и кончая пересмотром и утверждением конституции.

15 24 апреля 1793 г.

16 Одна из французских колоний в Южной Америке. В октябре 1793 г. закон о ссылке был распространен и на священников вообще, если только, шесть граждан округа заявят об их «противогражданском» поведении.

17 Декретами 5 и 24 ноября 1793 г. Конвент упразднил христианский календарь, основанный на грегорианском летосчислении, и постановил считать началом новой эры день провозглашения республики, т.е. 22 сентября 1792 г. Были изменены названия месяцев, каждый из которых состоял теперь из 30 дней и делился на три равные части, по десяти дней в каждой, называвшиеся «декадами». Каждый десятый день считался праздничным.

18 Робеспьер повторяет здесь слова Вольтера.

19 Людовик XVII - сын Людовика XVI, провозглашенный эмигрантами французским королем после казни отца, умер в Тампле в 1795 г.

20 Помимо 29 депутатов, устраненных из Конвента 2 июня, летом и осенью 1793 г. было арестовано и предано суду 136 человек, принадлежавших к жирондистской фракции.

21 При чистке каждый член Общества должен был, между прочим, ответить на следующие вопросы. - Кем ты был до революции 1789 г.? Что ты делал в период от 1789 до революции 1793 г.? Как велико было твое состояние до революции? Если оно увеличилось, то каким образом? Не подписывал ли контрреволюционных петиций? Если ты журналист, то служил ли ты всегда своим пером делу свободы? и т. д. Инвалидам, сражавшимся за республику, нередко выдавался почетный членский билет без всяких формальностей. Вообще же попасть в члены клуба было не так легко.

22 Э.Кине.

23 Согласно декрету 20-21 октября 1793 г. священники, у которых найдут какие-нибудь контрреволюционные изображения, должны наравне с духовными лицами, взятыми с оружием в руках или с иностранными паспортами, предаваться смертной казни.

24 Против скупщиков был издан специальный закон (26 июля 1793 г.). Виновным в скупке, которая объявлялась уголовным преступлением, признавались те, «кто не выпускает на рынок товары или предметы первой необходимости, портя их, держа спрятанными и не пуская в продажу...» Нарушителям этого закона грозила конфискация товаров и смертная казнь, причем 1/3 стоимости конфискованных товаров поступала в пользу того, кто укажет на нарушение закона.

25 Революционная армия состояла из 6 тыс. пехотинцев и 1200 артиллеристов.

26 С 17 августа 1792 г. до марта 1793 г. Революционным трибуналом было вынесено 7 смертных приговоров; с марта 1793 г. и по 10 июня 1794 г. - 1256.

27 Еще до того, как Конвент организовал Революционный трибунал, белый террор был уже поставлен в порядок дня на тайных совещаниях эмигрантов и «союзников». «Революцию можно подавить только террором», - писал бывший австрийский посланник Мерси. «Французы смиряются лишь тогда, когда, одержав решительные победы на фронте, союзники разоружат народ, разгонят клубы, сотрут с лица земли преступный Париж, истребят значительную часть наиболее активных граждан и полностью - революционное правительство и его агентов. Страна должна пережить все ужасы голода и бедности»

28 Этот проект, автором которого был Кондорсе, обсуждался в Конвенте с 17 апреля по 29 мая 1793 г.

29 Су - 5 сантимов. Сантим - 0,01 ливра.

30 Средняя заработная плата в 1793-1794 гг. колебалась от 3 ливров до 50 сантимов.

31 Напомним читателю, что вырванный у Конвента декрет 5 мая устанавливал таксу только на хлеб.

32 Для хлебных цен оставался в силе декрет 10 сентября; лишь в ноябре 1794 г. на хлеб был распространен принцип исчисления максимальных цен, принятый для всех прочих товаров: для получения предельных цен местные хлебные цены 1790 г. должны были увеличиваться в 1 2/3 раза.

33 Зато внешняя торговля была целиком под контролем государства. Все разрешения на ввоз и вывоз были сосредоточены в руках Комитета общественного спасения.

34 Недостаток мяса в столице объяснялся прекращением подвоза быков из Вандеи (в связи с гражданской войной) и огромным спросом на мясо со стороны полуторамиллионной армии.

35 Для смягчения мясного кризиса некоторые парижские секции установили у себя «гражданские посты», обязуя своих членов не потреблять мяса в течение нескольких недель.

36 К октябрю 1793 г. сумма находившихся в обращении ассигнатов превышала 4 млрд., т. е. почти вдвое превышала дореволюционную.

37 Трудность контроля над торговыми сделками усугублялась необычайным развитием мелкой спекулятивной торговли: торговлей занялись теперь «слуги, носильщики, хозяева гостиниц, парикмахеры». Кузнец торговал материей, сапожник - кофе и сахаром, булочник - водкой и вином. Торговали и рабочие, получавшие часть заработной платы продуктами своего производства. Процветала меновая торговля. Надзор за такими мелкими сделками, происходившими обычно по трактирам и тому подобным местам, был неосуществим. В этом чрезвычайном увеличении числа мелких спекулянтов надо искать объяснение того факта, что в числе лиц, осужденных Революционным трибуналом за нарушение законов о максимуме, было много рабочих, ремесленников и городской бедноты вообще.

38 Перемену в настроении крестьянства хорошо подметил один депутат Конвента, который еще в конце 1792 г. говорил: «Земледелец благословляет революцию, которая освободила его от соляного налога, от десятин и т. п., не хочет нести своих повинностей... Фермер, более обеспеченный ныне, не спешит, как раньше, везти свой хлеб на рынок, для того чтобы реализовать средства, из которых он прежде должен был платить собственнику за аренду земли, покрывать свои расходы и налоговые недоимки. Отмена старых налогов поставила его в положение, при котором он может пережидать, пока поток патриотических билетов не пронесется мимо».

39 Прокурор Коммуны Шометт грозил прекратившим производство предпринимателям национализацией их фабрик и заводов. Но здесь мы имеем, по-видимому, дело скорее с попыткой запугать хозяев, чем серьезным проектом.

40 См., например, Е.В.Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции (Е.В.Тарле. Соч., т.II. М., 1957. - Ред.)

41 Не следует, например, забывать, что твердые цены, установленные законом 29 сентября 1793 г., были на 662,3% ниже рыночных. Вообще при всех своих недостатках закон о максимуме все же ставил известные пределы алчности торговцев и усиливал позицию именно тех социальных слоев, которые спасли республику в 1793 г.

42 В этом отношении характерна точка зрения Барера, изложенная им в докладе Конвенту (3 ноября 1793 г.). «Первые законы, - говорил он, - покровительствовали крупным купцам и фабрикантам, они способствовали их беспрепятственному обогащению, доводя до истощения маленькие магазины. Применение максимума должно начаться с крупных магазинов и перейти затем на фабрики. Класс малосостоятельных граждан должен получить компенсацию... Урезывая барыши богатого, вы совершаете акт справедливости, возмещаете потерю мелким капиталам, необходимым для торговли. Главное - облегчить известную устойчивость мелкому капиталу». Барер предлагает оставить мелким капиталистам 10% прибыли, крупным - только 5. Так самый максимум превращается у него в одно из средств борьбы с крупным предпринятием и поощрения мелкого.

43 Лишь позже, в 1795 г., Бабеф выдвинул идею не только аграрного, но и индустриального коммунизма.

44 Вышел в июле 1793 г.

46 Робеспьер говорил: «Существенной пружиной демократического управления является добродетель...» В его бумагах находим следующую характерную заметку: «Слово добродетель вызывало у Дантона смех. Как мог стать защитником свободы человек, которому чужда была всякая мысль о морали». Еще определеннее высказывался на этот счет друг Робеспьера Сен-Жюст: «То счастье, которое мы вам предлагали, - говорил он, - не есть счастье испорченных народов. Ошиблись люди, рассчитывавшие получить от революции привилегии на то, чтобы быть такими же дурными, как дворянство и богачи при монархии».

47 Для личной характеристики Ру следует отметить, что гравильерский священник жил в крайней бедности, почти исключительно на 200 ливров своей годовой ренты; все его имущество состояло из арфы да собаки, подаренной ему одной гражданкой из секции Гравильеров.

48 Этой оторванностью секций от Генерального совета отчасти объясняется тот факт, что в день падения Робеспьера даже сочувствовавшие ему кварталы не поддержали Коммуны в ее борьбе против Конвента.

49 Вот что мы читаем в одной из его речей, произнесенной в Якобинском клубе: «Посещают ли их (народные общества. - *Н.Л.*) ежедневно народ или нет, - их наводняет толпа интриганов, а некоторые появляющиеся патриоты оказываются слишком мало просвещенными для того, чтобы бороться с этими интриганам. Народа там нет, так как, Когда лодыри и злонамеренные решают вопросы в этих обществах, народ находится в мастерских». На это левый Моморо заявил, что ставить препятствия организации обществ - значит наносить удары принципу Революции и священному праву народа организовывать политические союзы.

50 В силу закона 4 декабря 1793 г. вместо избравшихся народом прокуроров в коммуны были введены национальные агенты, назначавшиеся Комитетом общественного спасения.

51 Издатель значительно повысил цену журнала, ставшего теперь совершенно недоступным для санкюлотов.

52 Общее количество проданной как бывшей церковной, так и эмигрантской земли составляло от 1/5 до 1/4 всего земельного фонда Франции. Каково было отношение крестьянских покупок к покупкам буржуазии - остается пока точно неустановленным.

53 Вскоре были отправлены на эшафот еще 82 наиболее активных робеспьериста, большей частью членов Коммуны.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Враги Робеспьера не ограничились его казнью: они постарались оклеветать робеспьеровцев перед Францией, заклеив их как монархистов и продажных агентов иностранных правительств. Эта травля уже мертвых якобинцев облегчалась тем обстоятельством, что термидорианцы захватили оставшиеся после Робеспьера бумаги и часть их фальсифицировали.

Опираясь на отзыв о Робеспьере его противников, реакционные историки Великой революция перенесли на него все свое отвращение к якобинской республике, сделали из великого народного вождя какое-то кровожадное чудовище.

Типичной в этом отношении является характеристика Робеспьера у Тэна¹, который не может подыскать для ненавистного якобинца иного эпитета, как «мясник», человек «с наружностью дикой кошки, а затем тигра» и т.п.

Но этого мало. Тэн старается представить Робеспьера человеком, безнадежно посредственным во всех отношениях: «беспочвенная посредственность», «тупица и шарлатан», «пустой и надутый педант, мнящий себя полным идей только потому, что он полон слов», «бессодержательный в своих речах, переполненных пустыми абстракциями» и т.д.

Мы не будем тратить слов на опровержение этой характеристики, крайняя пристрастность которой очевидна для всякого, знакомого с речами, писаниями и деятельностью Робеспьера.

Но имеются среди историков и восторженные поклонники великого якобинца, охотно перегибающие палку в другую сторону: для них все, что говорил, писал или делал Робеспьер, - верх политической мудрости и совершенства. Таким «идеальным» революционером и безупречным во всех отношениях человеком рисовали Робеспьера Луи Блан и Амель. Для последнего Робеспьер - «мученик», «невинно оклеветанный врагами», «наиболее честный и наиболее преданный и неутомимый представитель революции», ее «краеугольный камень», ее «Христос» и т.д.

С особенным удовлетворением приводит он отзыв о Робеспьере Буасси д'Англа: «Робеспьер, говорящий о верховном Существо самому просвещенному народу в мире, напомнил мне Орфея, обучающего людей основам цивилизации и морали».

Несомненно, что на этих столь противоположных оценках характеристиках Робеспьера сказались политические симпатия и антипатии историков, желавших найти в истории революции обоснование программы и тактики той или иной из современных партий. Известно, например, что демократы 40-х годов XIX в. и современные французские радикалы считают себя прямыми потомками якобинцев 1793 г. и наследниками их идей. И это обстоятельство как раз мешает им сколько-нибудь беспристрастно отнестись к тем партиям эпохи Великой революции, которые шли в своих социальных требованиях дальше их собственных. Отсюда их стремление реабилитировать якобинцев и Робеспьера от нападок не только «справа», но и «слева», со стороны представителей тех групп и течений, которые шли дальше умеренного якобинства робеспьеровского типа.

В ином положении находится современный историк, стоящий на точке зрения пролетариата: его оценка Робеспьера будет далека как от злостной карикатуры Тэна, так и от безоговорочной апологии Амеля. Для него Робеспьер прежде всего - представитель определенного класса. Чисто личные, индивидуальные черты вождя революции всегда будут у него на втором плане, и не на них будет он строить свои заключения. Роль Робеспьера в революции будет оцениваться с точки зрения тех объективных исторических условий, в которых разворачивалась Великая революция, с точки зрения тех исторических задач, выполнение которых выпало на долю его социальной группы - мелкой французской буржуазии конца XVIII в.

Наконец, общественный идеал историка-социалиста выходит за пределы программы не только робеспьеристов, но и их союзников - а позже врагов - «слева».

Это обстоятельство облегчает ему беспристрастное отношение к великому якобинцу. Наша характеристика Робеспьера как типичного идеолога мелкой буржуазии уже сделана. Остается дополнить его образ несколькими индивидуальными чертами.

Политические противники Робеспьера окружили его имя толстым слоем всевозможной лжи и клеветы. Не довольствуясь грубым извращением духовного облика якобинского вождя, они исказили даже его внешность. Оставляя в стороне как злостные карикатуры, вышедшие из-под пера врагов, так и сентиментально прикрашенные портреты, дававшиеся друзьями и поклонниками, попробуем описать наружность Робеспьера теми чертами, на которых сходятся свидетельства большинства современников.

Это был человек среднего роста, сухощавый, тщедушный на вид, с бледным болезненным лицом, слегка попорченным оспой и глубокими, полными мысли глазами, скрытыми под очками, которые ему приходилось носить по слабости зрения. Длинные, зачесанные назад каштановые волосы, большой, несколько выпуклый на висках лоб. Резко изогнутые брови, прямой нос, четко очерченные губы и плотный подбородок. Твердая, быстрая походка; резкий голос, нервное подергивание плечами и шеей, сжимание рук в моменты душевного волнения.

Вопреки тогдашней моде подражать в одежде и манерах простонародью, вплоть до намеренной неряшливости, Робеспьер упорно продолжал тщательно пудрить волосы, носить манжеты и жабо, походя своим безупречным костюмом на мелкого рантье старого порядка.

С тех пор, как Робеспьер покинул свой Аррас молодым подававшим надежды адвокатом, его ораторский талант вырос и окреп. В эпоху Конвента он достиг своего высшего расцвета. Речи Робеспьера, заранее обработанные, всегда невозмутимо серьезные и несколько академические, нравились демократической аудитории. В Якобинском клубе его выступления вызывали энтузиазм, порой граничивший с фанатизмом; притом не только в период его наибольшего влияния, но и в эпоху, когда, как, например, в конце 1791 г., большинство клуба отнюдь не разделяло его позиции.

Приведенные выше выдержки из речей Робеспьера, думается, достаточно убедительно опровергают утверждение Тэна, не нашедшего в них ничего, кроме «витания в пустом пространстве, среди одних отвлеченностей», кроме общих мест, якобы обнаруживающих полное незнание современной Франции.

В своей «Социалистической истории» Жорес дает вполне правильную характеристику Робеспьера как оратора. «Было бы ошибкой, - говорит он, - видеть в Робеспьере какого-то риторика, увлеченного лишь общими идеями и способного только на фразы и построение теорий...»

«В действительности он всегда был в курсе всех деталей революционного движения, происходившего в стране, во всеоружии фактов; невероятным напряжением ума, путем кропотливого анализа действительности он старался составить себе точное понятие о пригодности людей, выдвинутых революцией»³.

Через всю сознательную жизнь Робеспьера красной нитью проходит его непоколебимая вера в народ и в революцию, преданность демократической республике. 25 февраля 1793 г. он говорил в клубе якобинцев: «Я утверждал, преследуемый и никем не поддерживаемый, что народ никогда не бывает неправым, я осмеливался провозглашать эту истину, когда она еще не была признана: ход революции обнаружил ее».

Глубокой преданностью демократическим идеалам объясняется и политическая нетерпимость Робеспьера. Он полагал, что существуют лишь две партии: «хороших» и «дурных» граждан - патриотов и контрреволюционеров. Те, кто не разделяют убеждений патриотов, - антиобщественные элементы, от которых необходимо освободить страну.

Его «нетерпимость» и «прямолинейность», на которую указывают противники, свидетельствуют о его стойкости, безграничной преданности делу революции и готовности не останавливаться ни перед чем, чтобы обеспечить единство и сосредоточить все силы на борьбе с внешними и внутренними врагами республики.

В 1793-1794 гг., в период ожесточенной гражданской войны, Робеспьер был сторонником систематически применяемого террора, который, однако, начался, как мы видели, еще задолго до того, как якобинцы стали у власти. И если нельзя считать террористический режим каким-то специальным изобретением якобинцев, то еще нелепее приписывать террор какой-то исключительной «кровожадности» Робеспьера.

В действительности за необходимость самых беспощадных репрессий по отношению к контрреволюционерам всякого сорта стояло тогда большинство Конвента и Комитета общественного спасения⁴. Случалось даже, что Робеспьер выступал против крайних террористических мероприятий, на которых настаивали некоторые члены Горы.

Так, например, в октябре 1793 г. ему удалось провалить предложение Комитета общественного спасения о предании суду Революционного трибунала 75 жирондистов - членов Конвента, подписавших протест по поводу ареста их товарищей, и тем спасти своих злейших политических противников от неминуемой гильотины. «Нечего обрушиваться на рядовых членов партии: достаточно уничтожить ее вождей», - так аргументировал он свою точку зрения в этом вопросе.

Робеспьер вообще полагал, что, преследуя со всей строгостью врагов республики, Конвент и его комиссары на местах «не должны увеличивать без пользы число жертв» красного террора. Как раз по настоянию этого «кровавого тигра», каким любили рисовать Робеспьера его противники, были посланы специальные агенты в только что усмиренные местности, чтобы положить конец ненужным жестокостям, практиковавшимся некоторыми комиссарами центрального правительства. Правда, беспощадный закон 10 июня 1794 г. (22 прериаля II г.) прошел по настоянию Робеспьера.

Не нужно, однако, забывать, что июньский закон прошел всего за каких-нибудь полтора месяца до падения Робеспьера, когда, лишившемуся поддержки широких масс, якобинскому правительству приходилось напрягать все усилия, чтобы устоять против надвигавшейся контрреволюции.

Очень ошибаются те, кто видел в Робеспьере отвлеченного теоретика. Напротив, это был «человек действия». Он не завещал нам планов будущего общества, выработанных в тиши кабинета: его место было в повседневной борьбе за улучшение существующего общества в интересах малоимущих⁵.

В эпоху своего политического торжества Робеспьер проявил изумительную энергию и трудоспособность. Его можно было видеть всюду: в Конвенте, в Комитете общественного спасения, в Якобинском клубе, в демократических кварталах Парижа. Народ, надолго сохранивший память о Робеспьере, называл его «неподкупным». Эту черту его характера вынуждены были признать даже его злейшие враги. Робеспьера нельзя «обольстить, (подобно Демулону, обедами, подобно Барнаву, ласками, подобно Мирабо и Дантону, деньгами...)» - говорит о нем реакционнейший историк Тэн⁶.

Робеспьер твердо держался принципа, что частная жизнь политического деятеля должна строго соответствовать его общественному идеалу.

Он считал поэтому своей обязанностью подавать пример строгости и простоты нравов, которых он требовал от граждан в своих речах.

Будучи у власти, он остался все тем же адвокатом - бессеребренником, каким знали его в Аррасе. Совершенно равнодушный к богатству, он не последовал примеру тех членов Конвента, которые благодаря участию в перепродаже национальных имуществ и всякого рода биржевых спекуляциях успели нажить себе за время революции крупные состояния. Всемогущий «диктатор», как ославили его враги, продолжал скромно жить в своей единственной комнате у столяра Дюпле, где поселился еще летом 1791 г.⁷

Кстати сказать, обвинение в стремлении к диктатуре, которое так любили бросать Робеспьеру еще жирондисты, так же мало обосновано, как все прочие клеветнические измышления его политических противников. В период господства якобинцев он был фактически главой государства. Но то, бесспорно, огромное влияние на государственные дела, которым пользовался Робеспьер, покоилось на безграничном доверии широких масс к своему вождю. «Он пользуется огромной популярностью, - говорил Бильо-Варенн. - Ставшая заметной еще при Учредительном собрании, она возросла при Законодательном, а впоследствии усилилась еще более, так что в Национальном конвенте он был единственным человеком, приковывавшим всеобщее внимание... Благодаря своему влиянию на общественное мнение... он был уже самым значительным человеком Франции, когда попал в Комитет общественного спасения».

Но и здесь Робеспьер не был каким-то самодержцем: его товарищи по Комитету (финансист Камбон, организатор национальной защиты Карно и др.) пользовались в делах, касавшихся их ведомств, чрезвычайной широкими полномочиями.

Умевший быть строгим и властным там, где приходилось выступать в качестве представителя революционного правительства, в частной жизни он отличался великодушием, готовность помочь всякому, а особенно бедняку. Это располагало к нему всех, кому приходилось иметь с ним чисто личные дела.

При всем том мы отнюдь не отрицаем наличия весьма мало симпатичных черт в характере Робеспьера, например его лицемерия и неразборчивости в средствах в борьбе с противниками, о чем свидетельствует поведение Робеспьера в сентябрьские дни 1792 г.

Во время погромов парижских тюрем Робеспьер донес Генеральному совету о заговоре могущественной партии в пользу герцога Брауншвейгского. Все обвинение было построено на основании одной легкомысленной и глупой статьи жирондиста Карра. Но в данной обстановке пущенная против жирондистов клевета была равносильна призыву к народному самосуду над лидерами партии. Преследование Ру, процесс дантонистов и эбертистов также дают на этот счет немало материала. Но эти отрицательные свойства, которые в неменьшей мере были свойственны его политическим противникам (вспомним, например клеветническую кампанию, которую вели жирондисты против Робеспьера, Дантона и Марата, обвиняя их в стремлении к личной диктатуре, «триумвирату» и т.п.), отнюдь не могут помешать нам видеть в Робеспьере одного из великих вождей французской демократии. Представитель мелкой буржуазии переживавшей в конце XVIII в. свой героический период, Робеспьер был подлинным воплощением ее диктатуры.

Его история - история Великой революции. Он шел во главе ее вплоть до того момента, когда ее дальнейшее развитие стало угрожать частной собственности. За этими пределами революция превращается в глазах мелкого буржуа в «анархию» Отсюда борьба Робеспьера с «бешеными» и шометтистами, его стремление опереться на зажиточные слои мещанства.

Но этот последний период в жизни Робеспьера отнюдь не может умалить его заслуг перед революцией, подобно тому как социал-патриот Плеханов последних годов не может заставить нас забыть Плеханова - основателя российской социал-демократии или Плеханова времен старой «Искры». В своем непрерывном развитии Великая революция переросла Робеспьера, подобно тому как социалистическая революция наших дней переросла многих признанных социалистов.

После четырех лет гигантской борьбы, требовавшей напряжения всех сил, великий вождь французской демократии должен был остановиться перед новыми грандиозными задачами, выдвинутыми ходом революции и оказавшимися не по плечу мелкой буржуазии, ее вождям и идеологам.

И Робеспьер порой сам имел мужество признать этот факт: «Что касается меня, - говорил он у якобинцев 12 июня 1793 г., - то я признаю недостаточность своих сил, чувствую, что мои умственные и физические способности уже не соответствуют уровню, достигнутому Великой революцией».

Буржуазия конца XIX и начала XX в., охваченная страхом перед надвигающейся диктатурой пролетариата, основательно забыла о своем революционном прошлом, о славных битвах с королями, дворянами и нотами; она предала проклятью и героев этих битв.

Мировой пролетариат, которому предстоит сейчас последняя схватка со старым буржуазным миром, отдает должное памяти великих буржуазных революционеров, своей борьбой расчищавших дорогу рабочему классу.

1 И. Тэн. Происхождение современной Франции, т.IV. СПб., 190.

2 E.Hamel. Histoire de Robespierre, t.I-III. P., 1865-1867.

3 J.Jaur?s, Histoire socialistes de-la Revolution francaise, t.IV (La Convention), 1ere ed., [s. d.] (2me ?d.-1922-1924), p.169.

4 Многие террористические законы были приняты Конвентом не по инициативе Робеспьера: так, учреждение Революционного трибунала было предложено Дантоном, создание особой революционной армии - Бильо-Варенном, смертная казнь за предложение «аграрного закона» была установлена под влиянием доклада Барера (18 марта 1793 г.), декрета о праве присяжных требовать прекращения прений в Революционном трибунале после трех дней судебного разбирательства потребовал в Клубе якобинцев Эбер.

5 A.Mathiez. La politique sociale de Robespierre.- «Annales r?volutionnaires», vol.6, 1913.

6 И.Тэн. Указ. соч., т.IV, стр.102.

7 После казни Робеспьера его имущество, конфискованное в пользу государства было оценено в 38601 ливр 12 су на ассигнации, или в 2800 ливров (1050 руб.) звонкой монетой.

ИСТОЧНИКИ и ЛИТЕРАТУРА

Archives parlementaires de 1789 ? 1860, s?r. 1-2. Paris, 1914; Gazette Nationales ou Moniteur Universel, Paris, 1792-1794; La Societe des Jacobins (Aulard F. A.), III-VI. Paris, 1889; Buchez P. et Roux P. Histoire parlementaire, de la revolution francaise. Paris, 1834-1838, 40 v.; Duvrcgier J. Collection complete des lois, decrets, ordonnances etc. Paris, 1824-1878; Mautouchet P. Le gouvernement revolutionnaire. Paris, 1912; Rousseau J. Contrat social. Paris, 1909; J a u r e s J. Histoire socialiste de la Revolution Francaise, vol. II-IV. (La Legislative. La Convention). Paris, 1922-1924; Mortimeur-Ternaux. Histoire de la Terreur (1792-1794). Paris, 1863-1874, 5 v.; Mathiez A. Les subsistances pendant la revolution. (Annales revol., Paris, 1917, № 2); Aulard A. Les orateurs de Ja revolution. La Legislative et la Convention. Paris, 1906-1907, v. 1-2; Hamel. Histoire de Robespierre, I-III. 1865-1867; Braesch F. La Commune du dix aout 1792. Paris, 1911; Aulard A. Le culte de la Raison et le culte de l'Etre supreme (1793-1794). Paris, 1904; Sagnac Ph. La legulation civile de la revolution franchise. Paris, 1898; W a 11 o n H. La Terreur. Paris, 1873, 2 v.; Mathiez A. La politique sociale de Robespierre (Annales revolutionnaires, Paris, 1913, vol. 6); Duper on. La question du pain dans l'Yonne sous le regne du maximum. 1910; Куиов Г. Борьба классов и партий в Великой французской революции. М.-Пг., 1923; Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции, ч. I, СПб., 1911; Лихтенберже А. Социализм и французская революция, СПб., 1907; Олар А. Политическая история французской революции, Пг., 1918; Луи Блан. История французской революции, т.VII-XI, СПб., 1907-1900; Жорес Ж. История Великой французской Революции, т. I, III, вып. 1 и 2. М., 1920-1924; Фалькнер С.А. Бумажные деньги французской революции 1789-1797 (М., 1919 г.); Тэн И. Происхождение современной Франции, т. IV (П г., 1907); Кропоткин П. А. Великая французская революция. Пг.-М., 1922; Луицкий И.В. Состояние земледельческих классов во Франции накануне Революции и аграрная реформа 1789-1793 гг. (Киев, 1912 г.); Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии СПб., 1912; Mathiez A. Los engrages et la lutte pour le maximum (Annales revol Paris, 1917, № 4); Champion E. J.-J. Rousseau et la Revolution caise. Paris, 1909; Боровой А. А. История личной свободы во М., 1911; Вольтере Ф. Очерки по истории аграрных отношений и аграрного вопроса во Франции 1700-1790 гг. (Исследование по аграрной истории Франции в XVIII в.) М.-Пг., 1923; Захер Я.М. Парижские секции 1790-1795, Пб. 1921 г; M a d e l i n L. Danton. Paris 1914; Mathiez A. Robespierre orateur (An. revol., Paris, 1912); Кареев Н. И. Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II года. СПб., 1914; Сорель А. Европа и Французская революция, т. IV-СПб. 1892; Mathiez A. La question sociale pendant la Revolution (2 ed., Paris, 1921); Mathiez A. Robespierre et le neuf Thermidor. Paris, 1910; U'Hericault. La revolution de Thermidor. Paris, 1816; Литературу по всей эпохе Великой революции см. в моем учебнике: Лукин Н. М. Новейшая история Западной Европы (ч.I, в конце IV главы). М., 1923.